

«Лучший из современных авторов полицейских хроник»

HOUSTON ★ CHRONICLE

87-й полицейский участок

Эд Макбейн

Эд Макбейн

Калипсо

Перевод: Евгений Роменович Сова

Посвящается Джею и Конни Кронли

Калипсо — афро-карибский музыкальный стиль, образовавшийся на Тринидаде и Тобаго в XX веке, произошёл от западноафриканского кайсо, популярного там же и в других странах, преимущественно Карибского бассейна, таких как Гренада, Белиз, Барбадос, Сент-Люсия и Доминика, появился в Западной Африке, особенно среди народов Эфик и Ибибио в Нигерии. Был популярен в 1950-х годах. Считается, что стиль калипсо возник в XIX веке у африканских рабов на сахарных плантациях. Исполнитель калипсо Роринг де Леон («Рычащий лев») в своей книге «Калипсо от Франции до Тринидада, 800 лет истории» («Calypso from France to Trinidad, 800 Years of History») утверждает, что калипсо произошло от музыки средневековых французских трубадуров.

Восходит в своих истоках к традиционным африканским жанрам «иронического» пения (тексты калипсо, как правило, носят сатирический, моралистический или даже социально-критический характер, комментируют актуальные, новостные, злободневные темы, часто посвящены тяжёлой доле негров, жителей Тринидада). Исполнители калипсо расширили границы свободы слова, тексты их песен передавали все новости, включая политические, о жизни на острове. Когда английская власть на острове стала более тоталитарной, цензура стала тщательно отслеживать слова песен, но калипсо продолжало быть источником новостей. Для калипсо характерны вопросно-ответная форма пения (запевалы и хора), использование полиметрии и полиритмии, нарочито ускоренное произнесение текста.

Первые записи калипсо, которые сделала тринидадская музыкальная группа «Lovey's String Band», появились в 1912 году. Первые звёзды появились в конце 1930-х годов: это Аттила ДеХун, Роринг де Леон и Лорд Инвадер (под руководством Лорда Китшенера записывались вплоть до 2000 года). Элементы калипсо также внедрились в джаз, что наблюдается в таком стиле, как калипсо-джаз.

В этом городе осень часто проходит впустую. Здесь не так много парков, и никогда не бывает буйства красок листвы, достаточного для того, чтобы ошеломить чувства. Небо часто бывает сырым и серым от последствий тропических штормов, родившихся в Карибском бассейне и унесённых бушующими ветрами далеко на север. И только в октябре оно иногда синее. Именно тогда, в пору увядания, воздух свежеет.

В сентябре, как обычно, шёл дождь.

Двое мужчин, идущих сквозь ночную грозу, выглядели по-осеннему. У того, что повыше, был цвет лица как у кофе с молоком, а под плащом он надел жёлтую шёлковую рубашку и красные шёлковые брюки. Жёлтый цвет отсвечивал в V-образном вырезе плаща, красный вспыхивал под подолом и в прорехах, открывавшихся при каждом шаге длинноногого. В левой руке он держал футляр с гитарой. Футляр раскачивался в такт его торопливым шагам. Низкорослый мужчина с трудом поспевал за ним. У него был более тёмный цвет лица, насыщенный шоколадно-коричневый, мокро блестевший под проливным дождём. На нём была зелёная лыжная куртка и брюки, почти совпадавшие по цвету с его кожей. Когда он улыбался, как сейчас, в передней части рта поблёскивал золотой зуб.

«Ты был сенсационен», - сказал он.

«Да», - без энтузиазма ответил высокий мужчина.

«Ты сразил их, парнишка, я не знаю, что мне сказать, чтобы убедить тебя.»

«Ага.»

«Посмотри, какая была толпа. Триста человек около сцены, ещё пятьдесят у входа. Это большая толпа, Джордж.»

«Это мало. Для вечера пятницы это очень мало.»

«Нет, нет, это не мало. При вместимости в четыреста человек? Ты собрал почти полный зал. Нет, сэр, я не считаю, что это мало.»

«Никто из них не знал, что я делаю, чувак.»

«Они всё ловили, Джордж. Ты выкладывался по полной, малыш, а они внимали. Как ты думаешь, почему они так кричали и вопили? Когда ты сделал это...»

Выстрелы раздались из затенённого дверного проёма многоэтажки.

Произошла вспышка жёлтого цвета, бледнее рубашки высокого мужчины, а затем раздался сопровождающий звук выстрела. Пуля вошла в левую часть его шеи и вылетела через выходное отверстие с противоположной стороны, кровь брызнула на дождь. Он попятился в поисках опоры, зашатался, уронил чехол с гитарой и повернулся, чтобы увидеть вторую вспышку. Пуля раздробила ему левую скулу и с диким треском пробила верхнюю часть черепа, раскроив голову в потоке хрящей, костей и крови.

Реакция коротышки была замедленной. Он уже повернулся к дверному проёму, когда дуло снова вспыхнуло жёлтым светом. Сверху сверкнула молния, раздался звук выстрела, а затем раскат грома, который, казалось, усилился и отозвался эхом. Он вздрогнул от неожиданности, а затем понял, что пуля пролетела мимо него. Он начал бежать. Услышав позади себя ещё один выстрел, он свернул в сторону, как квотербек (*ключевой игрок в американском футболе, задачей которого является продвижение мяча по полю – примечание переводчика*), уворачивающийся от соперников, - бесполезная реакция, учитывая скорость пули. Но прицел снова был неточным, он всё ещё был на ногах и бежал, и ему начало казаться, что он уйдёт невредимым. Пятая пуля попала ему высоко в левое плечо. Пуля сильно ударила его, так что сначала он почувствовал только давление, как будто кто-то с замаха шарахнул кувалдой ему по спине, а затем ощутил жгучую боль, когда пуля пробила плоть и кость, и резко упал плашмя на тротуар. На другой стороне улицы он слышал чей-то крик. В водосточной трубе справа от него послышался шум воды. А потом он слышал нечто, от чего внезапно ужаснулся. Шаги. Шаги, стремительно удаляющиеся от подъезда к тому месту, где он лежал, истекая кровью, на тротуаре.

Он сказал: «О, Господи, пожалуйста», - и поднял голову. Он увидел только кончики чёрных кожаных ботинок под узкими чёрными брюками. Он прищурился сквозь шум дождя, поднял голову чуть выше

и увидел руку в чёрном рукаве, направленную ему в голову, и кисть, сжимающую чёрный пистолет. Снова сверкнула молния, сначала он подумал, что это вспыхнуло дуло, услышал гром и принял его за выстрел пистолета. Вместо этого раздался щелчок. Он донёсся до него сквозь хриплый шёпот дождя. С улицы доносились крики, хор голосов приближался. Раздался ещё один щелчок, и ещё. Ещё мгновение он видел кончики чёрных кожаных ботинок, а потом они исчезли. Он услышал шаги, удаляющиеся под дождём, а затем ещё шаги, приближающиеся с противоположного направления, голоса над ним и вокруг него. «Мужик, ты это видел?», «вызовите полицию», «кто-нибудь, вызовите скорую», «ты в порядке, парень?», а затем он потерял сознание.

На помощнице по административным вопросам в отделе связи была надета телефонная гарнитура с одним наушником, а мундштук с микрофоном находился у её подбородка. Она сидела перед консолью, похожей на телевизионный экран с клавиатурой для печатной машинки под ним. Справа от неё находилась ещё одна консоль с тридцатью двумя кнопками; именно она активировалась по звонку 911 из любого из пяти отдельных районов города. В двадцать минут пополудни замигала кнопка, соответствующая Айsole, и она тут же сказала в рупор: «Оператор семьдесят четыре. Где чрезвычайная ситуация?»

Из телефонной будки на углу, неподалёку от того места, где на тротуаре лежали два человека, истекающие кровью, раздался взволнованный голос: «Здесь застрелили двух парней. Они лежат здесь на земле.»

«Где это, сэр?»

«Калвер-авеню, около Южной Одиннадцатой.»

«Подождите, пожалуйста.»

Её рука метнулась к клавиатуре пишущей машинки. Её указательный палец нажал сначала на клавишу «I», а затем на «Q». На экране над пишущей машинкой светящимися зелёными буквами на тёмно-зелёном фоне высветилась двухчасовая сводка по сектору:

IQ/3 1A

IQ/3 КАЛВЕР ЮЖНАЯ ОДИНАДЦАТАЯ

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ / ВНЕ ПОМЕЩЕНИЙ

**** НЕ НАЙДЕНО НИ ОДНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ ****

Компьютер только что сообщил ей, что звонивший не сообщает о чрезвычайном происшествии, о котором уже сообщалось в течение последних двух часов. Она сказала в трубку: «Сэр, в данный момент идёт стрельба?»

«Нет, он убежал. Человек с пистолетом убежал. Они лежат здесь, на тротуаре, вдвоём.»

«Как вас зовут и с какого номера вы звоните, сэр?»

На линии раздался щелчок. Это был город. Одно дело - сделать доброе дело, другое - ввязаться в это дело. Не удивившись, помощница набрала четыре цифры на своей телефонной консоли и начала печатать, пока её звонок проходил через Centrex (*составное слово из двух слов, central и exchange, буквально центральный коммутатор – примечание переводчика*).

«Скорая помощь», - сказал женский голос.

«Двое мужчин с огнестрельными ранениями, тротуар на углу Калвер и Южной Одиннадцатой.»

«Принято», - сказала женщина.

На линии раздался ещё один щелчок. Помощница продолжила печатать. По мере того, как она набирала текст, слова появлялись на экране консоли яркими электронными буквами:

IE / 1A СЛУЧИВШЕЕСЯ НАПАДЕНИЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ / ДВЕ ЖЕРТВЫ

ТРОТУАР КАЛВЕР

ЮЖНАЯ ОДИНАДЦАТАЯ / ПЕРЕДАНО В СКОРУЮ ПОМОЩЬ

Она потянулась к кнопке ввода на клавиатуре и сразу нажала её. Мгновенно в другой части отдела связи на почти такой же консоли в

комнате экстренных диспетчеров вспыхнул зелёный свет. Диспетчер, сидевший перед консолью, тут же нажал кнопку «Q». На его экране появилось сообщение, которое только что набрала и ввела помощница. Он нажал кнопку «TRANSMIT» (*«передача»* – **примечание переводчика**) на консоли справа от себя. Когда он заговорил в микрофон, висящий над пультом, то уже начал печатать.

«Адам Два», - сказал он, - «вы свободны?»

«Подтверждаю, Центральный.»

«Десять-двадцать четыре, двое мужчин с огнестрельными ранениями на тротуаре на углу Калвер и Южной Одиннадцатой.»

«Десять четыре.»

На экране появилась надпись «ES ADAM 2». «Адам Два» - это фургон экстренной службы, обслуживающий этот район города. Диспетчер знал, что скорая помощь уже едет; помощница, принимавшая звонок, сообщила, что это случай скорой помощи, и он знал, что она сразу же связалась бы с приёмным отделением скорой помощи. Он предполагал, что фургон «Адам Два» прибудет раньше, чем скорая помощь. Если бы речь шла о прыгуне на одном из городских мостов, или о человеке, зажатом под грузовиком, или об угрозе взрыва, или о любой другой чрезвычайной ситуации, требующей более тяжёлого оборудования, чем то, что перевозится в фургоне, он бы также связался по рации с «Транспортёр Два» и попросил бы их приехать, если бы они были на месте. Как бы то ни было, он знал, что «Адам Два» справится с этим в одиночку. Он нажал две цифры на своей телефонной консоли, открывая связь с одним из диспетчеров мобильного подразделения на этаже.

«Мобильное подразделение.»

«Срочно», - сказал он. «Десять-двадцать четыре, двое мужчин с огнестрельными ранениями на тротуаре на пересечении Калвер и Южной Одиннадцатой.»

«Понял, Фрэнк.»

Радиочастота, используемая диспетчером мобильного подразделения и всеми патрульными машинами в Айзоле, не совпадала с частотой, используемой экстренным диспетчером. В фургоне «Адам Два»

водитель и его напарник следили за обеими частотами, но люди в отдельных патрульных машинах были настроены только на диапазон мобильного подразделения. Диспетчер знал о местонахождении каждой патрульной машины в Айзоле; на этаже находились ещё четыре диспетчера, отдельно контролировавшие машины в Риверхеде, Калмс-Пойнте, Беттауне и Маджесте. Диспетчер в Айзоле знал, что Калвер и Южная Одиннадцатая находятся в 87-м участке. Он также знал, что машина Бой, находящаяся там, отреагировала на вызов 10-13 - помощь офицеру полиции - тремя минутами ранее, покинув свой обычный сектор, чтобы присоединиться к машине Адам на углу Калвер и Южной Третьей. Машина Чарли только что отреагировала на вызов 10-10 - подозрительный человек - и ответила по рации 10-90 - необоснованно. Диспетчер сказал в микрофон: «Восемь-Семь Чарли, десять-двадцать четыре, двое мужчин с огнестрельными ранениями на тротуаре на углу Калвер и Южной Одиннадцатой.»

Человек, ехавший в машине Чарли, несомненно, был новичком в этом деле. Он сразу же сказал с явным волнением: «Десять тридцать четыре, вы сказали?»

«Двадцать четыре, двадцать четыре», - нетерпеливо сказал диспетчер, отличая для новичка уже совершённое преступление от готовящегося.

«Десять четыре», - подтвердил новичок. В его голосе звучало разочарование.

Пять минут спустя, в ответ на сообщение, поступившее из машины Чарли в здание участка, на место происшествия прибыли детективы Стив Карелла и Мейер Мейер из 87-го участка. Через пять минут после этого детективы Моноган и Монро из отдела по расследованию убийств стояли на тротуаре и смотрели вниз на мёртвого мужчину в жёлтой рубашке и красных брюках.

«Наверное, какой-то музыкант», - сказал Моноган.

«Гитарист», - сказал Монро.

«Да, это чехол для гитары», - сказал Моноган.

«Он отлично поработал головой», - сказал Монро.

«Это его мозги, на которые мы смотрим», - сказал Моноган.

«Разве я не узнаю мозги, когда увижу их?»

«Каково состояние другого парня?»

Он обратился с этим вопросом к Карелле, который молча смотрел на труп. На лице Кареллы появилось страдальческое выражение. Его глаза - слегка восточные, скошенные книзу, - казалось, преувеличивали выражение скорби, создавая ложный образ человека, который может внезапно разрыдаться. Высокий, атлетически сложенный, стройный белый мужчина стоял под дождём, засунув руки в карманы, и смотрел на труп. В дверном проёме за его спиной человек из фото-отдела щёлкал своим полароидом (*обиходное название фотокомплектов одноступенного фотопроцесса, а также фотоаппаратов для съёмки на эти комплекты – примечание переводчика*), его вспышка стробоскопа мигала, как далёкая звезда. В коридоре один из лаборантов искал стреляные гильзы.

«Карелла? Ты слышишь меня?», - сказал Моноган.

«Его увезли на фургоне до того, как мы приехали», - сказал Карелла. «Патрульный в машине Чарли сказал, что у него кровотечение спереди и сзади.»

«Но всё ещё жив, да?»

«Жив», - сказал Карелла и снова посмотрел на мертвеца.

«Эй, Пети (*сверхминиатюрные фотокамеры Petie, производившиеся и распространявшиеся на территории ФРГ с 1950-х до 1960-х годов – примечание переводчика*), ты закончил со съёмкой?», - обратился Моноган к фотографу.

«Да, у меня есть всё, что нужно», - ответил фотограф.

«Ты уже обыскал его?», - спросил Моноган Кареллу, жестом указывая на мертвеца.

«Я как раз собирался, когда ты пришёл.»

«Не надо ему мозги пудрить», - сказал Монро.

Карелла опустился на колени рядом с трупом. В правом кармане задней части брюк – «присоске», которую мог незаметно подрезать любой

карманник, - Карелла обнаружил коричневый кожаный бумажник с водительскими правами, в которых покойный значился как Джордж К. Чеддертон. Его адрес был указан как 1137 Раучер-стрит, вверх по району Даймондбэк. Рост - шесть футов четыре дюйма, пол - мужской, а дата рождения - должно было исполниться тридцать лет десятого ноября, если бы он столько прожил. В удостоверении также указывалось, что оно действительно только в том случае, если предъявитель носит корректирующие линзы во время вождения. Джордж К. Чеддертон, лежавший на тротуаре мёртвым, не носил очков, если только они не были контактными.

За правами лежала запечатанная люцитом (также полиметилметакрилат, термопластичный прозрачный пластик, может подвергаться окрашиванию и тонированию – **примечание переводчика**) карточка, гласившая, что он является действительным членом местного отделения Американской федерации музыкантов, - подтверждение личности, впрочем, и не требовавшееся. В бумажнике не было регистрации транспортного средства, но это ничего не значило: большинство автомобилистов хранят регистрацию в бардачках своих машин. В отделении для наличных денег Карелла нашёл три стодолларовые купюры, пятёрку и две по одному доллару. Стодолларовые купюры обеспокоили его. Они не походили на купюры, которые человек мог бы носить с собой в этом районе - если только он не толкач или сутенёр. Или Чеддертон направлялся домой после концерта? Тем не менее триста долларов казались больше, чем любой гитарист мог заработать за одну ночь. Неужели это его плата за неделю работы? Он перевернул мужчину на бок и потянулся к левому заднему карману. В нём оказался только испачканный носовой платок.

«Не испачкай руки соплями», - весело сказал Монро.

Дождь барабанил по тротуару. Карелла был без шляпы, в тёмном плаще, а по обе стороны от него стояли громоздкие фигуры детективов из убийного в чёрных плащах и чёрных фетровых шляпах. Их руки были засунуты в карманы. Они наблюдали за Кареллой с чем-то меньшим, чем интерес, но большим, чем любопытство. В этом городе расследованием убийств занимался детектив из участка, принявший вызов. Детективы убийного отдела реагировали на это как само собой разумеющееся, и последующие бумажные отчёты регулярно доставлялась им. Но, по сути, они были зрителями. Или, возможно,

судьями. Карелла, сгорбившись и присев на корточки под дождём, обшарил правый боковой карман мертвеца. У Чеддертона было шесть ключей на кольце, но ни одного от машины, 67 центов мелочью и жетон метро. Киоск метро на линии Калвер-авеню находился всего в двух кварталах. Был ли он убит по дороге в метро? Или он и другой мужчина шли к припаркованной где-то поблизости машине?

«Как его зовут?», - спросил Моноган.

«Джордж Чеддертон.»

«Мило», - сказал Монро почти про себя.

«Медэксперт уже в пути?», - спросил Моноган.

«Должно быть», - сказал Карелла. «Мы уведомили его.»

«Разве кто-то сказал, что это не так?», - сказал Моноган.

«Что с тобой сегодня?», - спросил Монро. «Ты выглядишь подавленным.»

Карелла не ответил ему. Он был занят тем, что складывал в мешок и помечал вещи, извлечённые из карманов мертвеца.

«Дождь ввёл тебя в депрессию, Карелла?», - спросил Моноган.

Карелла по-прежнему ничего не говорил.

Монро кивнул. «Дождь может повергнуть человека в уныние», - сказал он.

«Почему же у нас нет зонтиков?», - неожиданно спросил Моноган. «Ты заметил это?»

«А?», - сказал Монро.

«Ты когда-нибудь видел полицейского с зонтиком? Я никогда в жизни не видел полицейского с зонтиком.»

«Я тоже», - сказал Монро.

«Как же так получается?», - спросил Моноган.

«Не позволяй дождю угнетать тебя», - сказал Монро Карелле.

«Посмотри, что это сделало с Чеддертоном», - сказал Моноган.

«А?», - сказал Монро.

«Ходил вот так, с открытой макушкой, и в результате убит», - сказал Моноган и начал смеяться.

Монро рассмеялся вместе с ним. Карелла подошёл к лаборанту, который всё ещё работал в коридоре. Он передал ему вещи мертвеца.

«Содержимое его карманов», - сказал он. «Нашли что-нибудь?»

«Пока ничего. Вы знаете, сколько выстрелов было сделано?»

«Мейер сейчас разговаривает с одним из свидетелей. Хотите послушать?»

«Зачем?», - спросил техник.

«Узнаете, сколько выстрелов было сделано.»

«На улице идёт дождь», - сказал техник. «Я могу узнать, сколько выстрелов было сделано прямо здесь, если найду гильзы.»

Мейер и свидетель стояли под открытым навесом булочной. Окна магазина были закрыты на ночь. Мужчина, с которым разговаривал Мейер, был худым светлокожим пуэрториканцем. Этот район представлял собой смесь латиноамериканцев и афроамериканцев: пуэрториканцы с Мейсон-авеню переместились на Калвер-авеню в последние несколько лет, и трения были постоянными. Карелла уловил лишь конец фразы мужчины. Он говорил с сильным испанским акцентом.

«...наверное позвонил», - сказал он.

«Вы знаете, кто это сделал?»

«Никто не хочет знать, кто это сделал», - сказал мужчина. «Мы не хотим вмешиваться, понятно?»

«Да, но кто в конце концов вызвал полицию?»

«Какой-то чёрный парень, не знаю кто.»

«Где вы были, когда слышали выстрелы?», - сказал Мейер.

Это был высокий плотный белый мужчина с фарфорово-голубыми глазами, одетый в плащ Burberry (*британская компания, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии – примечание переводчика*) и клетчатую шляпу профессора Хиггинса (*персонаж пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу – примечание переводчика*), которая делала его похожим скорее на инспектора из Скотланд-Ярда, чем на детектива из восьмидесят седьмого полицейского участка. Шляпа была новым приобретением. Она скрывала тот факт, что он совершенно лыс. Сейчас шляпа была мокрой и бесформенной. Над его головой навес стекал бахромой дождя на тротуар. Он ждал ответа свидетеля. Тот, казалось, раздумывал.

«Ну?», - сказал Мейер.

«Мы просто болтались по бильярдной», - сказал он и пожал плечами.

«Сколько вас?»

«Пятеро или шестеро, точно не знаю.»

«И что дальше?»

«Услышали выстрелы.»

«Сколько выстрелов?»

«Quién sabe? (*по-испански «Кто знает?» – примечание переводчика*) Много.»

«И что дальше?»

«Мы прибежали.»

«Видели кого-нибудь с оружием?»

«Мы видели, как убегает мужчина. Высокий мужчина, одетый во всё чёрное.»

«Можете описать его?»

«Высокий. Тощий. Весь в чёрном. Чёрное пальто, чёрная шляпа, чёрные ботинки.»

«Вы видели его лицо?»

«Нет, я не видел его лица.»

«Он был белым или чёрным?»

«Я не видел его лица.»

«Вы видели его руки?»

«Нет, он убежал.»

«Какого он роста?»

«Выше среднего, что-то в этом роде.»

«Сколько, по-вашему, он весит?»

«Он был худой. Как мальчик, знаете ли.»

«Вы сказали «мужчина».»

«Да, но худой, как мальчик. Como un adolescente, comprende? (*«Как подросток, понимаете?»* – **примечание переводчика**)»

«Я не знаю, что это значит. Как это по-английски?»

«Él parecía tener diecinueve años. (*«Он выглядел так, будто ему было девятнадцать.»* – **примечание переводчика**)»

«Кто-нибудь здесь говорит по-испански?», - крикнул Мейер.

Патрульный в чёрном прорезиненном дождевом плаще подошёл к тому месту, где они стояли. На пластиковой табличке под щитком он значился как Р. Серрано. «Помочь?», - сказал он.

«Спросите этого парня, что он только что сказал.»

«Что вы хотите сказать детективу?», - спросил патрульный.

«Человек, которым он интересуется, казался подростком.»

«Что он сказал?», - спросил Мейер.

«Он сказал, что парень, который разыскивается, выглядел как подросток.»

«Хорошо, спасибо», - сказал Мейер. «Передайте ему спасибо. Gracias», - сказал он, обращаясь к самому мужчине, - «скажите ему, что он может

идти. Передайте ему, что мы с ним закончили. Грасиас», - повторил он и повернулся к Карелле. Патрульный деловито переводил свидетелю. Свидетель, казалось, не хотел уходить. Пока его допрашивала полиция, он, похоже, считал себя звездой. Он был явно разочарован, когда патрульный сказал ему, что он может идти. Он начал спорить с патрульным. Патрульный по-английски сказал ему, чтобы он проваливал, а затем вернулся и встал под дождём там, где были установлены полицейские баррикады. Картонные таблички «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ – НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», прикреплённые к баррикадам, уже начали вянуть под непрекращающимся ливнем.

«Ты это слышал, Стив», - сказал Мейер. «Высокий худой подросток.»

«Сколько в этом городе высоких худых подростков, как ты думаешь?»

«Господи, я не знаю, как зовут того парня! Эй!», - крикнул Мейер. «Эй, ты! Подожди минутку!»

Свидетель, который ещё минуту назад не хотел уходить, теперь услышал, что его срочно вызывают. Он поступил так, как поступил бы любой человек в здравом уме. Он начал бежать. Пуэрториканский полицейский, который переводил для Мейера, начал его преследовать. Он завернул за угол, поскользнулся и чуть не упал на мокром асфальте. Дождь лил уже сильнее. Молнии и гром уже стихли, остался только непрекращающийся сверлящий дождь. Моноган и Монро подошли к ним и встали под навесом.

«Где этот чёртов судмедэксперт?», - сказал Моноган.

«Разве он не знает, что идёт дождь?», - сказал Монро.

«Мы вам ещё нужны здесь?», - сказал Моноган.

«Нам всё ещё нужна причина смерти», - сказал Карелла.

«Это будет большая загадка», - сказал Моноган. «Парню разнесло голову, что, по мнению судмедэкспертов, его убило? Цветочный горшок, упавший с подоконника?»

«Может, дождь», - вспомнил Монро и снова рассмеялся. «Может быть, на него обрушился дождь, как ты и сказал.»

«Я был бы признателен, если бы вы подождали, пока приедет медэксперт», - тихо сказал Карелла.

Патрульный, который побежал за свидетелем, вернулся из-за угла, запыхавшись. Он подошёл к тому месту, где под навесом стояли мужчины. «Я потерял его», - сказал он.

Моноган посмотрел на его табличку. «Отличная работа, Серрано», - сказал он. «Повышение по службе не за горами.»

«Как зовут вашего капитана?», - спросил Монро. «Мы объявим благодарность.»

«Фрик», - сказал патрульный. «Капитан Фрик.» Он выглядел обеспокоенным.

«Капитан Фрик, запомни это», - сказал Моноган.

«Понял», - сказал Монро.

«Мы хотим поехать в больницу», - сказал Мейер, - «поговорить с другой жертвой. Вы можете завершить здесь дела вместо нас?»

«Что, под дождём?», - сказал Моноган.

«Вы можете остаться под навесом», - сказал Мейер.

«А вот и судмедэксперт», - сказал Карелла и вышел под дождь к обочине, где под углом к одной из патрульных машин притормаживал чёрный автомобиль с символикой города.

«Насколько закончили остальные?», - спросил Моноган.

«Фотограф вот-вот уйдёт», - сказал Мейер. «Я не знаю, сколько времени займёт у техников. Они захотят отметить положение тела...»

«Как насчёт эскизов? Вы уже сделали свои эскизы?»

«Нет, но...»

«Тогда какого чёрта вы собираетесь покинуть место преступления?»

«Потому что другой парень может умереть раньше, чем мы до него доберёмся», - терпеливо сказал Мейер.

«Вы ведь команда, не так ли?», - сказал Моноган.

«Напарники», - сказал Монро.

«Пара.»

«Два копа, а не один.»

«Команда», - сказал Моноган. «Один из вас может остаться здесь, чтобы завершить, а другой отправится в больницу. Так будет лучше.»

«Это единственный способ сделать это», - сказал Монро.

«Мы бы так и поступили.»

«Только так мы и поступим.»

«Присылайте нам своё бумажное дерьмо», - сказал Моноган.

«В трёх экземплярах», - сказал Монро, и оба детектива из отдела убийств вышли под дождь и направились к месту, где был припаркован их чёрный седан «Бьюик».

Мейер вздохнул.

Заявление умирающего человека является допустимым доказательством в суде, но Амброуз Хардинг был далеко не при смерти. Более того, ему очень повезло. Если бы пуля вошла ему в спину чуть ниже и чуть правее, она могла бы перебить позвоночник. Даже если бы пуля не задела позвонки и заднюю часть грудной клетки, она могла бы пройти через лёгкое, раздробить одно из передних рёбер и выйти через грудную стенку - в этом случае ему бы немедленно сделали операцию, и сейчас он находился бы в отделении интенсивной терапии с трубкой респиратора, торчащей из гортани, ещё одной трубкой, дренирующей грудную клетку, и ещё несколькими трубками, по которым ему внутривенно вводили декстрозу, воду и кровь. Вместо этого, поскольку пуля вошла ему в спину высоко в левое плечо, пропустив лопатку и сломав при выходе только левую ключицу, он сейчас находился на ортопедическом этаже больницы, его левое плечо было обездвижено гипсом, но в остальном он находился под лёгкой седацией и чувствовал себя довольно хорошо.

Детектива, который с ним разговаривал, звали Стив Карелла. Они бросили монетку, чтобы выяснить, кто останется на месте преступления под дождём, и Мейер проиграл. Иногда Мейер подозревал, что у Кареллы есть монета с двумя орлами. Но даже когда Мейер подбрасывал монету, Карелла выигрывал. Возможно, у Кареллы также была монета с двумя решками. А может, Карелле просто везло. Амброузу Хардингу точно повезло. Он рассказал Карелле, как ему повезло, и Карелла - который сразу же сообщил ему, что Чеддертон мёртв, - заверил его, что ему действительно повезло.

«Пытался убить нас обоих, это уж точно», - сказал Хардинг. «Стоял надо мной с пистолетом в руке и целился мне в голову. Нажал на курок три раза, стоя надо мной вот так. Пистолет был пуст. Иначе я был бы мёртв.»

«Сколько всего было произведено выстрелов, вы знаете?»

«Я не считал, чувак. Я бежал.»

«Расскажите мне, что случилось.»

«Мы шли, вот что случилось, говорили о концерте...»

«Каком концерте?»

«Джордж давал концерт в зале на углу Калвер и Восьмой. Мы направились в центр города к тому месту, где я припарковал машину... Что будет с моей машиной, чувак? Я вернусь туда и найду на ней парковочный талон?»

«Скажите, где вы её припарковали, я прослежу, чтобы она не была помечена.»

«Это перед ломбардом на углу Калвер и Двенадцатой.»

«Я позабочусь об этом. Когда вы говорите «концерт»...»

«Джордж дал концерт.»

«Что за концерт?»

«Он пел калипсо. Вы когда-нибудь слышали о Короле Джордже?»

«Нет, простите.»

«Это Джордж Чеддертон. Так его звали. Король Джордж. Я его управляющий делами. Раньше, наверное, так и было», - сказал он и покачал головой.

«Во сколько начался концерт?»

«Восемь тридцать.»

«И когда закончился?»

«В одиннадцать или около того. Когда мы вышли из зала, было, наверное, не знаю, одиннадцать тридцать. Пришлось взять гонорар, ну, знаете, поздороваться с некоторыми людьми...»

«Сколько заплатили за работу?»

«Триста пятьдесят. Я взял пятьдесят в качестве комиссионных, а он остался с тремя купюрами.»

«Сотнями?»

«Да.»

«Хорошо, продолжайте. Вы вышли из зала в...»

«Одиннадцать тридцать, что-то около того. Мы шли к машине, дождь лил как из ведра, мы говорили о концерте, ну, вы понимаете, как вдруг кто-то выстрелил из здания.»

«Вы видели человека, который стрелял?»

«Не сразу.»

«Когда?»

«Когда он стоял надо мной и пытался меня убить. Тогда меня уже подстрелили, я лежал плашмя на тротуаре.»

«Он был белым или чёрным?»

«Я не знаю. Я видел только пистолет, направленный на меня.»

«А как насчёт его руки? Вы видели его руку?»

«Я видел его руку, да.»

«Белая или черная?»

«Чёрт его знает. Всё, что я видел, это... сначала я увидел его ботинки, чёрные ботинки, потом эти облегающие ноги брюки, а потом я поднял глаза и увидел пистолет, направленный на меня.»

«Рука, державшая пистолет, была белой или чёрной?»

«Я не знаю. Он был одет в чёрное пальто, рукав пальто был чёрным.»

«А рука?»

«Не знаю, чувак. Всё, что я видел, это как этот огромный пистолет смотрел мне в глаза.»

«Насколько большой?», - спросил Карелла.

«Большой, чувак.»

«Вы знакомы с оружием?»

«Только из армии.»

«Был бы он такого же размера, как, например, 45-й калибр?»

«Большой, как пушка, чувак! Когда пушка направлена тебе в голову, это уже пушка, неважно, какого она калибра. И вообще, почему вы меня спрашиваете? Разве ваши люди не могут разобраться в этом? Разве у вас нет людей, которые могут сказать, что это была за пушка? Калибр и всё такое?»

«Да, у нас есть люди, которые могут это сделать.»

«Потому что, чувак, всё, что я знаю, это то, что я думал, что всё кончено - прощай, приятно было встретиться с тобой. Я лежал, смотрел на эту штуку и думал: через две-три секунды в моей голове будет дыра. А потом - щёлк, мужик, а штука пуста! Он трижды нажал на курок, пытаюсь меня убить, но пистолет был пуст.»

«Что случилось потом?»

«Он сбежал, вот что. Услышал, что идут люди, и решил, что ему лучше убраться оттуда, а стоять под дождём с оружием - не самое лучшее занятие.»

«Расскажите мне о концерте», - сказал Карелла. «Как всё прошло?»

«Прекрасно.»

«Никаких проблем?»

«Нет. Толпа любила его.»

«Никто не подбадривал его из зала или...»

«Нет, мужик, они были в восторге от него, они любили его.»

«Сколько человек, по вашему мнению, там было?»

«Триста пятьдесят, если верить парню из зала. Но он жулик, и, возможно, продал билетов больше, чем говорил.»

«Что вы имеете в виду?»

«Нам полагалось по доллару за голову. Вместимость была четыреста человек, и мне показалось, что место было почти полным.» Хардинг вздохнул, потом покачал головой и снова вздохнул. «Теперь это уже не имеет большого значения, не так ли?»

«Как зовут этого человека? Того, кто управляет...»

«Лу Дэвис.»

«Белый человек?»

«Чёрный.»

«Вы говорили с ним о подсчёте посетителей?»

«Джордж сказал ему, что он мошенник, вот и всё.»

«Что он ответил?»

«Кто? Дэвис? Он смеялся, вот и всё.»

«Как он выглядит, этот Дэвис?»

«Коротышка-толстяк.»

«Коротышка-толстяк», - повторил Карелла.

«Эти ноги в облегающих брюках не были ногами Лу Дэвиса, если вы об этом подумали.»

«Расскажите мне побольше о толпе.»

«Я же говорил, они его любили.»

«Молодая толпа?»

«По большей части нет.»

«В ней есть подростки?»

«Я не видел ни одного. Дети не очень любят калипсо. В калипсо нужно думать, нужно прилагать усилия, чтобы услышать, что говорит человек. Сегодняшние дети не любят много думать. Им нравится, когда их кормят с ложечки. Когда Джордж выкладывался на полную, нужно было думать головой. Вы знаете, что такое калипсо, вы знакомы с калипсо?»

«Только Гарри Белафонте (*американский певец, актёр и общественный активист, прозванный королём музыки калипсо – примечание переводчика*)», - сказал Карелла.

«Настоящее калипсо - это то, что вы сами придумали. На островах, если вы поёте чужое калипсо, на вас смотрят свысока. Джордж придумал своё собственное калипсо, такое, каким вы его представляете, таким, каким оно было в самом начале. Знаете, как зародилось калипсо? С рабов, с самых низов. Им не разрешалось разговаривать друг с другом, пока они работали, поэтому они распускали все сплетни песней, дурача таким образом уйти (*уничжительный термин для обозначения белого человека – примечание переводчика*). Джордж спел тогда новое калипсо. Социальный комментарий. Протест. Говорил о сцене. Он был королём, он назвал себя правильно. Он был Королём Джорджем. Через три-четыре года он стал бы большой звездой. Я не знаю, почему это должно было случиться, я просто не знаю, почему, чёрт возьми, это должно было случиться.»

В комнате воцарилась тишина. Карелла вдруг почувствовал, как дождь барабанит по окну. Где-то на улице прозвучал сигнал, явно обозначавший скорую помощь.

«Когда вы говорите «социальный комментарий»...»

«Да.»

«И протест...»

«Да.»

«Могло ли это сегодня раздражать кого-нибудь?... Возможно ли это...?»

«Всех, чувак. Я знаю, что вы имеете в виду, и говорю вам: всех. В этом весь смысл калипсо. Вызвать у людей раздражение, заставлять их задуматься над ситуацией.»

«Таких, как кто?»

«Всех, начиная с мэра.»

«Он пел о мэре сегодня вечером?»

«Он всё время пел о мэре. Это был один из его самых больших номеров, посвящённых мэру.»

«О ком ещё он пел сегодня вечером?»

«К чему это?», - спросил Хардинг и усмехнулся. «Не думаете ли вы, что мэр мог быть тем, кто убил его?»

«Вы видите, куда я иду...»

«Конечно, я понимаю, к чему вы клоните. Джордж написал песню о копах, о крысах и мусоре, о соседском толкаче, о чёрной девушке, торгующей своей задницей с белыми парнями, о выпрямлении волос и отбеливании кожи... Он сделал целый сценарий. Это калипсо.»

«Какой район?»

«А? О. Верхний город. Даймондбэк.»

«В этой песне... он назвал конкретного толкача?»

«Я не знаю, о ком он пел», - сказал Хардинг.

«Ну, вы же слышали песню...»

«Если человек говорит, что кто-то - мэр, значит, он поёт о мэре.»

«А как насчёт того, что мужчина говорит, что кто-то толкает?»

«Тогда вы знаете, что он поёт о том, что кто-то толкает.»

«Каком толкаче?»

«Кто знает?», - сказал Хардинг. «Толкач, вот и всё.»

«Может ли любой толкач в Даймондбэке...»

«Я не знаю, кто мог бы обидеться или нет.»

«Была ли песня оскорбительной?»

«Песни Джорджа были социальным комментарием. Он рассказывал о том, каково это - быть чёрным в белом мире.»

«Вы бы сказали, что он пел о конкретном толкаче?»

«Насколько я знаю, нет.»

«Кто-нибудь мог, например, обидеться и убить его?», - Карелла сделал паузу. «И попытался убить вас?»

«Я не знаю, кто это мог быть.»

«Представляете ли вы музыкантов-наркоманов?»

«Нет.»

«Джордж был наркоманом?»

«Нет. Время от времени курил травку, но кто не курит?»

«Кто ему поставлял?»

«Да ладно, мужик, в этом городе можно купить травку где угодно.»

«Я знаю. Но у кого Джордж её покупал? Имел ли он с кем-то постоянные отношения?»

«Я так не думаю, мы никогда об этом не говорили. Кто говорит о покупке травки? Это то же самое, что говорить о чистке зубов.»

«Я пытаюсь выяснить, была ли эта песня о толкаче...»

«Я знаю, что вы пытаетесь выяснить.»

«Возможно, он определил конкретного толкача, с которым имел дело сам Джордж.»

«Насколько мне известно, у него не было никого подобного. Он не был наркоманом, он просто курил время от времени, как и все остальные, кого я знаю. Сейчас травка легальна.»

«Не совсем. А торговля травкой - вовсе нет.»

«Несмотря на это, песня была о тяжёлых наркотиках. О парне, который продавал героин молодым чёрным ребятам.»

«Джордж знает кого-нибудь подобного?»

«Если вы живёте в Даймондбэке, то должны знать сотню таких людей.»

«Лично? Он знал кого-нибудь подобного лично?»

«Вы когда-нибудь были в Даймондбэке?»

«Да», - сказал Карелла. «Я там бывал.»

«Ну, там все знают, кто такие толкачи.»

«Но не все пели о них», - сказал Карелла.

«Я думаю, вы не на том пути», - сказал Хардинг. «Я не думаю, что песня Джорджа кого-то обвиняет. Не настолько, чтобы он пришёл за Джорджем и убил его. В любом случае, я ни о ком не пел, а тот парень меня тоже пытался убить.»

«Он мог подумать, что вы его видели и могли опознать.»

«Возможно», - сказал Хардинг.

«Эти другие музыканты, которых вы представляете. Вы сказали, что никто из них не наркоман. А кто-нибудь из них хотя бы случайно связывался с тяжёлыми наркотиками?»

«Никто не связывается случайно с тяжёлыми наркотиками», - сказал Хардинг.

«Кто-нибудь из них экспериментирует?»

«Вы всё ещё продолжаете заниматься толкачами, да?»

«Я всё ещё занимаюсь этим», - сказал Карелла.

«Почему? Потому что Джордж был музыкантом?»

«Это часть дела.»

«А что за другая часть?»

«Деньги. На наркотиках крутятся большие деньги. Если бы Джордж разбил чью-то миску с рисом, это могло бы стать достаточной причиной для убийства.»

«Я же сказал, что не думаю, что в песне речь идёт о ком-то конкретном. Она была о развращении наших детей, вот и всё, наших чёрных детей.»

«Эти другие музыканты, которых вы представляете...»

«Ещё один клиент.»

«Кто это?»

«Группа под названием «Чёрный понедельник».»

«Рок?»

«Рок.»

«Есть соперничество?»

«Между Джорджем и группой? Никакой. Они - рок, он - калипсо. Это разные миры, чувак.»

«Эта чернокожая проститутка, что делает трюки для белых мужчин...»

«Этим промышляют все чёрные проститутки.»

«Но Джордж в своей песне не указывал на конкретную проститутку, да?»

«Насколько я знаю, нет.»

«Мог ли человек, стрелявший в вас, быть женщиной?»

«Может быть, и так, я не знаю.»

«Но вы сказали, что это был мужчина.»

«Я подумал, что тот, кто использует оружие, должен быть мужчиной.»

«Но вы не знаете, кем мог быть этот человек?»

«Совсем нет.»

«Насколько близки вы были с Джорджем?»

«Близки», - сказал Хардинг и поднял правую руку, плотно прижав указательный и третий пальцы.

«Сказал бы он вам, если бы получал письма с угрозами или телефонные звонки?»

«Он бы сам мне сказал.»

«Он упоминал что-нибудь подобное?»

«Ни слова.»

«Он когда-нибудь использовал музыкантов, когда...»

«Только он сам и его гитара.»

«Тогда он не был бы должен денег никаким помощникам или...»

«Никогда не пользовался услугами сайдменов (*задействованные только в ансамблевых партиях, не исполняющие импровизационные соло – примечание переводчика*). Во всяком случае, не в последнее время. Одно время у него была группа, но последние шесть лет он работает в одиночку.»

«Как называлась группа?»

«Не знаю. Это было ещё до меня. Я начал управлять делами Джорджа только тогда, когда он ушёл в самостоятельную деятельность.»

«А вы знаете, кто был в группе?»

«В ней участвовал его брат, но если вы надумаете его искать, то его уже давно нигде не видно.»

«Что вы имеете в виду?»

«Разошлись пути семь лет назад.»

«Куда он делся?»

«Не знаю. Может быть, вернулся в Тринидад.»

«Они оттуда родом?»

«Джордж и его брат родились здесь, но их отец был родом из Тринидада. Может, Санто вернулся в поисках своих корней. Его отец тоже, видите ли, уехал. Давным-давно, раньше, чем Санто.»

«Санто? Это имя брата?»

«Да. Это испанское имя. Их мать была из Венесуэлы.»

«Она ещё жива?»

«Она умерла шесть лет назад. Джордж говорил, что она умерла от разрыва сердца. Санто исчез и всё такое.»

«Это был младший брат, старший брат?»

«Младший, но я не знаю его точного возраста. Вам придётся спросить... О, Боже. Хлоя ещё не знает, да? О, Господи.»

«Хлоя?»

«Жена Джорджа. О, Господи, кто расскажет Хлое?»

Хлоя Чеддертон ответила на их настойчивый стук сонным голосом. Когда они представились полицейскими, она приоткрыла дверь и попросила их показать значки. Только убедившись, что это действительно полицейские, стоящие в коридоре, она сняла дверную цепочку и открыла дверь.

Это была высокая стройная женщина лет двадцати пяти, цвет лица - безупречный бежевый, соловые глаза - тёмные и светящиеся в узком овале лица. Стоя в дверях в длинном розовом халате поверх розовой ночной рубашки, она выглядела сонной и немного раздражённой. Ни в глазах, ни на лице не было предвкушения, ни ожидания плохих новостей, ни чувства тревоги. В этом районе визиты полиции были обычным делом. Они постоянно стучались в двери, расследуя ту или иную кражу со взломом или ограбление, обычно днём, но иногда и ночью, если преступление было более серьёзным.

«Миссис Чеддертон?», - спросил Карелла, и на её лице мелькнуло первое слабое подозрение. Он назвал её по имени, это не было обычным расспросом от двери к двери, они пришли сюда специально, чтобы поговорить с ней, поговорить с миссис Чеддертон; время было два часа ночи, и её мужа ещё не было дома.

«Что такое?», - сразу же спросила она.

«Вы Хлоя Чеддертон?»

«Да, что случилось?»

«Миссис Чеддертон, мне жаль говорить вам об этом», - сказал Карелла, - «но ваш муж...»

«В чём дело?», - спросила она. «Его ранили?»

«Он мёртв», - сказал Карелла.

Женщина вздрогнула от его слов. Она отступила от него и, покачивая головой, вышла из дверного проёма, вернулась на кухню, к холодильнику, и, покачивая головой, уставилась на него.

«Простите», - сказал Карелла. «Мы можем войти?»

«Джордж?», - спросила она. «Это Джордж Чеддертон? Вы уверены, что не ошиблись...?»

«Мэм, мне очень жаль», - сказал Карелла.

Тогда она закричала. Вскрикнув, она тут же поднесла руку ко рту и сильно прикусила костяшку согнутого указательного пальца. Она повернулась к ним спиной. Она стояла у холодильника, крик перешёл в захлебывающееся рыдание, которое вылилось в поток слёз. Карелла и Мейер стояли у открытой двери. Мейер смотрел на свои ботинки.

«Миссис Чеддертон?», - сказал Карелла.

Заплакав, она покачала головой и, по-прежнему стоя к ним спиной, жестом одной руки, широко расставленной за спиной, погладила пальцами воздух, безмолвно прося их подождать. Они подождали. Она пошарила в кармане халата в поисках носового платка, не нашла, подошла к раковине, где над доской висел рулон бумажных полотенец, сорвала одно и зарылась в него лицом, всхлипывая. Она высморкалась. Она снова начала всхлипывать и снова зарылась лицом в полотенце. Дверь в коридоре открылась. Из неё высунулась женщина с волосами, замотанными в лохмотья.

«Что такое?», - крикнула она. «Хлоя?»

«Всё в порядке», - сказал Карелла. «Мы - полиция.»

«Хлоя? Это ты кричала?»

«Они из полиции», - пробормотала Хлоя.

«Всё в порядке, спите», - сказал Карелла, вошёл в квартиру следом за Мейером и закрыл дверь.

Хлоя Чеддертон не могла вернуться ко сну. Она хотела знать, что произошло, и они рассказали ей. Она слушала, оцепенев. Она снова заплакала. Она попросила подробностей. Они рассказали ей подробности. Она спросила, поймали ли они того, кто это сделал. Они сказали, что только начали работать над этим. Все ответы по формуле. Незнакомые люди, ставшие свидетелями обнажённого горя незнакомки. Незнакомцы, которые теперь должны были задавать

вопросы, в десять минут третьего утра, потому что кто-то лишил жизни другого человека, и эти первые двадцать четыре часа были самыми важными.

«Мы можем вернуться утром», - сказал Карелла, надеясь, что она не будет просить его об этом. Ему нужен был запас времени. У убийцы было всё время в мире. Только детективы работали против времени.

«Какая разница?», - сказала она и снова начала тихо плакать. Она подошла к кухонному столу, взяла возле него стул и села. В распахнутом вороте халата, они увидели длинные стройные ноги и кружевной край ночной рубашки бэби-долл. «Пожалуйста, садитесь», - сказала она.

Карелла занял стул за столом. Мейер стоял у холодильника. Он снял шляпу профессора Хиггинса. Его пальто было мокрым от дождя на улице.

«Миссис Чеддертон», - мягко сказал Карелла, - «скажите, когда вы в последний раз видели своего мужа живым?»

«Когда он вышел из квартиры сегодня вечером.»

«Когда это было? В какое время?»

«Около семи тридцати. Аме заехал за ним.»

«Аме?»

«Амброуз Хардинг. Его менеджер.»

«Звонили ли вашему мужу по телефону, прежде чем он покинул квартиру?»

«Никаких звонков.»

«Кто-нибудь пытался связаться с ним после того, как он ушёл?»

«Никого.»

«Вы были здесь весь вечер, миссис Чеддертон?»

«Да, весь вечер.»

«Тогда бы вы услышали телефон...»

«Да.»

«И ответили на звонок, если бы он прозвучал.»

«Да.»

«Миссис Чеддертон, приходилось ли вам в последние недели отвечать на телефонные звонки только для того, чтобы абонент бросил трубку?»

«Нет.»

«Если бы вашему мужу поступали звонки с угрозами, он бы рассказал о них вам?»

«Да, я уверена, что так и было бы.»

«Были ли такие звонки?»

«Нет.»

«Получали письма с ненавистью?»

«Нет.»

«Не было ли у него в последнее время ссор с кем-нибудь из-за денег или...»

«У всех бывают ссоры», - сказала она.

«Ваш муж недавно с кем-то поссорился?»

«По какой причине?»

«О чём угодно, какой бы незначительной ни казалась причина в тот момент.»

«Ну, у всех бывают споры», - снова сказала она.

Карелла на мгновение замолчал. Затем очень мягко спросил: «Вы с ним о чём-то спорили, не так ли?»

«Иногда.»

«О чём, миссис Чеддертон?»

«О моей работе. Он хотел, чтобы я бросила работу.»

«В чём заключается ваша работа?»

«Я танцую.»

«Где вы танцуете?»

«Во «Фламинго». На Лэндис авеню.» Она колебалась. Её глаза встретились с его глазами. «Это клуб для топлесс.»

«Понятно», - сказал Карелла.

«Моему мужу не нравилось, что я там танцую. Он просил меня бросить эту работу. Но это приносит деньги», - сказала она. «Джордж не так уж много зарабатывал своим калипсо.»

«Сколько, по-вашему, он обычно...»

«Две-три сотни в неделю, в некоторые недели. В другие недели - ничего.»

«Он был кому-то должен?»

«Нет. Но это только из-за танцев. Вот почему я не хотела бросать работу. Иначе мы бы не смогли свести концы с концами.»

«Но если не считать споров о вашей работе...»

«Мы больше ни о чём не спорили», - сказала она и вдруг снова разрыдалась.

«Мне очень жаль», - сразу же сказал Карелла. «Если вам сейчас тяжело, мы вернёмся утром. Вы бы предпочли это?»

«Нет, всё в порядке», - сказала она.

«Тогда... вы можете сказать, ссорился ли ваш муж с кем-нибудь ещё в последнее время?»

«Никого, о ком я могу подумать.»

«Миссис Чеддертон, за последние несколько дней вы не замечали никого, кто проявлял бы особый интерес к приходам и уходам вашего мужа? Например, кого-нибудь, скрывающегося снаружи здания или в коридоре.»

«Нет», - сказала она, покачивая головой.

«Как насчёт сегодняшнего вечера? Заметили кого-нибудь в коридоре, когда ваш муж уходил?»

«Я не выходила с ним в коридор.»

«Слышали ли вы что-нибудь в коридоре после его ухода? Кто-нибудь мог подслушивать или наблюдать, пытаясь выяснить, дома ли он?»

«Я ничего не слышала.»

«Может, кто-нибудь ещё что-нибудь слышал?»

«Откуда мне знать?»

«Я имел в виду, был ли кто-нибудь здесь с вами? Сосед? Друг?»

«Я была одна.»

«Миссис Чеддертон», - сказал он, - «я должен задать следующий вопрос, надеюсь, вы простите меня за него.»

«Джордж не водился ни с какими другими женщинами», - сразу же заявила она. «В этом состоял вопрос?»

«Да, вопрос был об этом.»

«И я не дурачилась ни с какими другими мужчинами.»

«Причина, по которой он должен был спросить», - сказал Мейер, - «это...»

«Я знаю, почему он должен был спросить», - сказала Хлоя. «Но я не думаю, что он задал бы такой же вопрос белой женщине.»

«Белые или чёрные - вопросы одни и те же», - категорично заявил Карелла. «Если у вас были проблемы в браке...»

«В моём браке не было никаких проблем», - сказала она, повернувшись к нему, её темные глаза пылали.

«Отлично, тогда вопрос закрыт.»

Он не был закрыт, насколько мог судить Карелла. Он вернётся к этому позже, хотя бы потому, что реакция Хлои была такой бурной. А пока он снова перешёл к той линии допроса, которая была обязательной при любом убийстве.

«Миссис Чеддертон», - сказал он, - «в течение последних нескольких недель...»

«Потому что, наверное, двум чернокожим людям невозможно быть в хорошем браке, верно?», - сказала она, снова возвращаясь к этому вопросу, который, очевидно, ещё не был закрыт для неё.

Карелла размышлял, что сказать дальше. Стоит ли ему повторять избитую фразу «Некоторые из моих лучших друзей - чернокожие»? Должен ли он объяснить, что Артур Браун, детектив 87-го участка, на самом деле счастлив в браке и что он и его жена Кэролайн часами обсуждали в доме Кареллы вопросы приучения к туалету, организации школьного автобуса и, да, даже расовые предрассудки? Должен ли он защищать себя как белый человек в мире белых людей, когда муж этой женщины - чернокожий мужчина - был лишён жизни в районе участка, который по меньшей мере на 50 процентов состоит из чернокожих? Должен ли он игнорировать возможность того, что Хлоя Чеддертон, которая немедленно вспыхивала при упоминании о супружеской неверности, была так же подозрительна в этом деле, как и все остальные в городе? Более подозрительна, на самом деле, несмотря на крики, вопли и слёзы, несмотря на оцепенение, когда она выслушивала подробности.

Белые или чёрные, все они казались оцепеневшими, даже те, кто часом ранее вонзил ледоруб в чей-то череп; все они казались оцепеневшими. Слёзы иногда были искренними, а иногда нет; иногда это были слёзы вины или облегчения. В этом городе, где мужья убивали жён, а любовники - соперников; в этом городе, где детей морили голодом или забивали до смерти родители, а бабушек убивали внуки-наркоманы за несколько долларов в кошельках, любой ближайший член семьи был не только возможным убийцей, но и заслуживающим осуждения. Статистика преступлений здесь менялась так же часто, как погода, но последние данные свидетельствовали о возвращении к так называемым семейным убийствам, в отличие от убийств совершенно незнакомых людей, когда и жертва, и убийца были неизвестны друг другу до последнего момента непристойной близости.

Свидетель описал убийцу Джорджа Чеддертона как высокого худого мужчину, почти мальчика. Мужчина, похожий на подростка. Хлоя Чеддертон была ростом, пожалуй, пять футов девять дюймов, с гибким

и стройным телом танцовщицы. Учитывая плохую видимость в дождливую ночь, разве она не могла сойти за подростка? Во времена Шекспира именно мальчики-подростки исполняли женские роли в его пьесах. Хлоя обиделась на обыденно заданный вопрос и теперь решила затуманить его чёрным негодованием, возможно, искренним, а возможно, призванным лишь смутить и запутать. Карелла смотрел на неё и думал, что же ему сказать дальше. Быть жёстким? Извиниться? Проиигнорировать вызов? Что? В тишине дождь стучал в единственное окно на кухне. Карелле казалось, что дождь никогда не прекратится.

«Мэм», - сказал он, - «мы хотим найти убийцу вашего мужа. Если вам удобнее общаться с чёрным полицейским, у нас много чёрных полицейских, и мы пришлём нескольких. Они зададут те же вопросы.»

Она посмотрела на него.

«Те же вопросы», - повторил он.

«Задавайте свои вопросы», - сказала она и сложила руки на груди.

«Хорошо», - сказал он и кивнул. «В течение последних нескольких недель вы не замечали ничего странного в поведении вашего мужа?»

«В смысле странного?», - сказала Хлоя. В её голосе всё ещё звучал гнев, а руки всё ещё были сложены на груди в защитной манере.

«Что-нибудь необычное, какие-нибудь нарушения в его привычном распорядке - я так понимаю, вы знали большинство его друзей и деловых знакомых.»

«Да, это так.»

«Были ли подобные перерывы в его обычном распорядке?»

«Я так не думаю.»

«Вёл ли ваш муж календарь встреч?»

«Да.»

«Он здесь, в квартире?»

«В спальне. На комод.»

«Могу я взглянуть на него, миссис Чеддертон?»

«Да», - сказала она, поднялась и вышла из комнаты. Карелла и Мейер ждали. Где-то снаружи, далеко внизу, постоянно и шумно капала водосточная труба. Когда Хлоя вернулась в комнату, в руках у неё была чёрная записная книжка. Она протянула её Карелле, и тот сразу же открыл её на двух противоположных страницах, посвящённых сентябрю.

«Сегодня пятнадцатое», - сказал Мейер.

Карелла кивнул, а затем начал просматривать записи за неделю, начавшуюся одиннадцатого сентября. В понедельник в 15:00, согласно записи, написанной чёрными чернилами в квадрате за эту дату, Джордж Чеддертон пошёл стричься. Во вторник в 12:30 он обедал с человеком, которого называл только Чарли. Карелла поднял глаза.

«Кто такой Чарли?», - спросил он.

«Чарли?»

«Обед в 12:30, Чарли», - прочитал Карелла.

«О. Это не человек, а место. Ресторан «Чарли» на Гранада-стрит.»

«Не знаете, с кем ваш муж обедал в тот день?»

«Нет. Он постоянно встречался с людьми, обсуждал концерты, контракты и тому подобное.»

«Разве Амброуз Хардинг не вёл все его дела?»

«Да, но Джорджу нравилось знакомиться с тем, для кого он будет играть, - с промоутером, владельцем зала или кем-то ещё.»

Карелла кивнул и снова посмотрел на календарь. В нём не было никаких записей на среду. На четверг, четырнадцатое число, было две записи: «Офис, 11 утра» и «Обед в 13:00, Гарри Кейн».

«Что такое «Офис»?», - спросил Карелла.

«Офис Аме.»

«А кто такой Гарри Кейн?»

«Я не знаю.»

Карелла снова заглянул в записную книжку. На сегодняшний вечер, пятницу, пятнадцатое сентября, Чеддертон написал: «Грэм Палмер Холл, 8:30, Аме Пикап, 7:30». На завтра, субботу шестнадцатого, он написал: «Си Джей у Си Си, 12 часов дня».

«Кто такой Си Джей?», - спросил Карелла, подняв глаза.

«Я не знаю», - сказала Хлоя.

«Как насчёт Си Си? Вам это о чём-нибудь говорит?»

«Нет.»

«Как полагаете, это человек или место?»

«Понятия не имею.»

«Но вы знаете большинство его друзей и деловых знакомых?»

«Да, это так.»

«Были ли в последнее время разговоры или встречи с незнакомцами?»

«Незнакомцами?»

«Людьми, которых вы не знали. Например, этот Си Джей. Были ли люди, чьи имена вы не узнавали, когда они звонили? Или люди, с которыми вы его видели, но которых...»

«Нет, никого такого не было.»

«Кто-нибудь по имени Си Джей когда-нибудь звонил сюда?»

«Нет.»

«Ваш муж упоминал, что завтра в полдень у него встреча с этим Си Джеем?»

«Нет.»

«Не возражаете, если я возьму это с собой?», - спросил Карелла.

«Зачем вам это нужно?»

«Я хочу изучить это более внимательно, составить список имён и посмотреть, сможете ли вы опознать кого-нибудь из них. Вы не против?»

«Да, хорошо.»

«Я дам вам квитанцию на записную книжку.»

«Отлично.»

«Миссис Чеддертон, когда я сегодня вечером разговаривал с Амброузом Хардингом, он упомянул, что в песнях вашего мужа - некоторых из его песен - речь шла о ситуациях и, возможно, личностях здесь, в Даймондбэке. Это правда?»

«Джордж писал обо всём, что его волновало.»

«Мог ли он в последнее время общаться с теми, о ком писал? Чтобы собрать материал или чтобы...»

«Чтобы узнать, что происходит в Даймондбэке, не нужно проводить исследования», - сказала Хлоя. «Всё, что вам нужно, - это глаза в голове.»

«Когда вы говорите, что он написал эти песни...»

«Он записывал песни, прежде чем их исполнить. Я знаю, что это не то, чем считается калипсо, люди обычно придумывали их прямо на месте. Но Джордж записывал их заранее.»

«Слова и музыка?»

«Только слова. В калипсо мелодия почти всегда одна и та же. Есть дюжина мелодий, которые они используют снова и снова. Главное - слова.»

«Где он написал эти слова?»

«Что значит где? Здесь, в квартире.»

«Нет, я имел в виду...»

«О. В блокноте. Блокнот на спирали.»

«У вас есть этот блокнот?»

«Да, он тоже в спальне.»

«Можно посмотреть?»

«Полагаю, да», - сказала она и устало поднялась.

«Интересно, можно ли мне заодно порыться в его шкафу», - сказал Карелла.

«Зачем?»

«Сегодня он был одет необычно: красные брюки и жёлтая рубашка. Мне стало интересно...»

«Это было для концерта. Он всегда так одевался для концертов.»

«Один и тот же наряд?»

«Нет, разные. Но всегда красочные. Он пел калипсо, он пытался заставить людей думать о карнавале.»

«Могу я посмотреть другие наряды?»

«Я до сих пор не знаю, почему.»

«Я пытаюсь понять, мог ли кто-нибудь узнать его только по костюму. Шёл сильный дождь, как вы знаете, видимость...»

«Ну, костюм никто бы не увидел. На нём был плащ.»

«Пусть так. Надеюсь, ничего страшного, если всё-таки посмотрим?»

Хлоя пожала плечами и бесшумно вышла из кухни. Детективы последовали за ней через гостиную, а затем в спальню, обставленную помятой кроватью королевских размеров, парой ночных столиков, большим комодом из красного дерева и торшером, стоящим рядом с мягким креслом. Хлоя открыла верхний ящик комода, порылась там среди носовых платков и носков, и нашла блокнот на спирали в потрёпанной синей обложке. Она протянула блокнот Карелле.

«Спасибо», - сказал он и тут же начал листать страницы. Там были написанные карандашом тексты, кажется, дюжины или более песен. Были страницы с каракулями, которые, очевидно, были набросаны в ожидании вдохновения Чеддертона. На одной из страниц, исписанной печатными буквами, наложенными друг на друга и пересекающимися,

были слова «В ЖИЗНИ». «Что это?», - спросил Карелла и показал страницу Хлое.

«Я не знаю. Может быть, название песни.»

«Он пел что-нибудь под названием «В жизни»?»

«Нет, но, может быть, это просто идея для песни, просто название.»

«Вы знаете, что означает это выражение?», - спросил Карелла.

«Да, я так думаю. Это относится к преступникам, не так ли? Людям, которые... ну, в общем, живут преступной жизнью.»

«Да», - сказал Карелла. «Но ведь ваш муж не был связан с преступниками?»

«Насколько мне известно, нет.»

«Ни с кем из тех, о ком он писал?»

«Насколько мне известно, нет.»

«Это распространённое выражение среди проституток», - сказал Карелла. «В жизни.»

Хлоя ничего не ответила.

«Этот шкаф?», - спросил Карелла.

«Да, вот здесь», - сказала она, жестикулируя головой. Карелла передал Майеру блокнот на спирали, а затем открыл дверцу шкафа. Хлоя наблюдала за ним, пока он переставлял вешалки и одежду. Она пристально наблюдала за ним. Он гадал, понимает ли она, что он не ищет ни одного из красочных костюмов, которые её муж надевал на различные выступления, а ищет чёрные ботинки, чёрный плащ и чёрную шляпу - желательно мокрую. «Это то, что он носил, да?», - спросил он.

«Да. Их сшила для него женщина на Сент-Сабс.»

«Мило», - сказал Карелла. Хлоя всё ещё наблюдала за ним. Он отбросил в сторону несколько предметов одежды на вешалках и заглянул в шкаф.

«Миссис Чеддертон», - сказал Мейер, - «скажите, не казался ли ваш муж в последнее время обеспокоенным или подавленным? Были ли какие-то необъяснимые отлучки, не казалось ли ему, что его жизнь в опасности?»

Обыскивая шкаф и надеясь, что его поиски выглядят непринуждённо, Карелла понял, что Мейер похоронил свой вопрос о «необъяснимых отлучках» в куче маскировочного мусора, возвращаясь к вопросу о возможной неверности таким образом, чтобы не взъерошить и без того сильно взъерошенные перья Хлои. В шкафу лежало несколько пальто, ни одно из них не было чёрным и ни одно не было мокрым. На полу лежали женские туфли на высоком каблуке, несколько пар мужских ботинок, женские прогулочные туфли на низком каблуке и пара женских сапог на среднем каблуке - коричневые. Хлоя всё ещё не ответила на вопрос Мейера. Её внимание снова сосредоточилось на Карелле.

«Миссис Чеддертон?», - сказал Мейер.

«Нет. Он выглядел таким же, как всегда», - сказала она. «Что вы ищете?», - резко спросила она Кареллу. «Пистолет?»

«Нет, мэм», - сказал Карелла. «У вас ведь нет оружия?»

«Это должно быть какое-то комедийное представление», - сказала Хлоя и вышла из спальни. Они последовали за ней на кухню. Она стояла у холодильника и снова плакала.

«Я не убивала его», - сказала она.

Ни один из детективов ничего не сказал.

«Если вы закончили, я бы хотела, чтобы вы ушли», - сказала она.

«Могу ли я взять блокнот с собой?», - спросил Карелла.

«Возьмите. Просто уйдите.»

«Я дам вам расписку, мэм, если вы...»

«Мне не нужна расписка», - сказала она и разразилась новыми слезами.

«Мэм...»

«Не могли бы вы, пожалуйста, уйти?», - сказала она. «Не могли бы вы убраться отсюда к чёрту?»

Они молча ушли.

В коридоре Мейер сказал: «Мы были неуклюжими.»

«Мы были ещё хуже», - сказал Карелла.

В тишине отдела в три часа ночи он сидел один за своим столом и думал, что, чёрт возьми, с ним происходит. Утром ему придётся позвонить ей, извиниться, сказать, что это был долгий день и долгая ночь, рассказать, что иногда в этом деле убийц приходится искать под каждым камнем, объяснить... Он обращался со скорбящей вдовой как с чёртовым убийцей. Этому не было оправдания. Он устал, но это не было оправданием. Он слушал, как Моноган и Монро шутили о смерти и умирании, и его раздражало их подшучивание, но и это не было оправданием. Дождь тоже не был оправданием. Ничто не могло оправдать того, что он играл в полицейского с женщиной, которая испытывала лишь сильное горе из-за смерти мужа. Иногда ему казалось, что если он останется на этой работе достаточно долго, то совсем забудет, что значит вообще что-либо чувствовать.

«Это ваше дело», - советовало руководство, - «продолжайте расследование». Ведите его под проливным дождём, когда человек лежал со вскрытым черепом, из которого мозги просачивались на тротуар, ведите его в больничной палате, пропахшей антисептиком, ведите его в многоквартирном доме в два часа ночи, когда часы отбрасывали минуты в пустые часы ночи, пока женщина плакала о своём мёртвом мужчине. Обыщите её шкаф в поисках одежды, которую носил убийца. Заставьте её рассказывать о возможных изменах мужа. Будьте чёртовым копом.

Ему следовало пойти домой. Часы в отделе показывали без десяти минут три. Формально уже наступило утро субботы, хотя всё ещё чувствовалось, что это вечер пятницы, и всё ещё шёл дождь. Формально его смена закончилась в полночь, и он отправился бы домой ещё тогда, если бы вызов по делу Чеддертона не раздался без четверти двенадцать, как раз когда Паркер и Уиллис должны были их сменить. Он был измотан и раздражён, чувствовал себя огромной лошадиной задницей за своё обращение с женой Чеддертона и, кроме того, испытывал лёгкую жалость к себе, бедному государственному служащему, вынужденному иметь дело с самой жестокой стороной жизни, низкой зарплатой, переработками, паршивыми условиями

труда и ведомственным давлением, требующим быстрых арестов и приговоров, - ему следовало бы пойти домой спать. Но блокнот был здесь, на его столе, в потрёпанной синей обложке и со страницами текстов, написанных мертвецом, и призывал к проверке. Он встал, потянулся, подошёл к кулеру с водой, выпил воду из бумажного стаканчика, и вернулся к столу. Часы на стене показывали 3:05 утра. В отделе царил тишина - слабо освещённый мавзолей с пустыми столами и неработающими печатными машинками. За деревянными перилами, отделявшими помещение от коридора, он видел свет, горевший за матовой стеклянной дверью в раздевалку, а за ней - перила железных ступеней, ведущих в комнату для сбора личного состава на втором этаже здания. Внизу зазвонил телефон. Он услышал, как патрульный приветствует другого патрульного, пришедшего с улицы. Оставшись один в комнате, Карелла открыл блокнот.

Он никогда не был на Тринидаде, никогда не был свидетелем грандиозных конкурсов калипсо, которые проводились в карнавальных шатрах в Порт-оф-Спейн (*столица Республики Тринидад и Тобаго, её политический, экономический и культурный центр – примечание переводчика*) каждый год перед Пепельной средой (*день начала Великого поста в латинском обряде католической, англиканской и некоторых лютеранских церквей, отмечается за 46 календарных дней до праздника Пасхи – примечание переводчика*). Но сейчас, когда он листал страницы блокнота, слова, нацарапанные карандашом, казалось, вдруг начали пульсировать афро-испанскими ритмами, которые были их основой, и он мог оказаться там, на Марди Гра (*вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста, последний день карнавала, праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней» – примечание переводчика*), раскачиваясь под музыку, доносившуюся из палаток из гофрированного железа и пальмовых листьев, мужчины и женщины в зале щёлкали пальцами и выкрикивали призывы и ответы, исполнители изобретательно переиначивали ритмы и рифмы, воспевая свой сарказм, свой протест, своё возмущение: «Теперь я говорю вам, друзья мои, в этом городе есть мэр, он думает, что сидит очень красиво, живёт в центре города, сосёт сиську своей жирной жёнушки, никогда не обращая внимания на то, что ниггеры живут дерьмово. Теперь этот мэр покупает красивое голубое платье для своей толстой жены, и устраивает шикарный бал в мэрии в центре города, пока ниггер

танцует на виду у толкача, неподалёку тут же в центре, а ниггерша гоняет крыс по всему городу. Что мэр забыл, так это будку в школе. В ноябре, когда ниггер будет играть очень круто, закройте занавес, дёрните за рычаг, ниггер не дурак. Мэр - вон, жёнушка - вон, это совершенно новое правило.»

Улыбаясь, Карелла подумал, не стоит ли ему поискать мэра. Подобная песня была достаточным поводом для убийства: в ней высмеивалась тучная жена мэра, Луиза, и разрекламированный Бал шампанского (*мероприятия, периодически, иногда ежегодно, организовываемые властью имущими* – **примечание переводчика**), который она спонсировала в апреле прошлого года. Он покачал головой, провёл рукой по лицу и снова сказал себе, что пора идти домой. Вместо этого он перелистнул следующую страницу в блокноте.

Схема рифмы и ритм следующей песни были похожи на первую, но он почти сразу обнаружил, что она написана для исполнения в гораздо более медленном темпе - ещё до того, как он прочёл первые несколько строк. Он попытался представить себе мёртвого Джорджа Чеддертона, поющего слова, которые он записал в блокнот. Он представил, что на его лице не будет улыбки, а в глазах - боли. Осознав замысел песни, Карелла вернулся к тексту и начал читать его с начала: «Сестра, женщина, чёрная женщина, сестра, женщина моя, зачем она носит одежду, показывая половину своей задницы? Зачем она ходит по улице, зачем работает в очереди? Разве доллар белого человека заставляет её так хорошо себя чувствовать? У неё нет мозгов, у неё нет гордости, и она позволяет доллару белого человека превращать её в дешёвку? Принимая доллар белого человека, позволяя ему...»

Белый мужчина, подошедший к ней, держал над головой зонтик. Она стояла прямо напротив главного железнодорожного терминала города - длинноногая, симпатичная чернокожая девушка лет двадцати пяти, в светлом парике, бежевом пальто и чёрных туфлях из лакированной кожи на высоком каблуке. Она в короткой чёрной юбке стояла у дверей закрытой лавки деликатесов, распахнув пальто и демонстрируя розовую блузку с глубоким вырезом. Под блузкой не было бюстгалтера, и от прохладной сырости сентябрьской ночи её соски топорщились на тонкой атласной ткани. Было десять минут третьего

утра, и с тех пор, как она начала работать в десять, прошло уже восемь приёмов. Она изнемогала от усталости и хотела только одного - вернуться домой, в свою постель. Но ночь ещё только начиналась, как часто напоминал ей Джоуи, и если она не принесёт домой больше денег, чем уже есть в её сумке, он, скорее всего, вышвырнет её голой под дождь. Когда белый мужчина приблизился, она поджала губы и издала звук поцелуя.

«Хочешь свидание?», - прошептала она.

«Сколько?», - спросил мужчина. Ему было около пятидесяти, как она предполагала, невысокий мужчина почти без волос, в очках, на которые попадали брызги дождя, несмотря на зонтик над головой. Он оглядел её с ног до головы.

«Двадцать пять за работу руками», - сказала она. «Сорок за минет, шестьдесят, если хотите трахаться.»

«Вы... а... были у врача в последнее время?», - спросил мужчина.

«Чистая, как свисток», - сказала она.

«Сорок - это многовато для... для того, что вы сказали.»

«Минет? Это то, что вас интересует?»

«Возможно.»

«Что вас удерживает?»

«Цена. Сорок звучит определённо дорого.»

«Сорок - это то, что я получу.»

«Под дождём много не нагребёшь», - сказал он и рассмеялся собственной шутке. «Три часа утра», - сказал он. «Под дождём не очень-то постоишь.»

«Вы не получите другой цены, кроме сорока долларов», - сказала она и рассмеялась вместе с ним. «Подумайте об этом. Не торопитесь.»

«Отличный... ах... набор у вас», - сказал он.

«М-м-м», - сказала она, улыбаясь.

«Очень мило», - сказал он и протянул руку, чтобы коснуться её груди.

Она застенчиво увернулась. «Нет, пожалуйста», - сказала она. «Не здесь.»

«Где?»

«Есть место за углом.»

«Сорок долларов, не так ли?»

«Сорок, такая цена.»

«У вас хорошо получается?»

«Я не Линда Лавлейс (*американская порноактриса, мемуаристка и общественный деятель, считается первой в истории порнозвездой, до неё имена актрис «фильмов для взрослых» были неизвестны аудитории – примечание переводчика*), но обещаю, что вы не пожалеете.»

«А вы чистая? Вы были у врача?»

«Прохожу обследование каждый день», - солгала она.

«Всё равно», - сказал он, покачивая головой. «Сорок долларов.»

Она ничего не сказала. Он уже был на крючке.

«Ну, ладно», - сказал он, - «наверное, да.»

Она обхватила его руку и вместе с ним шагнула под зонтик. «Сестра, женщина, чёрная женщина, почему она так поступает? На спине, на коленях, чтобы белый человек заплатил? Она рабыня, сестра, женщина, она рабыня, раз так поступает, на коленях, на спине, чтобы белый человек заплатил. На коленях, сестра, женщина, самое время молиться, не обращая внимания на то, что скажет белый человек. Пусть белая девушка делает...»

«Это мой первый раз с цветной девушкой», - сказал мужчина.

«Всегда бывает в первый раз», - сказала она. «Измените свою удачу. Не желаете ли дать мне сорок, пожалуйста?»

«О, конечно», - сказал он, - «конечно», - и, достав из заднего кармана бумажник, вытащил пачку банкнот. «Как вас зовут?», - спросил он.

«Си Джей», - сказала она. Она ждала, пока он искал сороковник. Однажды Джоуи спросил её, может ли она разменять сорокадолларовую купюру (*купюры такого номинала в США нет – примечание переводчика*). Он чертовски удивился, когда она достала мелочь из сумки. Думал, его бесплатно обслужат, придурка.

«Можешь разбить сотню?»

«Конечно, милый, как тебе удобнее? Двадцатки или десятки?»

Вот в этой же комнате. Иногда ей разрешали пользоваться комнатой в одном из массажных салонов, когда там не было занято обычных девушек. Заходишь туда, зеркала на стенах, бутылочки с маслом разных цветов на полу, и думаешь, что попал в арабский бордель. Этот номер в отеле стоил ей пять долларов за то время, которое ей понадобится, чтобы отсосать у этого чувака и отправить его в путь. Двухспальная кровать и комод, раковина в углу, мягкое кресло у окна, на нём абажур, никаких занавесок. Пять баксов за полчаса максимум. Она занималась не тем бизнесом, ей следовало бы стать владелицей отеля.

«Отсчитаешь сорок?» - спросила она.

«Да, да», - сказал он. «Вы не против однодолларовых купюр?»

«Однодолларовых? Сорок долларов купюрами по одному доллару?»

«Я официант», - сказал он, как будто это всё объясняло.

«Я тоже собираюсь стать официанткой», - сказала она, - «и ждать сорок.»

Он снова посмотрел на неё, потом рассмеялся и сказал: «Извините», - и начал отсчитывать ей сорок долларов, по одной купюре на ладонь протянутой руки. Она слушала, как он отсчитывает деньги, и думала, что этот чёртов дурак будет всю ночь платить ей, так и не приступив к делу.

«...тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять и сорок», - триумфально заявил он. «Надеюсь, это будет хорошо.»

«Всё будет очень хорошо», - сказала она. «Не волнуйтесь. Хотите пойти помыться?»

«Помыться?»

«М-м-м, помойте свой маленький член, милый. Чтобы я оставалась чистой, я должна быть уверена, что вы тоже чистый.»

«Да, хорошо», - сказал он. «Очень хорошо. Да.»

«Это ваш первый раз с проституткой?», - спросила она.

«Нет, нет.»

«Держу пари, это ваш первый раз», - сказала она, улыбаясь.

«Нет, но близко к действительности», - сказал он и подошёл к раковине в углу.

«Но вас никогда раньше не просили помыться, да?»

«О, конечно, да», - сказал он.

«Теперь хорошенько вымойте его», - сказала она и забралась на кровать. Трусиков на ней не было. Она широко раздвинула ноги, решив, что даст ему попробовать бобрик, когда он повернётся, и, возможно, уговорит его на трах за шестьдесят долларов. Впрочем, минет был быстрее. Всё в процентах, подумала она. «Ну давай же, придурок», - подумала она. «Я сказала помыть, а не простерилизовать.» Он повернулся от раковины, увидел её, лежащую с широко раздвинутыми ногами, и, чёрт побери, покраснел!

«Идите сюда», - сказала она, улыбаясь.

У него был маленький белый член, и он сушил его одним из полотенец, когда подходил к кровати. Он всё ещё краснел, маленький лысый хонки (*уничижительный термин, используемый в США для обозначения белых людей – примечание переводчика*) лет пятидесяти, моргая на неё из-за очков, покрасневший от подбородка до макушки своей лысой бобовой головы.

«Может быть, вы хотите немного этой сладкой киски?», - спросила она, приподнимая бёдра. «Это обойдётся вам всего в двадцать долларов.»

«Нет, нет, всё в порядке», - сказал он.

«Могучая сладкая киска», - сказала она.

«Нет, нет, спасибо.»

«Только минет, да?»

«Да, пожалуйста.»

«Просто нежные губы Си Джей, да?»

«Да, пожалуйста, только это.»

«Ну, ладно», - сказала она. «Садитесь сюда, на кровать. Как вас зовут, милый?»

«Фрэнк», - сказал он.

«Фрэнк», подумала она. «Чёрт, тебя зовут Марвин или Ральф. Я постоянно получаю долбанных Фрэнков», подумала она.

«Может, вы... снимете одежду?», - спросил он.

«Конечно», - сказала она, - «если вы так хотите.»

«Да, мне бы этого хотелось.»

«Вы босс», - сказала она.

Она молча разделась. Он наблюдал за ней, пока она раздевалась. Надев только белокурый парик и туфли на высоком каблуке из лакированной кожи - её рабочий комбинезон для постельных утех, - она вернулась к нему.

«Готовы, Фрэнк?», - спросила она.

«Да, пожалуйста», - сказал он.

Её рот опустился. «Сестра, чёрная женщина, на коленях отдаёт голову. Тому, кто хочет видеть её мертвой. Разве она не видит, разве она не видит, разве она не читает в его голове? Она рабыня по его воле, и мужчина хочет её смерти. Она точно негритянка, она рабыня, всё ещё в цепях, и белый человек выпорет её...»

Когда они вместе вышли на улицу, дождь всё ещё шел. Фрэнк, или как там его звали, поблагодарил её за услуги и сказал, что как-нибудь найдет её снова. Она ответила: «Хорошо, Фрэнк, рада, что вам понравилось.» Они расстались на углу у отеля. Накрыв голову

зонтиком, он вышел под дождь. Она подняла воротник пальто на шею, пригнув голову от дождя, и снова начала идти к железнодорожной станции. Было почти три тридцать. Ещё несколько трюков, и можно идти спать. К чёрту Джоуи. У него нет сердца, чтобы послать шлюху на улицу в такую ночь. Что ж, это ненадолго. Я предупредила его, сказала, что, если ты и дальше будешь так со мной обращаться, я расстанусь с тобой навсегда, ты только подожди и увидишь. Он сказал ей: «Если ты меня бросишь, детка, я проломлю тебе голову. Тебя найдут в канаве с черепом, разделённым на две половинки, если ты меня бросишь.» Конечно, Джоуи, подумала она, но ты просто подожди и увидишь. У меня сейчас двадцать шесть сотен в банке, деньги, о которых ты ничего не знаешь, мужик, все они на сберегательном счёте в центре города, на имя Клара Джин Хокинс, вдали от места прозябания, мужик, не хочу, чтобы ты видел, как я делаю вклад. Пока что двадцать шесть сотен, а будет ещё больше. По двести каждую среду вечером. А завтра я снова буду разговаривать с этим человеком, сяду с ним за ланч, и мы снова будем говорить об этом альбоме. Я скажу ему, что к концу месяца у меня будет три тысячи, а этого вполне достаточно, чтобы его записать, сказал он мне, и тогда ты знаешь, что ты можешь сделать, не так ли, Джоуи? Ты можешь взять свои предупреждения и угрозы и засунуть их себе в...

Позади неё раздалились шаги.

Звук, щёлкающий сквозь дождь.

Она повернулась, думая, что это Джоуи приближается. Прищурившись сквозь дождь, она смогла разглядеть лишь кого-то высокого и худого, одетого во всё чёрное. Она поджала губы и издала звук поцелуя.

«Хотите на свидание?», - спросила она.

В ночь прогремели четыре выстрела подряд. Первая пуля прошла мимо неё, но вторая вошла в тело чуть ниже левой груди и убила её мгновенно. Третья пуля пробила ей гортань, а четвертая, когда она, дёргаясь, замертво падала на спину, вошла ей в лицо справа от носа и выбила выходную рану размером с полдоллара на затылке. Её парик упал, когда она рухнула на тротуар. Он лежал на тротуаре рядом с её раскроенным черепом, дождь заливал его синтетические светлые волокна, и размазывал по луже густой красной крови. «Сестра,

женщина, чёрная женщина, неужели она не услышит мою песню? То, что она делает таким образом, должно быть неправильно. Поднимите голову, поднимите глаза, пойте слова, сильные слова, сестра, женщина, чёрная женщина...»

Карелла ненавидел детективные рассказы.

В детективных рассказах никогда не было похорон и поминок. В детективных рассказах жертву застрелили, зарезали, задушили или забили дубинкой до смерти, а потом о ней благополучно забыли. В детективных рассказах труп был лишь средством, чтобы заставить кипеть следственный котёл. В реальной жизни жертвой убийства становился человек, и у этого человека обычно были родственники или друзья, которые устраивали поминки и достойное погребение. Покойнику, согласно племенным обычаям, оказывалось то же уважение и достоинство, которое он заслужил бы, если бы мирно скончался во сне. Ведь когда-то он был человеком, а людей нельзя заматать под ковер только для того, чтобы частный сыщик мог вести дела в быстром темпе.

Поминки по Джорджу Чеддертону проходили в похоронном бюро Монро на Сент-Себастьян-авеню в Даймондбэке. Дальше по городу, возле Петтит-лейн, проходили аналогичные поминки по молодой чернокожей проститутке по имени Клара Джин Хокинс, убитой накануне вечером в Южном Мидтауне, в то время как Карелла просматривал записную книжку Чеддертона. Карелла не знал о втором убийстве. Это был очень большой город, а участок Южного Мидтауна находился в добрых трёх милях от Восемьдесят седьмого. Человека, который занимался делом Хокинс, звали Алекс Леопольд, он был детективом третьего класса, которого перевели из участка Калмс-Пойнт три месяца назад. Он не знал Кареллу и никогда с ним не работал. Двое полицейских из отдела убийств, которые в обязательном порядке явились на место второго убийства, были не Моноган и Монро, которые ушли домой спать после того, как покинули место убийства Чеддертона, а похожая пара мудаков по имени Форбс и Фелпс. Обязательные вскрытия были проведены на трупах Чеддертона и Хокинс, а найденные пули уже были отправлены в баллистический отдел. Но два разных человека в баллистическом отделе работали над двумя разными делами за микроскопами в шести футах друг от друга, и у них были инструкции только докладывать о своих выводах двум

разным детективам, работавшим над этими двумя делами в разных участках Айзолы. Не было ни одного свидетеля второго убийства - ни одного гражданина, готового заявить, что Клару Джин Хокинс убил высокий, стройный мужчина или женщина, одетая в чёрное. В десять минут двенадцатого утра той субботы, 16 сентября, когда Карелла подходил к дверям похоронного бюро, ни он, ни кто-либо другой в полицейском управлении не имел ни малейшего представления о том, что эти убийства могут быть связаны между собой.

Дождь всё ещё шёл. Он был одет в промокший плащ и ещё более промокшую шляпу и чувствовал себя так, как и выглядел после всего шести часов сна на раскладушке в раздевалке участка. Блокнот Чеддертона лежал в промокшем конверте для улики, который он носил под мышкой. Он изучал его до пяти утра и не нашёл в нём ничего, что могло бы указать на возможного убийцу. Из календаря встреч Чеддертона он составил список имён, о которых хотел расспросить Хлою. Он собирался сделать это, когда вернёт ей оба блокнота - с извинениями за своё поведение накануне вечером. Утренний звонок в офис судмедэксперта известил Кареллу, что тело Чеддертона забрали из больницы в восемь утра, чтобы перевезти в похоронное бюро на Сент-Сабс. Предположительно, из тела уже выкачали кровь и содержимое желудка, кишечника и мочевого пузыря. Предположительно, гробовщик уже ввёл с помощью троакара (*хирургический инструмент, предназначенный для проникновения в полости человеческого организма через покровные ткани с сохранением их герметичности в ходе манипуляций; классический троакар представляет собой полую трубку, в которую вставляются специальные стилеты, снабжённые рукояткой* – **примечание переводчика**) или трубки раствор формальдегида, вызывающий коагуляцию белков тела. Предположительно, гробовщик работал с воском и косметикой, чтобы восстановить разбитую левую скулу Чеддертона и замаскировать зияющие дыры в шее и верхней части черепа. Карелла поинтересовался, будет ли гроб открытым. Обычно скорбящие предпочитали видеть своих усопших любимых мирно спящими; или же они предпочитали не видеть их вовсе.

Директор похоронного бюро - невысокий смуглый чернокожий мужчина - сообщил Карелле, что тело будет готово к осмотру в 14:00 в Голубой часовне (*вероятно, намёк на бывший монастырь в Юнион-*

Сити, округ Гудзон, штат Нью-Джерси; своё название получил от тонированных синим окон, которые были частью первоначальной часовни – **примечание переводчика**). Он также сообщил Карелле, что миссис Чеддертон была там сегодня, чтобы получить тело и сделать все приготовления, и ушла примерно в 11 утра, сказав, что вернётся не раньше пяти. Карелла поблагодарил мужчину и снова вышел на улицу под проливной дождь. Через минуту он вернулся и спросил, можно ли воспользоваться телефоном. Мужчина провёл его в кабинет напротив Розовой часовни. В справочнике «Айзола» Карелла нашёл адрес Джорджа К. Чеддертона: улица Раучер, 1137. Он набрал номер и дал ему прозвонить двенадцать раз. Но ответа не последовало. Не представляя, что Хлоя Чеддертон отправилась на работу на следующий день после убийства мужа, он нашёл номер клуба «Фламинго», набрал его и поговорил с женщиной, представившейся одной из барменш. Она сказала ему, что Хлою ждут в двенадцать часов дня. Он поблагодарил её, повесил трубку, записал адрес клуба в блокнот и вышел на улицу к месту, где припарковал машину. Он забыл закрыть окно со стороны водителя, которое ранее частично открыл, чтобы не запотевало лобовое стекло. Сиденье было мокрым, когда он забрался внутрь.

Обе стеклянные витрины клуба «Фламинго» были выкрашены в розовый цвет. В центре левой витрины красовалась огромная вывеска с надписью от руки: «Топлесс, без низа, с полудня до четырёх утра». Клуб, очевидно, предлагал больше зрелищ, чем Хлоя рассказала ему вчера вечером. «Это клуб топлесс», - сказала она, и разница между «без верха» и «без низа» была сродни разнице между непредумышленным убийством и убийством первой степени (*согласно законодательству США, это убийство человека, совершённое с заранее обдуманном злым умыслом* – **примечание переводчика**). В другом окне висела такая же большая вывеска, обещавшая щедрую выпивку и бесплатный обед. Карелла был голоден - на завтрак он выпил только стакан апельсинового сока и чашку кофе. Он открыл одну из двух входных дверей и шагнул в тусклый интерьер клуба. Приспособившись к полумраку, он встал прямо перед входными дверями, прислушиваясь к рок-музыке, которая звучала из динамиков по всему помещению. Впереди виднелась длинная овальная барная стойка. Две девушки, по обеим сторонам от барной стойки, извивались в такт рок-музыке. Обе девушки были одеты в блестящие туфли на высоком каблуке с ремешками на лодыжках и облегающие стринги (*предмет одежды,*

состоящий из узкого куска материала, едва прикрывающего гениталии, напоминающего верёвку, который проходит между ягодицами, и очень тонкого пояса вокруг бёдер – **примечание переводчика**). Обе девушки были с голой грудью. Ни одна из них не носила ничего под Г-стрингами. Ни одна из них не была Хлоей Чеддертон.

Теперь он заметил, что по периметру комнаты стоят небольшие столики. Здесь было немногочленно. Он подозревал, что дождь отпугивает клиентов. Но за одним из столиков танцевала белокурая девушка - если это можно было так назвать - исключительно для удовольствия мужчины, который сидел там один, потягивая пиво. За барной стойкой сидели четверо мужчин, по двое с каждой стороны, трое из них были белыми, один - чёрным. Карелла занял место в середине барной стойки. Одна из барменов - молодая рыжеволосая девушка в чёрном купальнике и черных чулках в сеточку - подошла к тому месту, где он сидел, и её туфли на высоком каблуке застучали по твёрдому деревянному полу.

«Желаете что-нибудь выпить, сэр?», - спросила она.

«У вас есть что-нибудь безалкогольное?», - спросил Карелла.

«О, да, конечно», - сказала она, закатила глаза и глубоко вздохнула, сразу же придав его безобидному вопросу сексуальный подтекст. Он посмотрел на неё. Она решила, что совершила ошибку, и тут же сказала: «Есть «пепси», «кола», «Севен Ап» и имбирный эль. Это будет стоить столько же, сколько и виски.»

«Сколько это стоит?»

«Три пятьдесят. Но это включает обеденный бар.»

«Кола или пепси, любое из этого подойдёт», - сказал Карелла. «Хлоя Чеддертон уже приходила?»

«У неё сейчас перерыв», - сказала рыжеволосая, а затем небрежно поинтересовалась: «Вы полицейский?»

«Да», - сказал Карелла, - «я полицейский.»

«Ничего себе. Приходит парень, хочет мороженое с содовой, и он, должно быть, дежурный коп. Что вам нужно от Хлои?»

«Это касается только её и меня, не так ли?»

«Это чистое место, мистер.»

«Никто не говорил, что это не так.»

«Хлоя танцует так же, как и другие девушки. Вы не увидите здесь ничего такого, чего нельзя было бы увидеть в любом из легальных театров в центре города. В центре есть большие сценические шоу с обнажёнными танцовщицами, как и здесь.»

«Угу», - сказал Карелла.

Рыжая отвернулась, откупорила ему прохладительный напиток и налила в стакан. «Здесь никому не разрешается трогать девушек. Они просто танцуют, и точка. Так же, как и в центре города. Если в легальном театре это не запрещено законом, то и здесь это не запрещено.»

«Расслабьтесь», - сказал Карелла. «Меня не интересуют бюсты.»

Девушка снова закатила глаза. На мгновение он не совсем понял её реакцию. А потом понял, что она намеренно приравнивает жаргонное полицейское выражение, означающее арест - термин, который, он был уверен, она слышала уже сотни раз - к тому, что бурно рвётся наружу из чёрного купальника. Он снова посмотрел на неё. Она искусно пожала плечами, отвернулась и пошла к кассе в конце бара. Одна из танцовщиц сидела на корточках перед одиноким чернокожим клиентом, широко расставив ноги и откинув бахрому стрингов, чтобы полностью обнажить себя. Мужчина уставился на её обнажённые гениталии. Девушка улыбнулась ему. Она облизнула губы. На мужчине были очки. Девушка сняла очки с его глаз и медленно провела их над своим отверстием, изобразив на лице издевательское выражение шокированной пристойности. Она вернула очки мужчине на голову, а затем выгнулась дугой, поддерживая себя руками, подставила свою открытую промежность к его лицу и навалилась на него, пока он продолжал пляться. Прямо как в легальных театрах в центре города, подумал Карелла.

Законы штата о непристойности были определены в статье 235, раздела 2 Уголовного кодекса, согласно которому «производство, представление или режиссура непристойного спектакля или участие в

его части, которая является непристойной и способствует непристойности такового» считалось правонарушением класса А. Соответствующее положение - PL 235.00, подраздел 1 - гласило: «Любой материал или представление являются «непристойными», если (а) они рассматриваются в целом, и их преобладающая привлекательность связана с распутным, постыдным или болезненным интересом к наготы, сексу, выделениям, садизму или мазохизму, и (б) они существенно выходят за обычные рамки откровенности в описании или представлении таких вопросов, и (в) они совершенно не имеют искупительной социальной ценности.»

Карелла не сомневался, что девушка, сидящая за барной стойкой, с выгнутой спиной и собственной рукой, которая сейчас возится с её вульвой к явному удовольствию сидящего перед ней мужчины, совершает акт, в котором преобладает интерес к наготы и сексу. Но, как заметила ему рыжеволосая барменша минуту назад, здесь не было ничего такого, чего нельзя было бы увидеть в некоторых легальных театрах в центре города, если бы у вас было место в первом ряду. Если же вы не сможете увидеть бюст, то окажетесь втянуты в бесконечные судебные споры о разнице между искусством и порнографией, тонкую грань, которую сам Карелла - и даже Верховный суд Соединённых Штатов - не были готовы определить.

Если задуматься - а он часто задумывался об этом, - что, чёрт возьми, такого ужасного в порнографии? Он видел фильмы с рейтингом «R» (не допускаются лица моложе семнадцати лет, если они не находятся в компании взрослых) или даже «PG» (рекомендуется родительский контроль), которые казались ему грязнее, чем любой из порнофильмов с рейтингом «X», идущих в захудалых кинотеатрах вдоль Стэма. Язык в этих социально приемлемых фильмах был идентичен тому, что он слышал в участке и на улицах каждый божий день своей жизни - а он был человеком, чья работа заставляла его постоянно контактировать с самыми низкими элементами общества. Секс в этих одобренных фильмах был столь же откровенным, избавляя зрителей лишь от откровенного полового акта, фелляции и куннилингуса, характерных для фильмов с рейтингом «X». Так где же провести границу? Если для известной мужской кинозвезды было в порядке вещей заниматься имитацией любви с абсолютно голой женщиной в многомиллионной эпопее (при условии, что он не снимал штанов), то почему нельзя было

изображать реальный половой акт в малобюджетном фильме с неизвестными в главной роли? Выведите на экран серьёзную актрису, покажите, как она имитирует половой акт (но, упаси боже, никогда не совершает его на самом деле), и каким-то образом это стало высоким киноискусством, в то время как «Глубокая глотка» (*американский порнофильм, снятый в 1972 году – примечание переводчика*) осталась дешёвым порно. Он догадался, что всё дело в ракурсах. Он догадывался, что был полицейским, который не должен был так часто задумываться о законах, за исполнение которых ему платят.

Но что, если он прямо в эту минуту пройдёт по бару и повяжет танцовщицу за «участие в непристойном представлении» (завинчивать в одно место очки мужчины - это, конечно, непристойно, не так ли?), а затем повяжет владельца заведения за «производство, представление или руководство непристойным представлением» - что тогда? Это правонарушение относится к категории проступков класса А и наказывается не более чем годом тюрьмы или штрафом в тысячу долларов. После вынесения приговора (что было маловероятно), через три месяца они снова окажутся на улице. Тем временем по городу бродили убийцы, насильники, грабители, вооружённые разбойники, растлители малолетних и наркоторговцы. Что же оставалось делать честному полицейскому? Честный коп потягивал пепси или кока-колу, в зависимости от того, что подавала ему рыжая с изобретательным порнографическим умом, слушал рок и смотрел на голый зад белокурой танцовщицы, сидящей напротив, когда она наклонялась, чтобы поднести свои огромные груди к губам клиента.

Без двадцати минут час Хлоя Чеддертон - голая, если не считать туфель на высоком каблуке и серебристых трусиков-стрингов с бахромой - вышла на барную стойку в дальнем конце зала. Танцовщица, которую она заменяла, та самая, что протирала очки чернокожего мужчины о то, что полиция нравов назвала бы её «приватным хозяйством», похлопала Хлою по спине, когда та прошмыгнула мимо неё и спустилась по пандусу, ведущему с барной стойки. На проигрыватель опустилась новая рок-пластинка. Широко улыбаясь, Хлоя начала танцевать под неё, проходя по барной стойке мимо чернокожего мужчины в очках, трясая обнажённой грудью, покачивая бёдрами, притопывая и прихлопывая в бешеном ритме электроакустических гитар, и наконец остановилась прямо перед Кареллой. Всё ещё дико трясясь, она стала

перед ним на колени, руки вытянуты над головой, пальцы широко расставлены, грудь трепещет, колени раздвинуты - и вдруг узнала его. На её лице появилось выражение потрясённого смущения. Улыбка исчезла с её губ.

«Я поговорю с вами во время следующего перерыва», - сказал Карелла.

Хлоя кивнула. Она поднялась, на мгновение прислушалась, чтобы уловить ритм, а затем длинноногим шагом направилась туда, где на другом конце барной стойки сидел чернокожий мужчина.

Она танцевала полчаса, а потом подошла к маленькому столику, за которым Карелла ел сэндвич, приготовленный ему в обеденном баре. Она сразу же объяснила, что у неё всего лишь десятиминутный перерыв. Казалось, её смущение прошло. На ней был тонкий нейлоновый халат, подпоясанный на талии, но под ним она всё равно была обнажена, и когда она наклонилась, чтобы положить сложенные руки на столешницу, он увидел её груди и соски в V-образном вырезе халата.

«Я хочу извиниться за вчерашний вечер», - сразу же сказал он, и она широко раскрыла глаза от удивления. «Мне очень жаль. Я старался рассмотреть все варианты, но, похоже, перестарался.»

«Всё в порядке», - сказала она.

«Мне очень жаль. Я серьёзно.»

«Я сказала, что всё в порядке. Вы смотрели блокнот Джорджа?»

«Да. У меня с собой», - сказал он, потянувшись под кресло, где лежал конверт из манильской бумаги (*бумага, получаемая из растительного, грубого, значительно одеревенелого волокна, получаемого из растений семейства банановых – примечание переводчика*). «Я не нашёл ничего, что могло бы мне пригодиться. Вы не будете возражать, если я задам вам ещё несколько вопросов?»

«Валайте», - сказала она и повернулась, чтобы посмотреть на настенные часы. «Только помните, что в баре полчаса и десятиминутный перерыв. Мне не платят за то, что я сижу и разговариваю с копами.»

«Они знают, что ваш муж был убит прошлой ночью?»

«Босс знает, он прочитал об этом в газете. Не думаю, что кто-то из остальных знает.»

«Я удивлён, что вы сегодня пришли на работу.»

«Надо на что-то есть», - сказала Хлоя и пожала плечами. «О чём вы хотели меня спросить?»

«Начну с того, что вам снова станет больно», - сказал он и улыбнулся.

«Продолжайте», - сказала она, но не улыбнулась в ответ.

«Вы солгали об этом месте», - сказал он.

«Да.»

«Вы лгали о чём-нибудь ещё?»

«Нисколько.»

«Точно?»

«Точно.»

«Неужели между вами и вашим мужем не было никаких проблем? Никаких необъяснимых отлучек с его стороны? Никаких таинственных телефонных звонков?»

«Почему вы думаете, что такое могло иметь место?»

«Я просто спрашиваю, вот и всё.»

«Между нами не было проблем. Вообще никаких», - сказала она.

«Как насчёт необъяснимых отлучек?»

«Его часто не было дома, но это никак не было связано с другой женщиной.»

«С чем это было связано?»

«С бизнесом.»

«Я выписал несколько имён», - сказал Карелла, кивнув. «Взял их из его календаря встреч: люди, с которыми он обедал или встречался за

последний месяц, люди, с которыми он должен был встретиться в ближайшие несколько недель. Интересно, сможете ли вы их опознать?»

«Я постараюсь», - сказала Хлоя.

Карелла открыл блокнот, нашёл нужную страницу и начал читать. «Бастер Грирсон», - сказал он.

«Саксофонист. Он пытался уговорить Джорджа присоединиться к группе, которую он собирает.»

«Лестер... Хэнди, да?»

«Хэнли. Он тренер Джорджа по вокалу.»

«Ладно, это объясняет регулярность. Раз в две недели, верно?»

«Да, по вторникам.»

«Хокинс. Кто это?»

«Я не знаю. Как его зовут?»

«Никакого имени. Просто Хокинс. Впервые появляется в календаре десятого августа, это был четверг. Затем снова двадцать четвёртое августа, еще один четверг.»

«Я не знаю никого по фамилии Хокинс.»

«Как насчёт Лу Дэвиса?»

«Он - владелец Грэхем Палмер Холла. Это место, где Джордж...»

«О, конечно», - сказал Карелла, - «как глупо.» Он снова заглянул в свой блокнот. «Джерри Линкольн.»

«Девушка-певица.» Ещё одна идея Джорджа для альбома. Он хотел сделать с ней двойной альбом. Но это было очень давно.

«Видел её тридцатого августа, согласно его календарю.»

«Ну, может, она снова начала его доставать.»

«Между ними был просто бизнес?»

«Вам стоит её увидеть», - сказала Хлоя и улыбнулась. «Строго бизнес, поверьте мне.»

«Дон Лэтэм», - сказал Карелла.

«Глава компании под названием «Лэтэм Рекордс». Лейбл - «Чёрная сила.»»

«Си Джей», - сказал Карелла. «Ваш муж видел его - или кого-то ещё», - сказал он, пожав плечами, - «тридцать первого августа и ещё раз седьмого сентября, и он должен был пообедать с тем, кто бы это ни был, сегодня - я полагаю, это должен был быть обед - в двенадцать часов дня. Вам это о чём-нибудь говорит?»

«Нет, вы спрашивали меня об этом вчера вечером.»

«Си Джей», - повторил Карелла.

«Нет, простите.»

«Хорошо, кто такой Джимми Талбот?»

«Я его не знаю.»

«Дэйви... Кеннемер, да?»

«Кеннемер, да, он трубач.»

«А Артур Спессард?»

«Ещё один музыкант, я забыла, на чём он играет.»

«Ну вот и всё», - сказал Карелла и закрыл блокнот. «Расскажите мне о брате Джорджа», - резко сказал он.

«Санто? Что вы хотите о нём узнать?»

«Правда ли, что он сбежал семь лет назад?»

«Кто вам это сказал?»

«Амброуз Хардинг. Это правда?»

«Да.»

«Амброуз сказал, что он мог вернуться в Тринидад.»

«Он не ездил в Тринидад. Джордж отправился туда в поисках его, но его там не было.»

«Есть идеи, где он может быть?»

Хлоя колебалась.

«Да?», - сказал Карелла.

«Джордж подумал...»

«Да, что?»

«Что кто-то убил его брата.»

«Почему он так решил?»

«То, как это произошло, как он просто исчез из виду.»

«Джордж называл какие-нибудь имена? Кого-нибудь, кого он подозревал?»

«Нет. Но он всё время этим занимался. Не проходило и дня, чтобы он не спрашивал кого-нибудь о своём брате.»

«Где он спрашивал?»

«Везде.»

«В Даймондбэке?»

«В Даймондбэке, да, но не только там. Он был вовлечён в целое большое частное расследование. Полиция ничего не могла сделать, поэтому Джордж пошёл на дело сам.»

«Когда вы говорите, что его брат просто исчез, что вы имеете в виду?»

«После работы, однажды ночью.»

«Расскажите мне, что случилось.»

«Я не знаю, что именно произошло. Как и никто другой, если уж на то пошло. Это было после работы - они вместе играли в группе, Джордж и его брат.»

«Да, я знаю это.»

«Джордж и ещё два парня из группы ждали в фургоне, пока Санто выйдет. Он пошёл в мужской туалет или что-то в этом роде, я точно не знаю. В любом случае, он так и не вышел. Джордж вернулся в дом, обыскал его сверху донизу и не нашёл.»

«Другие музыканты, которые были там в тот вечер, - вы их знали?»

«Я знаю их имена, но никогда не встречала.»

«Как их зовут?»

«Фредди Боунс и Винсент Барраган.»

«Боунс? Это его настоящее имя?»

«Думаю, да.»

«Как пишется другое имя?»

«Я думаю, это Б-А-Р-Р-А-Г-А-Н. Это испанское имя, он из Пуэрто-Рико.»

«Но вы никогда не встречались ни с одним из них?»

«Нет, они оба были ещё до меня. Я была замужем за Джорджем всего четыре года.»

«Откуда вы знаете имена?»

«Ну, он часто их упоминал. Потому что они были там в ту ночь, когда исчез его брат, понимаете. И он постоянно говорил с ними по телефону.»

«Недавно?»

«Нет, не в последнее время.»

«Четыре года», - сказал Карелла. «Значит, вы так и не видели брата Джорджа.»

«Никогда.»

«Санто Чеддертон, не так ли?»

«Санто Чеддертон, да.»

«Это ваш первый брак?»

«Да.»

«А у Джорджа?»

«Нет. Он был женат раньше.» Она заколебалась. «На белой женщине», - сказала она и посмотрела ему прямо в глаза.

«Развёлся с ней или как?»

«Да, развёлся с ней.»

«Когда?»

«Через пару месяцев после нашего знакомства. Когда мы сошлись, они уже разошлись.»

«Как её зовут, не подскажете?»

«Айрин Чеддертон. Это если она всё ещё использует свою замужнюю фамилию.»

«Как её девичья фамилия?»

«Я не знаю.»

«Она живёт здесь, в городе?»

«Раньше да, но не знаю, находится ли ещё в городе.»

«Могла ли она знать Санто?»

«Думаю, да.»

«Может ли она знать что-нибудь о его исчезновении?»

«Все, кто когда-либо имел отношение к Джорджу, знают об исчезновении его брата, поверьте мне. Это было похоже на чёртову одержимость. Это ещё одна вещь, из-за которой мы спорили, ясно? Мои танцы здесь, а он всё время говорит о своём брате! Постоянно ищет его, проверяет газеты, судебные протоколы, больницы и сводит всех с ума.»

«Вы говорили мне, что у вас хороший брак», - категорично заявил Карелла.

«Не хуже других», - ответила Хлоя, а затем пожала плечами. При этом движении лоскут платья соскользнул с одной из грудей, обнажив её

почти полностью. Она не сделала ни малейшего усилия, чтобы закрыть платье. Она посмотрела в глаза Кареллы и сказала: «Я не убивала его, мистер Карелла», а затем повернулась, чтобы снова посмотреть на настенные часы. «Мне пора возвращаться, меня ждут зрители», - сказала она с придыханием и неожиданно лучезарно улыбнулась.

«Не забудьте это», - сказал Карелла, протягивая ей конверт.

«Спасибо», - сказала она. «Если вы что-то узнаете...»

«У меня есть ваш номер.»

«Да», - сказала она, кивнула, ещё мгновение смотрела на него, а затем повернулась и пошла к бару. Карелла надел пальто и шляпу - всё ещё мокрые - и подошёл к кассе, чтобы оплатить чек. Выходя из заведения, он снова посмотрел в сторону бара. Хлоя находилась в той же позе, что и другая танцовщица менее сорока пяти минут назад: спина выгнута дугой, локти сцеплены, ноги широко расставлены, яростно улыбается и терзает клиента, сидящего в полуметре от её промежности. Когда Карелла открыл дверь, чтобы выйти под дождь, клиент засунул долларовую купюру в пояс её трусиков-стрингов.

Было уже почти два часа дня, когда он вернулся в участок и начал просматривать телефонные справочники. Ни в одном из пяти городских справочников не оказалось ни Айрин Чеддертон, ни Фредерика Боунса, но в справочнике «Калмз-Пойнт» он нашёл имя Висенте Мануэля Баррагана. Он набрал номер справочной службы, чтобы получить дополнительную информацию, и оператор сказала, что у неё нет никаких сведений об Айрин Чеддертон в городе, а если и есть сведения о Фредерике Боунсе, то они не опубликованы. Карелла назвал себя работающим детективом, и она сказала: «Придётся перезвонить, сэр.»

«Да, я знаю это», - сказал он. «Я нахожусь в 87-м участке, номер здесь - Фредерик 7-8024.»

Он повесил трубку и стал ждать. Он знал, что оператор сначала проверит номер, который он ей дал, чтобы убедиться, что он действительно звонит из полицейского участка. Затем ей потребуется разрешение начальства, прежде чем она сообщит неопубликованный номер Боунса - даже полицейскому. Телефон зазвонил через десять минут. Карелла поднял трубку. Оператор дала ему номер в Айзоле, а когда он спросил адрес, сообщила и его. Он поблагодарил её и подошёл к тому месту, где Мейер Мейер рассказывал анекдот Берту Клиngu, который сидел на вращающемся стуле за своим столом, положив ноги на стол, и слушал его с чем-то похожим на детское ожидание. Клинг был самым молодым детективом в отделе, высоким, светловолосым, крепким парнем (они считали его ребёнком, хотя ему было уже за тридцать) с бесхитростными ореховыми глазами и открытым лицом, больше подходящим для фермера-свекловода в Гранд-Форксе, Северная Дакота, чем для детектива здесь, в большом плохом городе. Подойдя к столу Клинга, Карелла уловил только самую суть: «Я спрашиваю, старина, ты пытаешься сбежать?»

Клиг и Мейер одновременно разразились хохотом. Мейер стоял рядом со столом, глядя на Клинга и смеясь над собственной шуткой, а Клиг сидел в кресле, свесив ноги на пол, и смеялся так сильно, что Карелла

подумал, что тот намочит штаны. Оба мужчины смеялись, казалось, целых три минуты, хотя на самом деле это были всего лишь тридцать или сорок секунд. Карелла стоял и ждал. Когда Мейер наконец перестал смеяться, он протянул ему лист бумаги, на котором были указаны имена, адреса и номера телефонов Фредерика Боунса и Висенте Мануэля Баррагана.

«Мы ищем информацию о том, что произошло в ночь исчезновения Санто, семь лет назад.»

«Думаешь, его действительно кто-то убил?», - спросил Мейер.

«Его брат так считал, это точно. Он проводил расследование по всему городу и даже вернулся в Тринидад, чтобы найти его. Если кто-то действительно убил парня...»

«И если Джордж был близок к тому, чтобы выяснить, кто это сделал...»

«Верно», - сказал Карелла. «Так что давай узнаем, что произошло тогда, хорошо? Что ты думаешь?»

«Они звучат как водеvilльная команда», - сказал Мейер. «Барраган и Боунс.»

«Я подкину монету», - сказал Карелла.

«Не с твоей монетой», - сказал Мейер. «Если мы подбрасываем, то используем нейтральную монету.»

«Моя монета нейтральна», - сказал Карелла.

«Нет, твоя монета кривая. У него кривая монета, малыш.»

«Я спрашиваю, старина, ты пытаешься сбежать?», - сказал Клинг и снова начал смеяться.

«У тебя есть четвертак?», - спросил Карелла.

Всё ещё смеясь, Клинг потянулся в карман. Карелла принял монету, рассмотрел обе стороны и передал её Мейеру для одобрения.

«Хорошо», - сказал Мейер, - «орёл или решка?»

«Орёл», - сказал Карелла.

Мейер подбросил монету. Она ударилась об угол стола Клинга, отлетела от него под углом, ударилась краем об пол и покатила через всю комнату, чтобы столкнуться со стеной за кулером для воды. Карелла и Мейер побежали через комнату. Присев на корточки возле кулера, они осмотрели монету.

«Это решка», - триумфально заявил Мейер.

«Хорошо, ты получаешь водевильного исполнителя по твоему выбору», - сказал Карелла.

«Барраган чертовски далеко в Калмз-Пойнт», - сказал Мейер. «Я выбираю Боунса.»

В некоторые дни вы не можете заработать ни цента.

Адрес Фредерика Боунса действительно был 687 Даунс, что находилось в самом сердце (или, возможно, почке) Айзолы и всего в пятнадцати минутах езды на метро от дома, где размещался участок. Мейер проехал это расстояние до центра города на своём старом побитом «Шевроле», а его жена, Сара, воспользовалась правами на вторую машину семьи, подержанный «Мерседес-Бенц». Мейер точно знал, что сказал бы его отец (упокой его душу), если бы дожил до покупки этой машины: «Ты уже покупаешь у немцев?». «Что ты за еврей?», - иногда задавался вопросом Майер.

У него не было сомнений в том, каким евреем был его отец Макс. Его отец Макс был комическим евреем. Именно Макс решил отправить своего единственного сына в жизнь с двустольным прозвищем - Мейер Мейер, очень смешно, папаша. «Мейер Мейер, еврей в огне», - называли его дети, когда он рос в районе, где жили почти одни язычники. Он всё время пытался придумать умные насмешки, которыми можно было бы ответить. Так или иначе, «Доминик Риццо, полное дерьмо» не помогло, тем более что в тот самый день, когда у Мейера случилось поэтическое вдохновение, Доминик набросился на него с бейсбольной битой, из-за чего Мейеру пришлось наложить шесть швов на правую сторону головы, чтобы ухо не отвалилось. А в результате заявления «Патрик Кэссиди, поцелуй мою задницу» пятнадцатилетний двухсот-фунтовый Патрик гнался за

двенадцатилетним сто-двадцати-фунтовым Мейером восемь кварталов, прежде чем настиг его, после чего Патрик спустил штаны, показал огромную похожую на Луну задницу и приказал Мейеру поцеловать её, если он не хочет снова получить разбитую голову чебе (*этническое оскорбление для еврея – примечание переводчика*). Вместо этого Мейер укусил Патрика за задницу - неспровоцированное и бесцеремонное нападение, которое мало способствовало снятию иудео-гибернийской (*латинское название Ирландии – примечание переводчика*) напряжённости. Вернувшись домой после этого, Мейер прополоскал рот листерином (*ополаскиватель для полости рта и дёсен – примечание переводчика*), но вкус ирландской задницы Патрика остался и не улучшил вкус маминых финекнейдлов (*возможно, названия традиционных еврейских угощений на идиш – примечание переводчика*). В тот вечер за обеденным столом его комичный отец Макс рассказал анекдот об итальянском работнике канализации, который жаловался на то, что ему нагадил еврей.

Только когда Мейеру исполнилось шестнадцать лет, а его рост составлял пять футов одиннадцать и три четверти дюйма, соседские дети перестали его обзывать. К тому времени он начал поднимать тяжести, а когда не качался железом, то работал заправщиком на местной станции технического обслуживания и мечтал поскорее набрать лишние четверть дюйма, которые сделают его шестифутовым. Он решил, что, когда его рост достигнет шести футов, а вес - ста девяноста фунтов, он схватит Доминика и Патрика за загривки и стукнет их головами друг о друга. Он был так занят измерением себя, что не заметил, как прекратились обзывательства. Доминик Риццо поступил на флот и погиб на войне. Патрик Кэссиди стал полицейским. Собственно, именно Патрик уговорил Мейера бросить юридическую школу и самому стать копом. Сейчас Патрик был заместителем инспектора, временно прикомандированным к офису окружного прокурора и расследующим дела об организованной преступности. Всякий раз, сталкиваясь с Мейером, он спрашивал его, не хочет ли он посмотреть на следы зубов, которые всё ещё оставались у него ниже спины. Мейер всегда чувствовал себя неловко в его присутствии. Но он не чувствовал себя виноватым в том, что купил «Мерседес».

Он припарковал «Шевроле» в квартале от многоквартирного дома Боунса - это было самое близкое место, которое он смог найти, - и

пошёл под проливным дождём к дому 687 по Даунс, опрятному коричневому строению в ряду таких же опрятных зданий. В вестибюле он поискал почтовый ящик с именем Боунса, не нашёл его и позвонил в звонок с надписью «консьерж». Дверь во внутренний вестибюль открыл белый мужчина лет пятидесяти. Мейер показал свой полицейский значок и удостоверение, и сказал, что ищет Фредерика Боунса.

«Фредди Боунса, да?» - сказал управляющий. «Вы просто разминулись с ним.»

«На сколько?», - спросил Мейер.

«На три месяца!», - сказал управляющий и разразился хохотом. Зубы у него были в табачном налёте, на щеках и подбородке красовалась всклокоченная трёхдневная борода. Он громко гоготал в коридоре и, казалось, был поражён тем, что Мейер не разделяет его веселья.

«Переехал, да?», - спросил Мейер.

«Уехал», - сказал управляющий и снова разразился хохотом.

«Куда?», - спросил Мейер.

«В Каслвью, на севере штата.»

«В тюрьму?»

«В тюрьму, точно», - сказал управляющий.

«Чёрт возьми», - сказал Мейер.

Район, в котором жил Висенте Мануэль Барраган, ещё пять лет назад был итальянским гетто, но теперь он был почти полностью испаноязычным, и неоновые вывески, поблёскивающие под падающим дождём, возвещали о *bodega* и *carnicería* и *joyería* и *sastrería* (с испанского: магазин, мясная лавка, ювелирный, ателье – **примечание переводчика**). Бульвар Паттерсона представлял собой широкую аллею, по центру которой тянулась засаженная деревьями разделительная полоса. Деревья ещё не начали разрастаться; листья висели вялыми и зелёными под ливнем. Под деревьями, между плотно прилегающими

друг к другу булыжниками, которыми была вымощена разделительная полоса, пробивались участки травы. Когда-то и сам проспект был вымощен булыжником, но теперь его заасфальтировали, и чёрная поверхность блестела под дождём, отражая отблески уличных фонарей, уже зажжённых для защиты от трёхчасового мрака. Светофор на углу переключился с красного на зелёный, и чёрная дорога отозвалась на это изменение: впереди на дороге внезапно появился мерцающий зелёный шар. Карелла нашёл место напротив дома 2557, поблагодарил свои счастливые звёзды, опустил козырёк, на котором была прикреплена резиновая табличка с надписью от руки «дежурный полицейский», и вышел из машины, не забыв на этот раз закрыть окно. Под проливным дождём он перебежал через дорогу к дому Баррагана, взбежал по двум ступенькам на крыльцо, распахнул застеклённую входную дверь и шагнул внутрь, в небольшое фойе, уставленное латунными почтовыми ящиками. Чёрная пластиковая вставка под одним из почтовых ящиков сообщила ему, что Барраган находится в квартире 3С. Он позвонил в звонок, а затем потянулся к ручке на двери во внутренний вестибюль, как раз в тот момент, когда раздался гудок автоответчика.

Здание было безупречно чистым. Внутренний вестибюль, отделанный сине-белой плиткой, стены, недавно выкрашенные в приглушённый голубой цвет, лампочки во всех бра, нигде ни следа граффити. Ступеньки пахли лизолом (*медицинское дезинфекционное средство – примечание переводчика*). Он поднялся по ним на третий этаж и, пройдя по коридору к квартире 3С, услышал, как кто-то играет на деревянном духовом инструменте - кларнете или флейте, он сначала не смог определить. Музыка доносилась изнутри квартиры, как он догадался, это была флейта. Он позвонил в звонок, и музыка прекратилась на середине октавы.

«Кто там?», - спросил мужчина.

«Полиция», - ответил он.

«Полиция?», - сказал мужчина. «Какого чёрта?»

Карелла услышал шаги, приближающиеся к двери. Дверь не открылась. Вместо этого откинулась заслонка глазка, и мужчина сказал изнутри: «Покажите мне, пожалуйста, ваш значок.»

Карелла сверкнул полицейским значком.

«Хорошо», - сказал мужчина. Заслонка глазка вернулась на место. Карелла услышал, как щёлкнул замок. Мгновение спустя открылась и сама дверь.

«Мистер Барраган?»

«Это я», - сказал мужчина. Это был светлокожий латиноамериканец с густыми чёрными усами под аквилонским (*город в Италии, расположен в регионе Кампания – примечание переводчика*) носом, густыми чёрными волосами, мягко спадающими на лоб и уши, и тёмно-кариими глазами, которые теперь с любопытством изучали Кареллу. «В чём дело?», - спросил он.

«Никаких проблем», - сказал Карелла. «Я расследую убийство и подумал, что вы сможете мне помочь. Ничего, если я войду?»

Барраган посмотрел на него. «Это из-за Джорджи?», - спросил он.

«Да. Вы знаете, что его убили?»

«Я читал об этом в газете. Заходите», - сказал Барраган и отступил в сторону, пропуская Кареллу. За фойе Карелла увидел открытую арку, ведущую на кухню, и ещё одну арку, ведущую в гостиную. В центре гостиной стояла музыкальная стойка, за ней - стул с прямой спинкой. На сиденье стула Карелла увидел флейту - он не ошибся.

«Хотите пива или чего-нибудь ещё?», - спросил Барраган.

«Не положено», - сказал Карелла, - «но спасибо.»

«Не возражаете, если я возьму одну? Я тренировался последние три часа, в горле пересохло.»

«Нет, продолжайте», - сказал Карелла.

Он ждал в фойе. На кухне он увидел, как Барраган открыл сначала дверцу холодильника, а затем банку пива. Когда он снова вернулся в фойе, в одной руке у него была банка пива, а в другой - стакан. Вместе они прошли в гостиную и сели бок о бок на диван. Сквозь большие, мокрые от дождя окна гостиной Карелла видел вдалеке эстакаду

Калмс-Пойнт Экспресс-вей, оживлённую транспортом, который медленно пробирался сквозь ливень.

Барраган налил пива в стакан, сделал глубокий глоток, сказал: «А-а-а, хорошо», поставил банку на пол и стал неторопливо потягивать из стакана. «Что вы хотите знать?» - спросил он.

«Много лет назад вы играли в группе с Джорджем и...»

«Да, это так», - сказал Барраган.

«...и его братом Санто, не так ли?»

«Санто, да. Он играл на бонго. У нас был Джорджи на гитаре, я на флейте, Санто на бонго, и парень по имени Фредди Боунс на стальном барабане. Это его настоящее имя, Фредди Боунс. Чёрный парень с Ямайки. Это было не такое уж плохое комбо. Я слышал и похуже», - сказал Барраган и улыбнулся. Его зубы казались поразительно белыми под густыми чёрными усами.

«Я хочу знать, что произошло семь лет назад», - сказал Карелла.

«Вы имеете в виду, когда Санто исчез?»

«Он исчез? Или с ним что-то случилось?»

«Кто знает?», - сказал Барраган и пожал плечами. «Полагаю, он ушёл по собственной воле. Джорджи потом навёл справки в полиции, и там не было никаких сообщений о том, что с Санто что-то случилось, так что я думаю, он просто решил уйти и ушёл.»

«Куда?», - сказал Карелла.

«Я не знаю куда. Калифорния? Мексика? Европа? Кто знает, куда человек отправляется, когда решает уйти?»

«Почему он решил уйти?»

«По той же причине, по которой группа потом распалась.»

«Что это было?»

«Слишком много звёздной болезни. Слишком много Джорджи Чеддертона. Не хочу говорить плохо о мёртвых, но этот человек был занозой в заднице, понимаете? Постоянный эгоист. Думал, что все

остальные здесь только для того, чтобы он выглядел хорошо. Я имею в виду, чёрт возьми, я неплохо играю на флейте, а Фредди был потрясающим на стальном барабане, он мог заставить эту штуку звучать как грёбанный оркестр. Так что Джорджи взял на себя всё соло. На гитаре, не меньше. Типа, чувак, если ты не выдающийся гитарист, всё, на что годишься, - это накладывать аккорды на инструменты, которые могут исполнять мелодию. Очень немногие гитаристы могут исполнить мелодию. Вот группа, в которой есть флейта и стальной барабан - и для чего эти два инструмента, а, чувак? Для мелодии, я прав? Ну, Джорджи заставлял нас играть риффы (*небольшая остиная мелодическая фраза, выполняющая функцию рефрена музыкальной пьесы* - **примечание переводчика**) за его придурковатыми гитарными штучками. Вэнг, вэнг, вэнг, а за ним - я, делающий то-то и то-то, и Фредди, бьющий двух-нотные аккорды на стальном барабане. На подхвате, чувак. В конце концов, нам это надоело.»

«Когда это было? Когда группа распалась?»

«Через год после исчезновения Санто, я думаю, где-то так.»

«Расскажите мне, что произошло той ночью.»

«Это было очень давно, старик. Я не уверен, что могу вспомнить всё.»

«Сколько сможете вспомнить», - сказал Карелла. «Прежде всего, когда именно это было? Вы можете вспомнить дату?»

«Где-то в сентябре», - сказал Барраган. «Субботний вечер на первой или второй неделе сентября, я точно не знаю.»

«Хорошо, продолжайте.»

«Шёл дождь, я это помню. У группы был микроавтобус «Фольксваген», в котором мы путешествовали, бордово-белый, и мы брали его с собой везде, где выступали. Концерт в тот вечер...»

«Кому принадлежал фургон?»

«Всем нам. Мы скидывались. Когда группа распалась, Фредди выкупил наши доли.»

«Извините, продолжайте.»

«Как я уже сказал, в тот вечер шёл сильный дождь. Концерт проходил в отеле «Паломар» в Айзоле - в центре города, знаете такое место? Рядом с театром «Паломар»? Очень большой отель, очень стильный. Мы были рельефной группой, в те дни мы играли много латинского дерьма, румбы, самбы, ча-ча-ча, весь набор. Это было до того, как Джорджи отправился в своё калипсо-путешествие. Другая группа - я забыл имя - Арчи Купер? Арти Купер? Что-то в этом роде. Большая группа, десять или двенадцать человек. Это был большой маскарадный бал - в костюмах, понимаете? Какое-то благотворительное мероприятие, я уже забыл, что это было - в помощь больным рассеянным склерозом или мышечной дистрофией, одно из двух. Джорджи устроил нам благотворительный концерт через парня, игравшего на второй трубе в группе Купера - Арчи? Арни? Джорджи оказал ему некоторую услугу, и когда парень услышал, что им нужна латинская группа для помощи, он вспомнил о Джорджи и позвонил ему. Это был хороший концерт. Когда мы были вместе, то давали неплохие концерты. Ну, как я уже говорил, я слышал группы и похуже.»

Дождь хлестал по окнам гостиной. Карелла смотрел на обтекающие стёкла и слушал Баррагана, который рассказывал о дожде в ту ночь, семь лет назад. Дождь лил вёдрами, когда музыканты, закончив выступление и собрав инструменты, бежали к припаркованному фургону «Фольксваген» в два тридцать утра, его стальной барабан висел на ремне на левом плече и бился о бедро, когда он бежал под дождём, а Джорджи ругался и жаловался, что его новый футляр для гитары промокнет, сам Барраган смеялся и бежал, поскальзываясь и чуть не падая, его футляр для флейты был заправлен под плащ, чтобы защитить его. Именно он открыл дверь фургона, именно он первым забрался внутрь, а Джордж сел за руль и всё ещё жаловался на дождь. Боунс прикурил сигарету. Джорджи завёл двигатель, потом вытер рукой в перчатке лобовое стекло и посмотрел в сторону вращающихся дверей у входа в отель, где под навесом выходили мужчины и женщины и искали такси. «Где Санто?», - спросил Джорджи, и все трое посмотрели друг на друга, и Барраган сказал: «Он был прямо за мной, когда мы вышли из туалета», а Джорджи сказал: «И где же он сейчас?», снова протёр лобовое стекло и снова посмотрел в сторону вращающихся дверей. «Он будет здесь через минуту», - сказал Боунс. «Успокойся, почему бы тебе не успокоиться? Ты всегда на взводе.»

Они подождали ещё десять минут, а потом Джорджи вышел из фургона и вернулся в отель, чтобы поискать брата. Его самого не было минут десять, прежде чем Барраган и Боунс решили зайти внутрь и поискать уже его. «Этот грёбаный отель сегодня поглотит всю семью Чеддертон», - сказал Боунс, и оба мужчины, смеясь, прошли через вращающиеся двери, а затем поднялись наверх, в так называемый бальный зал «Звёздная пыль», который был не Большим балльным залом, а балльным залом поменьше на антресольном этаже отеля. Вокруг ещё оставались гости, они смеялись и разговаривали, но большинство из них разошлись, когда музыканты начали собирать вещи. Барраган и Боунс зашли в бальный зал, поговорили с саксофонистом из группы Купера - Харви Купер, вот как! - и спросили его, не видел ли он где-нибудь Джорджи, и тот ответил, что последний раз видел Джорджи, когда тот заходил в мужской туалет в конце коридора. И они пошли по коридору к мужскому туалету, причем Боунс сказал, что, возможно, Санто и Джорджи провалились туда, а Барраган рассмеялся, и они толкнули дверь в мужской туалет, но Джорджи там не было, как и Санто. Они нашли Джорджи у бокового входа в отель, разговаривавшего со швейцаром и спрашивавшего его о Санто. Портье не видел, чтобы кто-то выходил с набором барабанов бонго. Джордж описал своего брата. Швейцар также не видел никого, подходящего под это описание.

«Как он выглядел?», - спросил Карелла.

«Санто? Симпатичный парень, ещё светлее, чем его брат, чёрные волосы, глаза янтарного цвета.»

«Какого роста?», - спросил Карелла, записывая.

«Пять футов девять, может десять дюймов, примерно так.»

«Вы можете предположить, сколько он весит?»

«Вроде как худой парень. Ну, не тощий. Я думаю, это можно назвать стройностью. Мускулистый, знаете ли, но стройный. Мускулистый, я думаю, сказали бы вы. Да.»

«Сколько ему тогда было лет, вы знаете?»

«Семнадцать. Он был ещё ребёнком.»

«Сейчас ему двадцать четыре», - сказал Карелла.

«Если он жив», - сказал Барраган.

Даже ведя машину изо всех сил под проливным дождём, Мейер добрался до Роули на севере штата только после шести вечера. Сначала он позвонил, чтобы убедиться, что человек по имени Фредерик Боунс действительно находится в тюрьме Каслвью, а затем позвонил Саре, чтобы сообщить, что его не будет дома к ужину. Сара вздохнула. Сара уже привыкла к тому, что его не бывало дома к ужину.

Государственная тюрьма Каслвью располагалась на участке, вдающемся в реку Харб, - естественном полуострове, над которым возвышались серые каменные стены, теснившие его со всех трех сторон. Бетонный фундамент высотой около тридцати футов уходил в воду, создавая образ сказочного замка, окружённого рвом. На стенах стояли восемь сторожевых башен: по одной на каждом углу узкой части тюрьмы, по две вдоль каждой стены, обращённой к главным воротам, и по одной на каждом углу стены, обращённой к подъездной дороге. Массивные главные ворота были сделаны из прочной стали толщиной в четыре дюйма. Мейер позвонил в колокольчик, расположенный рядом с ними, и панель в воротах открылась.

«Детектив Мейер, 87-й участок», - сказал он лицу за решёткой. «Я заранее позвонил. У меня назначена встреча с одним из ваших заключённых.»

«Покажите ваше удостоверение личности», - сказал охранник.

Мейер показал ему свой полицейский значок и удостоверение личности в люцитовой оболочке. Панель захлопнулась. Раздался звук отбрасываемого засова, а затем звук падения тяжёлых ригелей. Ворота открылись. Мейер оказался в небольшом внутреннем дворике, по обе стороны от которого возвышались стены, а прямо перед оным находились внутренние ворота со стальными решётками. Охранник сказал ему, что он выбрал неподходящее время для визита: мужчины ужинают. Вот где я должен быть, подумал Мейер, но не сказал. Вместо этого он спросил, можно ли посмотреть записи Боунса, пока он ждёт окончания ужина. Охранник отрывисто кивнул, снял трубку телефона,

висевшего на стене сразу за входной дверью, коротко поговорил с кем-то на другом конце, а затем вернулся к чтению своего журнала с девками. Через несколько мгновений второй охранник подошёл к зарешённым внутренним воротам, отпер их, раздвинул и спросил: «Вы, детектив, хотите посмотреть чьё-то досье?»

«Да, есть такое дело», - сказал Мейер.

«Вы выбрали чертовски удачное время, чтобы прийти сюда», - сказал второй охранник. «Вчера у нас во дворе зарезали заключённого.»

«Извините», - сказал Мейер.

«Ничуть не жаль», - сказал охранник. «Ну, идёте.»

Он впустил Мейера во двор, а затем закрыл за ним ворота. Тюремные стены громоздились вокруг них, пока они шли под дождём к зданию слева. На сторожевых вышках Мейер мог видеть дула пулемётов, направленные вниз, во двор. У Мейера здесь было много друзей - точнее, так сказать, деловых партнёров. Всё это часть игры, подумал он. Хорошие и плохие парни. Иногда он задумывался, кто из них кто. Взять хотя бы такого копа, как Энди Паркер...

«Здесь», - сказал охранник. «Записи в конце коридора. Кто вас интересуется?»

«Человек по имени Фредди Боунс.»

«Не знаю его», - сказал охранник и покачал головой. «Это его настоящая фамилия?»

«Да.»

«Не знаю его. Вон там, дальше по коридору», - сказал он, указывая. «Ужин закончится в семь. Если хотите поговорить с этим парнем, придётся сделать это тогда. Они злятся, если пропускают свои телепередачи.»

«С кем мне надо увидеться после того, как закончу здесь?», - спросил Мейер.

«Офис помощника начальника тюрьмы находится за углом от отдела записей. Я не знаю, кто там сейчас дежурит, просто поговорите с тем, кто там есть.»

«Спасибо», - сказал Мейер.

«Попал в него ледорубом», - сказал охранник. «Четырнадцать дырок в груди. Неплохо, да?», - сказал он и оставил Мейера в коридоре.

Клерк из отдела записей не захотел открывать тюремные досье без письменного распоряжения, разрешающего ему это сделать. Мейер объяснил, что расследует убийство и что ему будет полезно узнать кое-что о биографии Боунса, прежде чем говорить с ним. Клерк всё ещё выглядел неубеждённым. Он сделал короткий телефонный звонок кому-то, а затем повесил трубку и сказал: «Всё в порядке, я думаю.» Он нашёл папку Боунса в потрёпанном ящике для документов, выдавшем лучшие времена, и устроил Мейера за небольшим столом в углу офиса. Папка была столь же краткой, как и телефонный звонок клерка. Это было первое преступление Боунса. Он был осуждён за «незаконный сбыт одной унции или более любого наркотика» (в его случае наркотиком был героин), преступление категории А-1, которое - по условиям жёстких законов штата о тяжёлых наркотиках - могло повлечь за собой от пятнадцати лет до пожизненного заключения. Сделка о признании вины, которая допускалась только в отношении преступлений категории А, принесла ему десять лет. Его могли освободить условно-досрочно через три с половиной года, но это было бы пожизненное УДО; плюнь он на тротуар или пройди мимо светофора, и он снова окажется за решёткой.

Мейер закончил изучение досье и посмотрел на часы. Было четверть шестого. Он отнёс папку туда, где клерк деловито печатал что-то, несомненно, важное. Клерк не поднимал глаз. Мейер стоял у его стола с папкой в руках. Клерк продолжал печатать. Мейер прочистил горло.

«Вы закончили?», - спросил клерк.

«Да, спасибо», - сказал Мейер. «Где-нибудь можно купить сэндвич и что-нибудь выпить?»

«Вы имеете в виду внутри стен?»

«Да.»

«Через двор есть качалка. Покажите значок, и вас впустят.»

«Спасибо», - сказал Мейер.

Он вышел из отдела записей, зашёл в кабинет помощника начальника тюрьмы, чтобы сообщить, что он здесь и готов поговорить с Боунсом, и договорился, чтобы его привели в комнату для посетителей ровно в семь. В качалке для охранников, расположенной через двор, стояли автоматы, продававшие сэндвичи и прохладительные напитки. Мейер купил себе апельсиновый фреш и хлеб с ветчиной. Он подумал, что сказал бы его отец по поводу ветчины. Охранники не говорили ни о чём, кроме как о заключённом, которому накануне сделали вентиляцию грудной клетки. Мейер догадался, что дела в тюрьме идут туго, как внутри, так и снаружи.

Без пяти минут семь он подошёл к комнате для посетителей, его пропустил охранник и попросил занять место по одну сторону длинного стола, стоявшего во всю длину комнаты. В семь часов в комнату вошёл высокий, чрезвычайно красивый чернокожий мужчина в тюремной одежде и занял место напротив Майера за длинным столом. Их разделял лист прозрачного пластика толщиной в три дюйма; Мейер где-то слышал, что этот пластик использовался в оружейных башнях бомбардировщиков во время Второй мировой войны. Перед обоими мужчинами по разные стороны стола стояли телефоны. Каждый бокс был отделён от другого по обе стороны звуконепроницаемыми перегородками, обеспечивающими хотя бы минимальное уединение для посетителей и заключённых. На стене висела табличка, сообщавшая, что часы посещения заканчиваются в 17:00, и просившая не превышать пятнадцати минут. В комнате было пусто, кроме Мейера и человека, сидевшего напротив него. Мейер взял трубку своего телефона.

«Мистер Боунс?», - сказал он, чувствуя себя как обычный человек в представлении менестрелей (*многозначный термин для поэта-музыканта в разные периоды европейской истории – примечание переводчика*).

«Что я натворил на этот раз?», - спросил Боунс в свой телефон. Он улыбнулся, задавая вопрос, и Мейер неосознанно улыбнулся в ответ.

«Ничего, насколько я знаю», - сказал он. Он достал небольшой кожаный футляр, позволил ему раскрыться над своим полицейским значком и прижал значок к пластиковой перегородке. «Я детектив Мейер из 87-го участка в Айзоле. Мы расследуем убийство, и я подумал, что вы могли бы дать мне кое-какую информацию.»

«Кого убили?», - спросил Боунс. Он больше не улыбался.

«Джорджа Чеддертона», - сказал Мейер.

Боунс лишь кивнул.

«Вы не выглядите удивлённым», - сказал Мейер.

«Я не удивлён, нет», - сказал Боунс.

«Насколько хороша ваша память?», - спросил Мейер.

«В порядке.»

«Вспомните, что было даже семь лет назад?»

«Даже тридцать лет», - сказал Боунс.

«Я хочу знать, что произошло в ночь исчезновения Санто.»

«Кто сказал, что он исчез?»

«Разве нет?»

«Он сбежал, вот и всё», - сказал Боунс и пожал плечами.

«И с тех пор о нём ничего не слышно.»

Боунс снова пожал плечами.

«Что случилось, вы помните?»

Боунс начал вспоминать. Насколько мог судить Мейер, он вспоминал очень подробно и с максимальной точностью. Только спустя несколько часов, когда Мейер сравнивал записи с Кареллой по телефону, он понял, что рассказ Боунса не лишён противоречий. На самом деле между историей, которую Барраган рассказал Карелле, и той, которую Боунс рассказал Мейеру, было всего два совпадения: оба мужчины согласились с тем, что Джордж К. Чеддертон был самовлюблённым

придурком, и оба согласились с тем, что в ночь исчезновения Санто Чеддертона шёл дождь. Что касается остального...

Боунс вспомнил, что дело происходило в отеле «Шалимар» в центре Айзолы, таком же роскошном заведении, как и тот отель, который запомнил Барраган, но в десяти кварталах от него и на северной стороне города, а не на южной. Мейер, слушая Боунса, ещё не знал, что Барраган определил отель как «Паломар», записал в блокнот: «Отель «Шалимар»», а затем спросил: «Когда именно это было, не подскажите?»

«В октябре», - сказал Боунс. «Где-то в середине октября.»

Позже Майер узнал, что Барраган вспомнил такую дату: «Где-то в сентябре. Субботний вечер на первой или второй неделе сентября.» Пока же, блаженствуя в своём неведении, Мейер просто кивнул и сказал: «Да, продолжайте, я слушаю.» И действительно, он внимательно слушал каждое слово Боунса и добросовестно переписывал каждое из них в свой блокнот, чтобы впоследствии указать на недостатки свидетелей, даже если они не попадут в японский фильм.

Работа, по словам Боунса, была свадебной. Две светские семьи, имён он не помнил. Но жених только что окончил медицинскую школу, доктор, как же его - подождите-ка, Боунс сейчас вспомнит, - доктор Кулидж, не так ли? Он был уверен, что парень был врачом, на свадьбе в тот вечер было много врачей, Купер, вот как его зовут. Доктор Харви Купер! Все в смокингах и длинных платьях, настоящая шикарная вечеринка с красивыми мужчинами и роскошными женщинами, особенно с одной блондинкой, которая всю ночь торчала у эстрады, не сводя глаз с Санто. По словам Боунса, эта блондинка - которая в рассказе Баррагана не фигурировала ни разу - была одной из тех высоких, здоровых, полногрудых и длинноногих женщин, которые всегда ассоциировались у него с Калифорнией. Таких женщин было достаточно, чтобы вывести мужчину из себя, особенно если этот мужчина был музыкантом, каковым и являлся Боунс. Он вспомнил, как однажды - это было уже после распада группы Чеддертона - он устроил серию ночёвок на тихоокеанском побережье, от мексиканской границы и до...

Мейер сказал, что ему не хотелось прерывать, но он предпочёл бы вернуться в город в приличное время, а также не хочет мешать Боунсу просматривать телепередачи.

«Нет, всё в порядке», - сказал Боунс, - «телевидение всё равно воняет, все эти копы и грабители», - и продолжил свой рассказ о женщине, которую он встретил в Пасадене, большой теннисистке калифорнийского типа, длинные ноги и большие сиськи, жемчужно-белые зубы, взял её к себе в номер в мотеле, показал ей, как чёрный человек делает подачу, да, показал ей несколько маленьких трюков, которые она не успела освоить там, на побережье.

«Ну, это прекрасно», - сказал Мейер, - «но насчёт Санто...»

«Я просто хочу сказать», - сказал Боунс, - «что есть определённый тип женщин, которых можно легко отнести к калифорнийским, понимаете?»

«Я веду расследование», - сказал Мейер.

«Этот тип, чувак, вы меня понимаете?»

«Я вас понимаю», - сказал Мейер. «Вы говорите, что эта женщина, которая болталась у эстрады в тот вечер, была калифорнийского типа, я вас понимаю. Блондинка, высокая и...»

«С большими сиськами.»

«Да, и длинноногая.»

«Точно, и много белых зубов. Калифорния, чувак. Вот что это такое, чувак, калифорнийский тип. Теперь вы меня поняли?»

«Да, я понял», - сказал Мейер. «Так что же случилось с этой женщиной? Вы ведь не помните её имени, верно?»

«Её звали Маргарет Хендерсон, она была замужем за человеком по имени Томас Хендерсон, который оказался председателем танцевального вечера, который они устраивали в теннисном клубе, где Маргарет победила в женском одиночном разряде.»

«Это в Пасадене, вы имеете в виду.»

«Да. Маргарет Хендерсон. Большая высокая блондинка с великолепными ягодицами и самым большим набором...»

«Я имел в виду ту, что была в «Шалимаре».»

«Нет, у той не такая большая, как у Маргарет. Красивая, понимаете, полная, очень красивая - но не такая, как у Маргарет.»

«Я имел в виду её имя», - сказал Мейер.

«О. Нет, я не знаю её имени. Это Санто проводил с ней всё время.»

Боунс рассказал, что Санто проводил время с загадочной блондинкой без имени, танцуя очень близко к ней, пока группа поддержки (Боунс считал, что группа поддержки - это другая группа, а Барраган считал наоборот) играла очень медленные мелодии, от которых человек мог уснуть. Но Санто не уснул, когда в его объятиях была эта великолепная безымянная леди калифорнийского типа, одетая во всё белое: облегающее белое атласное платье с разрезом почти до бёдер, загорелые ноги теннисистки, виднеющиеся по обе стороны платья, золотые браслеты на руках, сверкающие белые зубы, длинные светлые волосы, спадающие на обнажённые плечи, милая калифорнийская леди, м-м-м, милая.

«Чувак, она держала его в своих чарах с первой минуты», - сказал Боунс.

«Что вы имеете в виду?», - спросил Мейер.

«Таскала его по полу, словно загипнотизированного.»

«Ага», - сказал Мейер и поднял глаза от своего блокнота. «Он вообще покидал с ней бальный зал? И где это было?»

«Отель «Шалимар», я же говорил вам.»

«Да, я знаю, но какой именно бальный зал?»

«Бальный зал «Лунное сияние».»

«Он куда-нибудь уходил с ней? Вы видели, как он уходил с ней?»

«Однажды. Позвольте мне поправить вас. Я не видел, как он уходил с ней, но я видел его с ней.»

«Где вы видели их?»

«В коридоре снаружи. Я шёл в мужской туалет и увидел, как Санто и блондинка поднимаются по лестнице.»

«Откуда?»

«Наверное, с вестибюля внизу», - сказал Боунс и пожал плечами.

«Когда вы говорите, что он выглядел загипнотизированным...»

«Это было просто выражение.»

«Вы же не имели в виду...»

«Дурь?», - сказал Боунс.

«Дурь, да.»

«Я не думаю, что Санто употреблял наркотики.»

«Даже немного травки время от времени?»

«Нет», - сказал Боунс, - «я так не думаю. Только не Санто. Нет, определённо нет. Он слишком уважал своё тело. Всякий раз, когда у нас была репетиция - мы репетировали в подвале Первой епископальной церкви в Даймондбэке, - Санто заходил в женский туалет и...»

«В женский туалет?»

«Да, потому что там было зеркало, зеркало в полный рост. В мужском туалете тоже были зеркала, понимаете, но они были над раковинами, а Санто хотел видеть своё великолепное тело в полном виде, понимаете?»

«Да, я понимаю», - сказал Мейер. «Значит, он заходил в женский туалет, так?»

«Ну, не было никакой опасности, что кто-то зайдёт к нему. Мы ведь были там одни, репетировали. Это было в подвале церкви, представляете?»

«Я понимаю. Кем он был, тяжелоатлетом или кем-то ещё?»

«Как вы догадались? Погоди-ка, вы ведь и сами кое-что поднимали, не так ли?»

«Давным-давно», - сказал Мейер.

«Вы заходили в дамскую комнату и любовались собой?»

«Нет, не в женский туалет.»

«Для своего возраста вы выглядите неплохо», - сказал Боунс. «Кстати, а сколько вам лет?»

Майер не хотел говорить Боунсу, сколько ему на самом деле лет, потому что тогда ему пришлось бы объяснять, что лысоголовые мужчины иногда принимают вид, который не соответствует их истинной молодости, а иногда и вовсе кажутся чопорными и забитыми, когда их сердце действительно молодо, - и тут он вспомнил, что не снял шляпу профессора Хиггинса. Она по-прежнему находилась у него на голове, скрывая лысину и заставляя задуматься, что ещё в нём есть такого, что могло бы побудить случайного наблюдателя назвать его «мужчиной вашего возраста».

Он решил проигнорировать вопрос Боунса, решил также избегать дальнейших разговоров о тех днях, когда он был простым мальчишкой, качающим железо в своей спальне, чтобы нечаянная подсказка - например, упоминание имени императора или ссылка на гонки колесниц на той неделе - не позволила Боунсу более точно определить его дряхлость. Но вместо этого, и исключительно потому, что в картине появилась роковая женщина - очень здоровая, длинноногая, полногрудая, калифорнийского типа - и, похоже, околдовавшая Санто в тот самый момент, когда скользнула по полу бального зала «Лунное сияние» и устроилась у него на плече, пока он играл на бонго, Мейер задал вопрос, который - при правильном ответе - мог бы, по крайней мере, приподнять занавес трёхактной драмы, известной как «Исчезновение Санто» (её переименовуют в «Расёмон» (японский кинофильм, в котором впервые в кинематографе одно и то же событие показано с точки зрения разных персонажей; повлиял на появление в популярной культуре и жизни Эффекта Расёмона, принципа субъективного восприятия и интерпретации событий – **примечание переводчика**), как только Мейер сравнит ноты с Кареллой), и вопрос был следующим:

«Скажите, мистер Боунс, возможно ли, что Санто покинул отель с этой женщиной? После работы, я имею в виду? Возможно ли, что он просто ушёл с ней?»

Всё, конечно, было возможно, но вопрос - на первый взгляд - был просто абсурдным. Если Боунс видел, как Санто выходил из отеля с загадочной блондинкой (которая позже станет ещё загадочнее, когда Карелла уточнит, что Барраган ни разу не упомянул о ней), если у Боунса было хоть малейшее подозрение, что Санто и блондинка исчезли в бурной ночи вместе, возможно, под одним зонтом, то почему бы ему не упомянуть об этом покойному Джорджу Чеддертону? И разве этот благородный джентльмен (по мнению и Баррагана, и Боунса) не ограничил бы свой поиск только калифорнийскими длинноногими и большегрудыми дамами? Разумеется. Даже понимая это, Мейер затаив дыхание ждал ответа Боунса.

«Да», - сказал Боунс, - «думаю, именно это и произошло.»

«Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?», - сказал Мейер.

«Думаю, он сбежал с ней.»

«И что потом?»

«Я не знаю, что», - сказал Боунс.

«Когда вы видели его в последний раз?», - сказал Мейер.

«Во время последнего выступления.»

«И что дальше?»

«Он вышел в коридор с Винни.»

«Винни?»

«Винни Барраганом.»

«По коридору...»

«Чтобы отлить», - сказал Боунс.

«И что дальше?»

«Мы с Джорджи собрали вещи и спустились вниз, чтобы подождать их.»

«Где вы ждали?»

«Под навесом. Под навесом отеля.»

«Да, продолжайте.»

«Мы увидели Винни, выходящего из лифта, и побежали к фургону. Через пару минут Винни подошёл к фургону, но Санто с ним не было. Мы вернулись в отель и стали искать его, но его уже не было.»

«И вы думаете, что он ушёл с блондинкой, не так ли?»

«Разве не так бы вы поступили, чувак?»

«Что ж», - сказал Мейер, оставив этот вопрос без внимания. Он, честно говоря, не знал, что бы он мог сделать, если бы красивая блондинка в облегающем белом платье пришла и наложила на него чары, но он точно знал, что сделала бы его жена Сара, если бы заметила его выходящим из отеля «Шалимар» или любого другого отеля с такой блондинкой под руку. Через несколько минут копы Северного Мидтауна начали бы расследовать странную и непонятную смерть лысого детектива, чей череп был разmozжен чёрствым бубликом. «Вы говорили об этом Джорджу?» - спросил он. «Что его брат мог уйти с блондинкой?»

«Нет», - сказал Боунс.

«Как же так?»

«К чёрту его», - сказал Боунс, подытоживая свои чувства к покойному Джорджу Чеддертону.

«Эта блондинка», - сказал Мейер, - «не могли бы вы описать её поподробнее?»

«Великолепная», - сказал Боунс.

«Какого она была роста?»

«Не меньше пяти футов десяти дюймов», - сказал Боунс.

«Сколько ей было лет?»

«Сначала я подумал, что ей двадцать, но полагаю, что она могла быть и старше. Ей было около тридцати, я бы сказал.»

«С чего вы это взяли?»

«Это видно по тому, как девчонка себя ведёт, понимаете? Эта была старше. Может, тридцать, а может, и чуть больше. Здоровая, понимаете, весь этот калифорнийский типаж, здоровые как чёрт, мужик, они могут обмануть вас всем этим здоровьем, вы можете подумать, что им двадцать, когда на самом деле им пятьдесят.»

«Но этой женщине на вид было около тридцати лет, верно?»

«Нет, но она себя так вела.»

«Я не понимаю», - озадаченно сказал Мейер. «Она выглядела на тридцать, или она...?»

«Откуда мне знать, как она выглядела?»

Мейер моргнул. «Что вы имеете в виду?», - сказал он.

«На ней была маска», - сказал Боунс.

«Маска?», - сказал Мейер и снова моргнул. «На свадьбе?»

«О», - сказал Боунс. «Да.» Он тоже моргнул. «Может, я что-то перепутал, а?», - сказал он.

Карелла и Мейер, разговаривая по телефону в восемь тридцать вечера, сошлись во мнении, что кто-то - либо Барраган, либо Боунс - точно что-то перепутал. Мейер предположил, что Боунс был человеком с дефектами памяти, а Карелла согласился, что, возможно, высокая стройная блондинка действительно была плодом воображения музыканта, поскольку она, похоже, осталась совершенно незамеченной Висенте Мануэлем Барраганом, который в остальном обладал полной памятью, когда речь шла о событиях той ночи семь лет назад, вспоминая даже обрывки диалога, такие как замечание Боунса о том, что отель поглотил всю семью Чеддертон. Ещё более странным показалось Карелле то, что теннисистка Боунса в Пасадене оказалась точной копией блондинки, которая первой заманила Санто на танцпол, где они танцевали щека к щеке под звуки оркестра Харви Купера (удивительно, что в истории Баррагана Купер был руководителем оркестра, а в истории Боунса - женихом), а затем вышли в ночь, где вместе и соответственно (выражаясь корректно) изгнали из себя его пубертатную страсть и её наступающую менопаузу, после чего навсегда

исчезли с лица земли. По версии Баррагана, группа выступала на маскарадном балу, что казалось более вероятным, чем свадьба, о которой помнил Боунс, тем более что блондинка - если она вообще существовала - вдруг стала носить маску, когда Боунс задумался о ней чуть дольше. Барраган, похоже, был уверен, что это мероприятие проводилось в пользу больных рассеянным склерозом или мышечной дистрофией. Может быть, именно там Боунсу пришла в голову мысль, что Харви Купер был не только женихом, но и человеком, недавно окончившим медицинскую школу? И где это было - бальный зал «Звёздная пыль» или «Лунное сияние»? Или ни то, ни другое? Или всё вместе?

«Думаю, нам придётся ещё поработать над этим утром», - рассудительно заметил Карелла. «А пока они ждут меня за столом.»

«Кто они?», - спросил Мейер.

«Тедди. И Берт с женой.»

«Одни люди едят в хороших ресторанах», - сказал Мейер, - «а другие - в тюрьмах на севере штата.»

«Я поговорю с тобой утром», - сказал Карелла.

«Да, спокойной ночи», - сказал Мейер.

«Спокойной ночи», - сказал Карелла.

В ту ночь, лежа в постели с Тедди и прижимая её к себе в темноте, когда дождь хлестал по оконным стёклам, Карелла сразу понял, что она не спит, и, приподнявшись, включил лампу и озадаченно посмотрел на неё.

«Тедди?», - сказал он.

Она лежала к нему спиной и не видела его губ. Он тронул её за плечо, она перевернулась лицом к нему, и он с удивлением увидел, что в её глазах стоят слезы.

«Эй», - сказал он, - «эй, дорогая... что...?»

Она покачала головой и снова отстранилась от него, закрывшись от него подушкой - если она его не видела, то и не слышала; её глаза были её ушами, её руки и лицо - её голосом. Она лежала, всхлипывая в подушку, и он снова осторожно положил руку ей на плечо, она фыркнула и снова повернулась к нему.

«Хочешь поговорить?», - сказал он.

Она кивнула.

«В чём дело?»

Она покачала головой.

«Я что-то сделал?»

Она снова покачала головой.

«Что такое?»

Она села, взяла салфетку из коробки на прикроватном столике, высморкалась, а затем положила салфетку под подушку. Карелла ждал. Наконец её руки заговорили. Он наблюдал за ними. Он знал этот язык, он хорошо выучил его за эти годы, теперь он мог и сам говорить на нём лучше, чем нерешительно говорить языком жестов. Пока она говорила с ним, слёзы снова начали катиться по её лицу, руки дрогнули, а потом и вовсе остановились. Она снова фыркнула и потянулась к скомканной салфетке под подушкой.

«Ты ошибаешься», - сказал он.

Она покачала головой.

«Я говорю тебе, что ты ошибаешься.»

Она снова покачала головой.

«Дорогая, ты ей очень нравишься.»

Её руки снова принялись за дело. На этот раз они выплеснули на него поток слов и фраз, говоря с ним так быстро, что ему пришлось попросить её сбавить темп, но даже тогда она продолжала говорить в слишком быстром для него темпе. Он поймал обе её руки в свои и сказал: «Ну же, милая. Если ты хочешь, чтобы я тебя выслушал...» Она

кивнула, фыркнула и заговорила уже медленнее, её пальцы были длинными и подвижными, а тёмные глаза блестели от наворачнувшихся на них слёз, когда она снова сказала ему, что уверена, что Августа Клинг её недолюбливает, что Августа много чего наговорила и натворила сегодня вечером...

«Каких вещей?»

Руки Тедди снова зашевелились. «Вино», - сказала она.

«Вино? А что с вином?»

«Когда она произносила тост.»

«Я не помню никаких тостов.»

«Она произнесла тост.»

«По какому поводу?»

«За тебя и Берта.»

«За дело, ты имеешь в виду. За раскрытие дела.»

«Нет, за тебя и Берта.»

«Дорогая...»

«Она оставила меня в стороне. Она пила только за тебя и Берта.»

«С чего бы ей так поступать? Она одна из самых милых людей...»

Тедди снова разрыдалась.

Он обнял её и прижал к себе. «Милая», - сказал он, и она подняла голову, вглядываясь в его лицо, изучая его рот и следя за тем, как слова складываются на его губах. «Дорогая, ты очень нравишься Августе.» Тедди покачала головой. «Дорогая, она так сказала. Помнишь, ты рассказывала историю о детях... о том, как Эйприл упала в озеро на том пикнике? И Марк прыгнул в воду, чтобы спасти её, когда глубина воды была всего два фута? Помнишь, ты рассказывала...?»

«Тедди кивнула.»

«А потом ты пошла в дамскую комнату, ты помнишь?»

Она снова кивнула.

«Как только ты ушла, Августа сказала мне, какая ты потрясающая.»

Тедди поднял на него глаза.

«Именно так она и сказала. Она сказала: «Господи, Тедди потрясающая, я бы хотела рассказывать такие истории, как она.»»

Слёзы снова начали литься.

«Дорогая, почему ты ей не нравишься?»

Она смотрела ему прямо в глаза. Её руки начали двигаться.

«Потому что я глухонемая», - сказала она.

«Ты самая замечательная женщина на свете», - сказал он и поцеловал её, и снова прижал к себе. А потом он смахнул слезы с её лица и глаз и снова сказал ей, как сильно он её любит, сказал то, что сказал ей в тот день много-много лет назад, когда в двенадцатый раз попросил её выйти за него замуж и окончательно убедил её, что она намного больше, чем любая другая женщина, хотя до этого момента она считала себя кем-то меньшей. Теперь он снова сказал ей: «Господи, я люблю тебя, Тедди, я люблю тебя до смерти», - а потом они занялись любовью, как в молодости, когда были намного моложе.

Он знал, что она на острове, он слышал, как катер причалил к причалу больше часа назад, но она до сих пор не пришла к нему, и он задумался, не сделал ли он что-то такое, что могло бы ей не понравиться. Она покинула остров вскоре после того, как покормила его в пятницу вечером, и с тех пор его не кормили. Часы на стене - новое приобретение, которое ему пришлось выпрашивать, - показывали 9:15. Сегодня он не завтракал и не обедал, и теперь он гадал, не собирается ли она забыть и об ужине. Иногда он проклинал часы. Без часов он испытывал почти блаженное чувство дезориентации. Минуты перетекали в часы, которые становились днями, а затем неделями и месяцами. И годами. Он взглянул на часы, когда услышал вчера вечером звук стартера - 8:30 вечера, что означало, что она будет на материке к 9:00, именно столько времени занимает поездка, полчаса. Если учесть, что до города оставалось около двух часов, то в Айзоле она окажется чуть раньше 11:00.

Он гадал, куда она ходит по городу, интересовался её жизнью за пределами этой комнаты и острова. Он видел её в городе всего один раз, в ночь их знакомства, и было это семь лет назад - она разрешила ему вести календарь, прежде чем позволила взять часы. Он пытался считать дни, но в комнате не было окон, и он никогда не знал, когда солнце встаёт или садится. В первый год он ошибся в подсчёте на целый месяц. Он думал, что наступила Пасха. По его расчётам, которые он вёл, пытаясь засечь время без часов, отмечая дни в календаре наугад, он думал, что уже наступила Пасха. Она рассмеялась и сказала ему, что сегодня только двенадцатое февраля, он пробыл здесь всего пять месяцев, неужели она так быстро ему надоела?

Комната - так он называл свою клетку - была, пожалуй, пятнадцать футов в ширину и двадцать в длину, и он оббежал её сразу же, когда она заперла его здесь. Тогда он пробыл на острове всего неделю и сказал ей, что хочет вернуться на материк, а она ответила: «Конечно, ей просто надо позвонить, почему бы ему не налить себе выпить, немного расслабиться, она не задержится ни на минуту.» Тогда он ей поверил, а после недели траханья по всему дому - в её спальне, на полу в гостиной,

на кухне с её голой задницей на столешнице и ногами, обхватившими его талию, в игровой комнате и в этой комнате, которая до того, как стать его клеткой, была комнатой для гостей и, как она ему сказала, до покупки дома была кабинетом психиатра. Это объясняло двойные двери.

Двери были массивными, сделанными из прочного дуба: одна открывалась в комнату с ручкой слева, другая - наружу с ручкой справа. Если вы находились внутри комнаты и открывали первую дверь, то оказывались впрыток ко второй. Это было сделано для уединения. Когда дом принадлежал психиатру, он не хотел, чтобы кто-то слышал разглагольствования сумасшедших, которые платили ему 60 долларов в час за то, чтобы лежать на его кушетке. Толстые двойные двери. Массивные петли на каждой из дверей, и вы не могли вынуть ни одного штыря или снять двери с петель, потому что не было ни одного открытого штыря, который можно было бы вынуть. Замки на обеих дверях, внутренней и внешней. Ни в одной из стен не было окон, потому что эта комната была частью большого шлакоблочного подвала прямоугольной формы с печью в одном углу, пока психиатр не построил стены вокруг печи и не разделил оставшееся пространство на равные половины - игровую комнату по соседству, где Санто трахал её на бильярдном столе в первую неделю своего пребывания здесь, и эту комнату, его клетку, которая когда-то была кабинетом психиатра, а теперь стала настоящей гостевой комнатой с тумбой напротив кровати, диваном у одной из стен, картинами на стенах, и, конечно же, большой двуспальной кроватью, и отдельной ванной комнатой с раковиной, туалетом и ванной.

«Конечно», - сказала она ему, - «расслабься, сделай себе что-нибудь выпить. Мне нужно отвлечься от телефонных звонков, а потом прыгай в лодку, и я отвезу тебя на материк, хорошо, милый?» «Конечно, милая.» Он подошёл к бару, который был частью стены напротив кровати, и сделал себе виски с содовой, а потом сел на диван, слушая стереосистему. Это было семь лет назад, но уже тогда коллекция пластинок была старой, и большинство мелодий были очень и очень древними. За прошедшие семь лет она не сменила ни одной пластинки, и он слушал одно и то же снова и снова, пластинки изнашивались и поцарапались, как изнашивался и поцарапался он сам, семь лет, семь лет в этой комнате. Но в тот давний вечер, после того как они провели

вместе неделю на острове, прекрасном в сентябре, женщина с собственным островком у косы Сэндс, он был поражён! Она сказала ему, что ей двадцать восемь лет, но он видел в гостинной её выпускную фотографию из колледжа, на которой стояла дата, и решил, что люди заканчивают колледж в двадцать два года, верно? Ну, может, и младше, если они действительно умные, так что, если дать ей повод для сомнений, допустим, и она окончила колледж в двадцать лет, а никто не заканчивает колледж младше двадцати, то, судя по дате на обратной стороне выпускной фотографии, ей было бы тридцать два года, а не двадцать восемь, как она утверждала. А значит, теперь ей уже тридцать девять лет, старухе.

Где его ужин, неужели она не принесёт ему сегодня ужин, неужели она собирается морить его голодом, как морила две недели в тот раз, когда он чуть не сбежал? Он бы даже сбежал, если бы не собака. Она знала, что он боится собак, он говорил ей об этом, разговаривая с ней в подушку в первую неделю их совместной жизни, - боится собак, понимаете, о чём я? Когда мне было восемь лет, меня укусила собака на крыше. Чёртов фокстерьер, парень затащил его зачем-то на крышу, чёртова шавка набросилась на меня и вырвала кусок из ноги. Пришлось делать уколы от бешенства, вам когда-нибудь делали уколы от бешенства? Боже, какая боль. С тех пор я боюсь собак, даже если собака приближается ко мне, я обделаюсь. Он перелезал через стену, когда она выпустила собаку - большую немецкую овчарку, мчалась за ним с оскаленными клыками, повалила его на землю, он кувыркнулся в высокой морской траве у кромки океана, вцепившись ногтями в большую голову собаки, пытаясь удержать зубы подальше от себя, океан бил ключом, её голос доносился сквозь шум прибоя: «Нет, Кларенс, нет», чёртово имя для убийцы, немецкой овчарки - Кларенс! Взяв в одну руку поводок собаки, она велела Санто вернуться в дом, как послушному мальчику, увидела, что тот взломал замки на обеих дверях, и заперла его на ночь в ванной, а собака осталась сидеть за дверью. Всю ночь он слышал рычание собаки. Следующие две недели она морила Санто голодом в наказание за попытку побега, а когда наконец снова накормила его, в еде оказалось что-то такое, что полностью выбило его из колеи. Он не знал, сколько пробыл в отключке, но, когда очнулся, на обеих дверях были новые замки, засовы, которые он не смог бы взломать, даже если бы был профессионалом. И с тех пор собака всегда находилась за этими большими двойными дверями, сидя в коридоре.

Но это было позже, это было... Он потерял счёт времени. В первый раз, когда она заперла его здесь, да, он слушал, да, её пластинки, потягивал скотч, наслаждаясь звуком и думая, что скоро снова будет в городе, сыграет очередной концерт с Джорджи и ребятами, потягивал, улыбался, а потом сразу осознал время, посмотрел на наручные часы и понял, что её не было добрых полчаса. Что ж, спишем это на женское, она отправляется сделать несколько телефонных звонков и это занимает целую вечность. Улыбаясь, он поднялся с дивана, подошёл к двери и повернул ручку так, как обычно, ничего не подозревая, а потом обнаружил, что дверь заперта, и она заперла её на ключ. Он стал кричать, чтобы она отперла дверь, но если она и услышала его, то не пришла. Он вообще сомневался, что она его услышала через эти большие двойные двери. Она вернулась только на следующее утро, чтобы принести ему поднос с завтраком. Когда она вошла в комнату, в руках у неё был пистолет, и он не знал, был ли он у неё в доме всё это время или она поплыла на лодке на материк, чтобы купить его. Он ничего не смыслил в оружии, не мог отличить один калибр пистолета от другого. Но это не было похоже на маленький изящный пистолет, который леди держат в сумочке. Это был пистолет, способный снести человеку голову. Она велела ему отойти от двери, а он сказал: «Эй, да ладно, что это такое?», она помахала ему пистолетом и просто сказала: «Назад.» Затем она поставила поднос с завтраком на пол и сказала: «Вот твоя еда, ешь», - и вышла, заперев за собой обе двери.

В тот завтрак она впервые подмешала ему что-то в еду. Он выпил апельсиновый сок, потом съел кукурузные хлопья и выпил кофе, и не знал, что из того, что он съел или выпил, было наркотиком, но что-то точно было, потому что почти сразу после этого он потерял сознание, а когда очнулся снова - он не знал, через сколько часов, - он лежал на кровати голый, вся одежда исчезла, наручные часы пропали, запястья были связаны за спиной, а ноги связаны в лодыжках. Он снова начал кричать, звать её. Но он опять не знал, слышит ли она его через двойные двери. В любом случае он начинал понимать, что она придёт к нему только тогда, когда сама этого захочет. Бессмысленно было кричать или вопить, бессмысленно было делать что-либо, кроме попыток найти выход.

Он знал, как выглядит остров: она показала ему его в первую неделю, когда он был ещё гостем, а не пленником, трахал её на лодке и на

пляже, трахал её в маленьком сосновом лесу, который тянулся вдоль южного берега, трахал её днем и ночью, никогда в жизни не встречал такой женщины, как она, и говорил ей об этом. Но, знаете, он скучал по городу, хотел вернуться в город – «Я тебе надоела?» - спросила она. «Нет, нет, просто хочу снова ходить по этим улицам, слышать, как гудят тротуары под ногами, да, детка? Я городской парень, родился и вырос там, моя мама из Венесуэлы, а папа из Тринидада - не видел его с тех пор, как мне исполнилось три года, и он уехал с девушкой, работавшей официанткой в Даймондбэке, - но я и мой брат Джорджи на сто процентов американские мальчишки-янки-дудл-дэнди, да», - сказал он и разразился хохотом. «Оставайся ещё на денёк», - сказала она.

В ту первую неделю она рассказала ему, что папа купил остров для неё, когда ей исполнилось шестнадцать, в подарок на день рождения; ты единственная шестнадцатилетняя девочка в мире, у которой есть свой собственный остров, сказал ей папа. Санто представлял его таким придурковатым богачом в белых утиных брюках и двубортном синем блейзере, с белой яхтенной кепкой на голове: «Вот тебе, дорогая, твой личный остров» - в то время как люди по всему миру копаются в мусорных баках в поисках еды. Построил ей дом на острове, когда она вышла замуж, сказал дочери, что у неё должно быть маленькое местечко, где она могла бы уединиться от всего этого, маленький приморский уголок в получасе езды от материка, только он оказался не таким уж маленьким - в нём было четыре спальни, не считая игровой комнаты в подвале и комнаты для гостей, которая раньше была кабинетом психиатра...

Это был первый раз, когда он поймал её на лжи. Это было в первую неделю; тогда он ещё не был её пленником, они всё ещё, знаете ли, занимались этим днём и ночью и обещали друг другу нерушимую любовь. Он поймал её на лжи и сказал: «Слушай, а почему, если твой папа купил тебе этот остров, когда тебе было шестнадцать, а потом построил для тебя этот дом, когда тебе исполнился двадцать один год и ты вышла замуж, - почему ты сказала мне, что купила этот дом у человека, который был психиатром и поставил внизу большие двойные двери, чтобы никто не слышал, как его пациенты кричат, что они Наполеоны, - как так получилось, а?»

Тогда она призналась, что купила дом вовсе не у психиатра, а вышла замуж за того самого психиатра, который установил внизу большие

двойные двери, чтобы его пациенты могли свободно разглашать самые сокровенные тайны своего запутанного прошлого, не будучи подслушанными никем. Но Санто всё равно показалось, что это очень подозрительно, и он так ей и сказал. Это было на четвёртый день, как он полагал. Тогда они ещё ели, пили и веселились. На следующий день она наконец рассказала ему правду, или, по крайней мере, он догадался, что это правда, но точно сказать не мог. Они гуляли по пляжу. На нём был старый свитер, который она одолжила ему, сказав, что он принадлежал её мужу-психиатру, который вовсе не был психиатром, но, конечно, он узнал об этом только после того, как она рассказала ему правду. Над выброшенной на берег мёртвой рыбой кружили чайки, поднимая страшный шум: белые и серые на фоне ясного сентябрьского неба, их клювы были более насыщенного жёлтого цвета, чем бледное золото солнечного света, в котором они плавали. Океан был очень спокоен. Её голос тоже был очень спокойным.

Она сказала ему, что это правда, что её отец купил остров для неё, когда ей было шестнадцать, и ещё она сказала ему, что это правда, что он построил здесь дом для неё и её мужа, когда они поженились. «Когда мне был двадцать один год», - сказала она, - «сейчас мне двадцать восемь», что было ещё одной ложью, но он обнаружил это только после того, как посмотрел на обратную сторону выпускной фотографии в гостиной и увидел дату. В общем, как она рассказывала, муж ушёл от неё, прожив в браке всего полгода, просто взял и ушёл в один прекрасный день, и у неё случился... ну, то, что можно назвать нервным срывом. Отец отказался поместить её в больницу, поэтому организовал частный уход в доме на острове, и именно тогда он установил двойные двери с замками. Чтобы она не навредила себе. Она, видите ли, стала склонна к суициду. Когда от неё ушел муж. Она несколько раз пыталась покончить с собой. Двойные двери, надёжно запертые, были для её собственной защиты. Медсестра сидела за ними днём и ночью. Это случилось, когда ей был всего двадцать один год, и от неё ушёл муж.

Санто выслушал всё это и подумал: «Ну вот, на этот раз я подцепил настоящего клопа.» Но он выразил сочувствие по поводу всего, что ей пришлось пережить, бедняжке, и спросил, как она себя чувствует сейчас, а она ответила: «Разве ты не можешь выразить, как я себя чувствую? Я чувствую себя чудесно!» Он допускал, что это правда, она выглядела здоровой и сильной, а трахалась как кролик, но когда-то он

знал умственно отсталую девчонку в Даймондбэке, которую трахали все в квартале, забирали на крышу и трахали, и, хотя у неё не всё было в порядке с арифметикой и правописанием, она точно знала, как вывести мужчину из равновесия. То же самое можно сказать и об этой девушке, правда, она говорила, что ей двадцать восемь, но он знал, что ей тридцать два, - возможно, её следует держать за закрытой дверью, за исключением тех случаев, когда она трахается, что, будь её воля, она бы делала день и ночь до самого Рождества, но он сказал ей, что ему пора возвращаться на материк.

Ему потребовалось тридцать секунд, чтобы понять, что он в плену. Если бы она не рассказала ему историю о нервном срыве и запертых двойных дверях, он бы, возможно, подумал: ну, женщина немного пошутила со мной, заперла меня здесь, но через некоторое время она спустится сюда в одном лишь чёрном поясе с подвязками, чулках в сеточку и туфлях на высоком каблуке из лакированной кожи, обрызгает меня взбитыми сливками, съест живьём и попросит прощения за то, что сыграла со мной такую злую шутку, заставив думать, что я здесь заключённый. Так бы он и подумал, если бы двумя днями раньше она не рассказала ему историю о том, что сошла с ума, когда её муж ушёл чуть не сразу после свадьбы. Возможно, она лгала и об этом, но он не думал, что кто-то лжёт о том, что у него психическое расстройство. Нет, эта комната, в которой он оказался, - эта тюрьма, эта клетка - раньше была её тюрьмой, её клеткой, за которой сидела медсестра, возможно, готовая надеть смирительную рубашку или сделать укол, чтобы вырубить её, - кто, чёрт возьми, знает? А теперь он был заключённым, и она сидела снаружи, подсыпая ему в еду дурь, когда хотела, и приходила в комнату, чтобы скоротать с ним время, и показывала ему большую матёрую немецкую овчарку в тот самый день, когда она её купила, а это было через три дня после того, как она его заперла - это было после того, как она подсыпала ему в еду дурь в первый раз, и он лежал связанный по рукам и ногам на кровати. Двери открылись, и она ввела немецкую овчарку, чёртову тварь, похожую на медведя гризли, такая она была большая. Санто отступил от неё, а она, сука, улыбнулась, показав ровные белые зубы и откинув длинные светлые волосы. «Не бойся, милый», - сказала она, - «Кларенс - самая добрая собака на свете.» Кларенс! И Кларенс зычно зарычал, как никогда не делают мягкие человеколюбивые существа, он зарычал, и его чёрные губы или как их там ещё называют, эта мягкая чёрная плоть

вокруг рта оттянулась назад, чтобы показать зубы, каждый из которых длиной в шесть дюймов. Самое мягкое человеколюбивое существо на земле выглядело так, словно готово было вырвать из ноги Санто толстый кусок мяса, а может, и вцепиться ему в горло и вырвать трахею. А она улыбалась. Улыбнулась, сука. «Отныне на острове будет жить Кларенс», - сказала она. А позже, после того как он попытался сбежать в тот первый раз и за ним погналась собака, она сказала ему, что Кларенс отныне будет сидеть возле его комнаты, как сидела там её медсестра, всякий раз, когда у неё были проблемы. «Если тебе что-нибудь понадобится», - сказала она, улыбаясь, - «ты просто попроси Кларенса.» Улыбаясь.

Поначалу Санто думал, что сможет удержать её. Ладно, сука, хочешь держать меня в плену на этом грёбаном острове с грёбаной немецкой овчаркой, бродящей по территории, так знаешь, что ты от меня получишь? Ты получишь это, сестрёнка, вот что ты получишь, ты не получишь ничего, ноль, ноль, ноль, ни черта, вот что! Но когда она вошла в дом, чтобы заняться любовью в тот первый раз - это было недели через две-три после покупки собаки, - она заперла за собой двери, обе двери, повесила ключи на ошейник Кларенса и сказала: «Сидеть, Кларенс», и эта чёртова шавка уселась прямо у двери и наблюдала за ней, пока она шла к кровати. На ней была бледно-голубая ночная рубашка, под ней ничего не было, он мог видеть её тело сквозь тонкий нейлон, красивое тело, именно оно привлекло его в первую очередь, высокое и стройное, с хорошей грудью и длинными ногами, она подошла к кровати, села на край и сказала: «Разве ты не хочешь заняться любовью, Санто?», а он ответил ей, что не хочет заниматься любовью, что не будет заниматься любовью ни с кем, кто держит его в плену с чёртовой собакой по имени Кларенс, готовой его загрызть, убери отсюда собаку, убирайся сама, я не хочу заниматься любовью с такой сукой, как ты!

Но... понимаете... прошло уже почти три недели, три недели, как у него вообще не было женщины, три недели, как они не занимались этим день и ночь, и вот теперь она здесь, ползёт на кровать рядом с ним, выворачивается из халата, берет его в руки, а потом в рот, А потом вдруг отстранилась от него, перевернулась на спину и широко раскинула ноги, как в ту ночь на кухне, и он оказался на ней сверху, и

ему было всё равно, пленник он или раб, или ещё кто, он только хотел её, хотел её и ненавидел себя за то, что хочет её.

Он постоянно мечтал о побеге. Однажды он прихватил вилку с подноса - она никогда не позволяла ему иметь нож, сука, она всегда резала ему еду, когда приносила её, - оставил вилку себе и попытался выковырять дыру в стене ванной, выбраться из этой грёбаной комнаты в подвал, как-то обойти собаку, но вилка сломалась о шлакоблок, и когда она потом обнаружила пропажу, она снова наказала его, всегда наказывала, когда он делал что-то неправильно, что-то, что она считала неправильным. В другой раз он притворился больным, засунул палец в горло и заблевал весь пол, сказал ей, что думает, что у него аппендицит или что-то в этом роде, и подумал, сможет ли он заставить её вызвать врача... но нет, она сказала ему, что никакого врача нет, заставила его вытереть рвоту, он сказал, что умрёт, она ответила: «Нет, ты не умрёшь.» Постоянно мечтал о побеге. Выбраться отсюда, добраться до лодки. Освободиться.

Он услышал, как поворачивается ключ во внутренней двери. Он подождал. Дверь открылась. Она стояла там, держа в одной руке поводок Кларенса. Она улыбнулась, провела Кларенса в комнату, сказала: «Сидеть, Кларенс», а затем вышла в коридор за подносом с едой для Санто. Она отнесла его на журнальный столик перед диваном, поставила и, всё ещё улыбаясь, спросила: «Ты голоден, милый?»

Он не ответил ей. Он сразу же сел и начал есть.

«Ты скучал по мне?», - спросила она.

Он по-прежнему ничего не говорил. Он продолжал поглощать еду. В другом конце комнаты, прямо за дверью, сидел Кларенс и наблюдал за происходящим.

«У меня были кое-какие дела в городе», - сказала она.

«Мне это неинтересно», - сказал он.

«Я так и думала.»

«Нет.»

Она пожала плечами, подошла к двери и снова взяла в руку поводок собаки.

«Я вернусь позже», - сказала она.

«Ты когда-нибудь задумывалась, что будет, если ты умрёшь?» - спросил он, внезапно подняв глаза от еды на своём подносе. «Я бы умер здесь от голода, ты понимаешь это?»

«Да, это так», - сказала она. «Но не волнуйся, милый, у нас впереди долгая жизнь.»

Он ничего не сказал.

«Что мне надеть потом?», - спросила она.

«Мне всё равно, что ты наденешь», - сказал он.

«Что тебе нравится? Я хочу сделать тебя счастливым сегодня вечером.»

«Ты можешь сделать меня счастливым, оставив меня в покое.»

«Я в это не верю.»

«Поверь, это правда.»

«Мне надеть чёрный парик?»

«Я же сказал, что мне всё равно.»

«Доедай свой ужин», - сказала она. «Я сделаю тебе сюрприз, хорошо? Я надену то, чего ты никогда раньше не видел.»

«Если хочешь сделать мне сюрприз, приди позже и скажи, что я свободный человек.»

«Нет, я не могу этого сделать.»

«Почему бы и нет?»

«Ты нужен мне, Санто.»

«Я хочу уехать отсюда.»

«Да, я знаю это.»

«Я здесь схожу с ума. Если ты будешь держать меня здесь ещё дольше, я сойду с ума. Я умру, ты понимаешь? Я умру в этой комнате.»

«Ты не умрёшь», - сказала она и снова улыбнулась. «Только если я не захочу, чтобы ты умер. Пожалуйста, помни об этом, Санто.» Она посмотрела на часы. «Я вернусь через час. Будешь ли ты готов принять меня через час?»

«Нет.»

«Будь готов», - сказала она.

«Я ненавижу тебя», - тихо сказал он.

«Ты любишь меня», - ответила она и снова улыбнулась. Она уже выходила из комнаты, когда, казалось, что-то вспомнила. Она повернулась, посмотрела на него и сказала: «Кстати, Си Джей больше не будет нас навещать.»

Утром в понедельник, 18 сентября, когда Мейер разговаривал по телефону с Ассоциацией мышечной дистрофии и Национальным обществом рассеянного склероза, пытаясь выяснить, спонсировали ли они по отдельности или совместно благотворительный бал в начале сентября семь лет назад, Карелла принял звонок от человека по имени Генри Гомбс из отдела баллистики.

«По этим стреляным пулям, найденным на месте преступления», - сказал он.

«Это дело Чеддертона?», - спросил Карелла.

«Чеддертон, Чеддертон», - сказал Гомбс, явно сверяясь с лежащим перед ним листом бумаги, - «да, Чеддертон, Калвер и Южная Одиннадцатая, пятнадцатое сентября, всё верно.»

«Верно», - сказал Карелла.

«Я пришлю отчёт позже», - сказал Гомбс, - «а пока не хотите ли вы узнать кое-что?»

«Продолжайте», - сказал Карелла.

«На месте происшествия не обнаружено ни одной стреляной гильзы, что указывает на то, что оружие не было автоматическим пистолетом. Однако было найдено пять пуль, три из которых сильно деформированы...»

«Это были те три, которые попали в жертв», - сказал Карелла.

«Две жертвы, не так ли?»

«Да.»

«Насколько я понимаю, один ещё жив.»

«Именно так.»

«Он сказал, сколько выстрелов он слышал?»

«Он не смог вспомнить.»

«Причина, по которой я спрашиваю... Тот факт, что на месте преступления было найдено только пять пуль, не обязательно указывает на то, что револьвер был рассчитан только на пять выстрелов.»

«Обойма была пуста, когда убийца попытался его добить», - говорит Карелла.

«Вот как? М-м-м... В любом случае, все найденные пули имеют диаметр 0,3585 дюймов (*около 0,91 сантиметров – примечание переводчика*), что говорит о том, что мы имеем дело с патроном «Смит и Вессон» 38-го калибра. Поворот в дюймах - 183/4 вправо, диаметр канавки – 0,357, что соответствует маркировке, которую револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра оставил бы на пуле, и что - в сочетании с пятью найденными нами экземплярами - довольно убедительно указывает на револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра, стреляющий патронами «Смит и Вессон» 38-го калибра. У нас есть полицейская модель 33 (*револьвер с четырёхдюймовым стволом двойного действия, то есть самовзводный, при нажатии на спусковой крючок курок сначала взводится, а затем срыгается со взвода, в результате чего происходит выстрел, производится с 1974 года – примечание переводчика*), использующий патроны «Смит и Вессон» 38-го калибра, и есть модель 32 (*небольшой пятизарядный револьвер с 2-дюймовым стволом под патрон 38-го калибра со спиральной или плоской боевой пружиной и круглой мушкой – примечание переводчика*), которая также использует патроны «Смит и Вессон» 38-го калибра, и эти оба пистолета рассчитаны на пять выстрелов. Теперь касательно «Chiefs Special» (*модель револьвера с J-образной рамкой, представлен в 1950 году и до сих пор выпускается – примечание переводчика*) и «Bodyguard Model» (*небольшой револьвер с J-образной рамкой и скрытым курком, доступен в двух калибрах под патрон «Смит и Вессон» и «Магнум» – примечание переводчика*), а также «Centennial» (*модель револьвера с J-образной рамкой, в зависимости от калибра, барабан вмещает от 5 до 8 патронов, имеют полностью закрытый курок – примечание переводчика*) которые идут под патрон 38-го калибра «Смит и Вессон специальный», и у которых такой же поворот и канавка, как и у обычного 38-го калибра, но у 38-го специального калибра диаметр отличается от диаметра 38-го калибра, и показания, которые мы получили - как я уже говорил - составили

0,3585 дюймов, что соответствует диаметру пули 38-го калибра, а не 38-го специального калибра. Наши микрометры здесь откалиброваны до одной тысячной дюйма, так что я не думаю, что мы ошиблись с калибром этого пистолета, это 38-й калибр, всё верно, и, учитывая все остальные факторы, я бы сказал, что это «Смит и Вессон специальный» 38-го калибра, либо 33-й модели «Regulation Police», либо 32-й модели «Terrier», оба имеют пятизарядную ёмкость. Какое оружие вы носите, Карелла?»

«Специальный (модификация модели 10, шестизарядного револьвера с ударно-спусковым механизмом двойного действия под патроны 38-го калибра, производится с 1899 года до сих пор – примечание переводчика).»

"М-м-м, ну, «Regulation» 33-й модели поставляется только с четырёхдюймовым стволом, а «Terrier» поставляется с двухдюймовым стволом, и это более лёгкое оружие - семнадцать унций против восемнадцати у «Regulation» (600 против 635 грамм – примечание переводчика). Мы имеем дело с мужчиной или женщиной?»

«Мы ещё не знаем.»

«Не то, чтобы унция имела значение, но более короткий ствол мог бы. Легче засунуть в сумочку, понимаете?»

«Да», - сказал Карелла.

«Вот и всё», - сказал Гомбс. «Револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра, либо «Regulation» модель 33, либо «Terrier» модель 32. Надеюсь, я смог вам помочь», - сказал он и повесил трубку.

Мейер всё ещё разговаривал по телефону. Карелла спустился в канцелярию и попросил Мисколо связаться с отделом коммуникаций и попросить их разослать по всем участкам межведомственную листовку с просьбой сообщить любую информацию о подозрительном револьвере «Смит и Вессон» 38-го калибра, «Полицейская модель 33» или «Терьер модель 32», который использовался в стрельбе со смертельным исходом в ночь на 15 сентября. Мисколо сказал, что позвонит в отдел коммуникаций, как только допьёт кофе. Карелла вернулся по коридору в детективный отдел, где Мейер как раз вешал телефонную трубку.

«Есть успехи?», - спросил он.

«Это была не мышечная дистрофия и не рассеянный склероз», - ответил Мейер. «Может, это всё-таки была свадьба. Может, жених был доктором Харви Купером, а может...»

«Давай попробуем обратиться в Американскую федерацию музыкантов США и Канады», - сказал Карелла. «Выясним, есть ли у них член по имени Харви Купер. Если да...»

«Да, но вели ли они записи о работе все эти семь лет?»

«Стоит попробовать. Если есть шанс на то, что получится, надо действовать. Я хочу начать посещать некоторых из тех людей, которые были в календаре встреч Чеддертона.»

«Сколько у тебя имён?»

«Десять или около того. Дай-ка подумать», - сказал Карелла и начал считать имена, которые он перечислил в своём блокноте. «Восемь, которые смогла опознать Хлоя Чеддертон, два, которых она не знает, и два набора инициалов - Си Джей и Си Си.»

«Ты уже звонил кому-нибудь из них?»

«Я как раз собирался это сделать.»

«Хочешь разделить со мной список?»

«Сначала посмотри, что ты получишь в федерации музыкантов.»

Синтия Роджерс Харгроув была одета в стёганный халат поверх, похоже, бабушкиной ночной рубашки с кружевным воротником «Питер Пэн». На шее у неё висел жемчужный чокер (*элегантное украшение, которое плотно облегает шею – примечание переводчика*). Миссис Харгроув было семьдесят шесть лет, если считать по дням. Она сидела напротив Мейера Мейера за покрытым дамастом (*ткань, обычно шёлковая, одно- или двухлицевая с рисунком, обычно цветочным, образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения – примечание переводчика*) столом в обеденном алькове своей квартиры на Холл-авеню, и проливной дождь

заливал восточные окна, которые в ином случае могли бы быть залиты солнечным светом. Миссис Харгроув говорила таким голосом, который Мейер ассоциировал только с очень богатыми людьми - не только в Британии голосовые интонации выдавали принадлежность человека к тому или иному классу. Миссис Харгроув была выпускницей колледжа Вассара (*частный университет в городе Покипси, штат Нью-Йорк, основан в 1861 году, был первым высшим учебным заведением для женщин в Соединённых Штатах – примечание переводчика*) из школы Розмари-Холл (*сейчас частная школа-пансион совместного обучения, готовящая к поступлению в колледж, в Уоллингфорде, штат Коннектикут; до 1978 года была школой для девочек, основана 1890 году – примечание переводчика*), а не частной начальной школы где-то в городе. Миссис Харгроув - это гладкие шляпы, гоняющиеся у Ньюпорта. Миссис Харгроув - это послеобеденный чай в Палм-Бич. Миссис Харгроув - это завтрак в десять часов утра в понедельник, когда почти все остальные жители города вставали с семи и принимали первую за день пищу до восьми. В этой стране свободных и храбрых, в этой нации, где все люди созданы равными, миссис Харгроув была живым свидетельством поговорки о том, что некоторые люди созданы равнее других. В её присутствии Мейер чувствовал себя несколько запуганным. Возможно, потому, что он никогда не ел поджаренную английскую булочку с настоящим шотландским крыжовниковым джемом. Когда он откусил кусочек, ему показалось, что хруст был слышен в самом центре города и в самом детективном отделе 87-го участка. Он торопливо отхлебнул кофе, надеясь заглушить звуки жевания.

Мы называли его «Бал блондинок», - сказала миссис Харгроув.

Мейер посмотрел на неё, а потом сказал: «Бал блондинок?»

«Да. Вы знаете героев комиксов? Блонди и Дэгвуд (*персонажи американского газетного комикса, выпускаемого с 1930 года и до сих пор – примечание переводчика*)? Они вам знакомы?»

«Да, конечно», - сказал Мейер.

«Это была наша тема. Комикс. Ещё кофе?» - спросила она и потянулась к серебряному кофейнику, стоявшему справа от её тарелки. «Как вы попали ко мне?», - спросила она, наливая.

«Я позвонил в федерацию, - сказал Мейер, - и они...»

«Федерацию?»

«Американская федерация музыкантов.»

«Да, конечно», - сказала миссис Харгроув.

«Да», - сказал Мейер, - «и спросил их, можно ли проверить их записи... Я обнаружил, что лидер должен заключать с ними контракты, лидер группы...»

«О, да, пожалуй», - сказала миссис Харгроув.

«Да», - сказал Мейер, - «и я попросил их проверить музыканта по имени Харви Купер...»

«О, да.»

«Это имя что-то говорит для вас?»

«Да, он тот человек, которого я наняла для этой работы.»

«Да», - сказал Мейер, - «это было семь лет назад, одиннадцатого сентября, если быть точным, и это вся информация, которую дал мне профсоюз. А ещё они предоставили мне ваше имя и адрес, которые были указаны в контракте, который вы подписали.»

«Да, очень просто.»

«Нам потребовалось некоторое время, чтобы прийти к этому», - сказал Мейер. «Раньше мы искали что-то, спонсируемое Ассоциацией мышечной дистрофии или Национальной ассоциацией рассеянного склероза...»

«О нет, ничего такого грандиозного», - сказала миссис Харгроув. «Возьмите ещё один кекс, мистер Мейер. Иначе они пропадут зря.»

«Но ведь это был благотворительный бал, не так ли?»

«Да. Но это можно назвать частной благотворительностью, а не одной из национальных организаций, вы понимаете?»

«Что это была за благотворительность?»

«Мы пытались создать стипендиальный фонд для местной средней школы. Чтобы достойные подростки могли поступить в колледж. Большинство местных жителей, как вы понимаете, отправляют своих детей в подготовительные школы, когда те достигают совершеннолетия. Но окружная средняя школа действительно очень хороша, и мы посчитали, что её ученикам должны быть предоставлены те же возможности, что и более привилегированным подросткам.»

«Понятно», - сказал Мейер. «Значит, целью бала было собрать деньги для этого стипендиального фонда?»

«Да.»

«Сколько вы надеялись собрать?»

«Примерная стоимость четырёхлетнего обучения и проживания студента в качественном высшем учебном заведении составляла около двадцати тысяч долларов. Мы надеялись собрать достаточно средств, чтобы отправить трёх студентов в колледж на полный четырёхлетний срок.»

«Значит, вы надеялись собрать шестьдесят тысяч долларов?»

«Да.»

«И сколько же вы на самом деле собрали?»

«На двадцать тысяч больше. Бал был весьма успешным. Думаю, тема «Блонди» сыграла в этом не последнюю роль.»

«Что это значит», - спросил Мейер, - «тема «Блонди»?»

«Ну, это был маскарадный бал, вы понимаете. Женщины должны были прийти в образе Блонди, а мужчины - в образе Дэгвуда. Некоторые, конечно, привели с собой своих собак, изображающих Дейзи, собаку из комикса. Я старалась не допустить этого, в пригласительных объявлениях я ясно дала понять, что животные не приветствуются, надеясь, конечно, что они поймут, что мы не хотим иметь множество Дейзи. Но некоторые люди не поняли, как бы прямо я это ни сформулировала. У нас было триста двадцать Блонди, столько же Дэгвудов и не меньше дюжины Дейзи.»

«Вы имеете в виду, что собаки бегали вокруг?»

«Да. Ну, не совсем бегали. Мы, видите ли, были готовы к такому случаю. Мы связались с организацией, которая предоставляет услуги выгульщиков собак...»

«Выгульщиков собак?»

«Да. Обычно студенты колледжа, которые берут собак на ежедневные прогулки в течение дня, например, в ситуации, когда оба человека в браке работают, или в течение недели, если кто-то просто не хочет брать на себя ответственность за выгул животного - позиция, которую я нахожу вполне понятной, кстати. Я ненавижу собак, а вы?»

«Ну, я бы не сказал, что я...»

«Просто отвратительные», - сказала миссис Харгроув. «Впрочем, все животные такие. Почему люди хотят держать домашних животных, я не представляю. Мерзкие твари, все они. В любом случае у нас был штат обученных собаководов, чтобы, так сказать, доставить любого заблудшего щенка туда, откуда он пришёл. Только двое из посетителей возражали. У одного из них была такса, которая должна была представлять Дейзи, можете себе представить, а у другого - пекинес. Мы поместили их в отдельные гардеробы - собак, а не покровителей - и таким образом решили проблему. Но на самом деле, вы можете себе представить, какой бы у нас был бедлам, если бы каждому разрешили привести собаку? У некоторых людей совсем нет разума, когда дело касается животных. Вообще никакого. Отвратительные твари, все они.»

«Когда вы говорите, что у вас было триста двадцать блондинок...»

«Да, мы продали столько входных билетов. По двести пятьдесят долларов за пару. Триста двадцать женщин, маскирующихся под Блонди, и триста двадцать мужчин с волосами, торчащими вперёд, как у Дэгвуда, - у бедняги на лобной части головы косичка, - и в галстуках-бабочках. Блонди и Дэгвуд.»

«С какой целью вы это сделали, миссис Харгроув?»

«Цель? О, это была просто уловка, мистер Мейер. Но мы заработали восемьдесят тысяч долларов на входных билетах, что совсем неплохо. А кадиллак, который мы подарили в качестве первого приза за лучшую пародию, был подарен местным дилером.»

«Был ли конкурс на лучший костюм?»

«Ну, не только костюм. В конце концов, в комиксе Дэгвуд и Блонди одеты не так уж и необычно. На самом деле, я думаю, что именно простота темы объясняет её успех, разве вы не видите? Женщины, в конце концов, могли носить всё, что им вздумается, лишь бы они были блондинками. А мужчинам требовались только галстук-бабочка и немного помады для волос. Но приз вручался именно за общее впечатление. То, как пара шла и двигалась, её презентация, пародия на Блонди и Дэгвуда. Они все были в масках, вы понимаете...»

«В масках, да.»

«Да. Так что касательно судей не было абсолютно никаких сомнений в фаворитизме. Они могли судить только по... нематериальным параметрам. Действительно ли пара создала образ оживших персонажей комиксов.»

«Понятно. Если я правильно понимаю, то все женщины были в светлых париках.»

«Ну, не все.»

«Вы сказали...»

«Да, но некоторые из них были натуральными блондинками.»

«О, да, конечно.»

«Или, если не натуральные блондинки, то хотя бы принимающие небольшую помощь косметолога. Этим женщинам, конечно, не нужны были парики.»

«Конечно, нет.»

«Но вы правы, полагая, что общее впечатление от бального зала, полного трёхсот двадцати блондинок, впечатляет.»

«Да», - сказал Мейер.

«Да.»

«И все они в масках», - сказал Мейер.

«Да. И вот тут-то, по-моему, самое интересное, не так ли? Вы можете представить себе комнату, полную блондинок в масках? Разве это не выглядит очень весело?»

«Да», - сказал Мейер, - «это так. Миссис Харгроув, в профсоюзе музыкантов мне сказали, что дело происходило в отеле «Паломар»...»

«Да, в центре города, прямо напротив театра «Паломар».»

«Какой бальный зал, мэм, вы можете вспомнить?»

«Да, бальный зал «Звёздная пыль».»

«Это большой бальный зал?»

«Не такой большой, как их Большой бальный зал, но мы не хотели, чтобы зал был настолько огромным, что люди в нём будут метаться. Нам очень хотелось, чтобы все эти блондинки в масках и мужчины в галстуках в горошек танцевали щека к щеке и ягодицы к ягодицам в более интимном зале. Вот почему мы выбрали бальный зал «Звёздная пыль». В этом, видите ли, и заключалось всё веселье.»

«У вас была возможность поговорить с кем-нибудь из музыкантов в тот вечер, миссис Харгроув?»

«Только с мистером Купером. Мистер Купер занимался всеми приготовлениями для меня, мой контракт был заключён с мистером Купером, он предоставил обе группы. Они были очень хороши. Другая группа играла музыку латинского типа, вы знаете?», - сказала она и, подняв обе руки, щелкнула пальцами.

«Но, кроме мистера Купера, вы не разговаривали ни с кем из музыкантов обеих групп?»

«Нет, сэр, я не делала этого.»

«Значит, имя Джорджа Чеддертона ничего вам не говорит?»

«Ничего вообще.»

«Или Санто Чеддертона?»

«Ничего», - сказала миссис Харгроув.

Всю дорогу вверх по городу Мейер вспоминал выражение, которое использовала миссис Харгроув: «множество маргариток». Если вывести последнее слово из разряда собственных имён и отнести его, так сказать, к общему существительному во множественном числе, то получится «плеяда маргариток», что, как показалось Мейеру, было на редкость удачным названием для романа. В последнее время он стал замечать, как много паршивых романов имеют очень хорошие названия, и начал подозревать, что хорошего названия достаточно, чтобы продать даже самую захудалую книгу. Он мог видеть название «Плеяда маргариток», украшающее обложку романа в твёрдом переплёте. А на обложке книги в мягкой обложке оно было напечатано, возможно, менее изысканным шрифтом: «Плеяда маргариток». Он мог видеть это в огнях на рекламном щите кинотеатра: «ПЛЕЯДА МАРГАРИТОК». Ему очень нравилось это чёртово название.

Вернувшись в отдел, он рассказал Карелле о встрече с миссис Харгроув, а Карелла - о своих визитах к двум людям из списка имён - Бастеру Грирсону и Лестеру Хэнли, которых с Чеддертоном связывали сугубо деловые и несколько случайные отношения. Один из них выразил удивление, что он мёртв, другой прочитал об этом в газетах. Карелла и Мейер согласились, что чертовски жаль, что в тот вечер семь лет назад среди присутствующих было так много блондинок - натуральных, обесцвеченных или без волос, - ведь всё, что они знали о женщине, которая провела с Санто значительное количество времени, - это то, что она была высокой, ивовой блондинкой калифорнийского типа. Это был первый случай, когда слово «ивовая» прозвучало в их речи; Мейер использовал это прилагательное, возможно, потому, что с тех пор, как он покинул миссис Харгроув, он стал мыслить романически.

«Я получил от неё список всех гостей», - сказал он, - «и я...»

«Бал блондинок», - сказал Карелла, покачав головой.

«Да, «Бал блондинок». Не те, кто купил билеты у входа, а все остальные. Я подумал, что могу проверить «Паломар», просто чтобы узнать, не снимал ли там номер кто-нибудь из гостей в тот вечер.»

«Можешь проверить», - сказал Карелла, - «но я думаю, это будет пустой тратой времени. У нас полно блондинок...»

«Не говоря уже о множестве маргариток», - сказал Мейер.

«И мы даже не знаем, кто из них настоящие блондинки. Так что даже если кто-то из постояльцев и заселился в номер с Санто, как об этом узнает регистрационная книга отеля? Всё, что мы узнаем, - это то, что кто-то из тех, кто был на балу, остановился в отеле в ту ночь. Чего мы не узнаем...»

В этот момент зазвонил телефон.

Это был детектив Алекс Леопольд из Южного Мидтауна, звонивший сообщить, что ему попала их рассылка о подозрительном 38-м калибре, и он подумал, что между их делом и делом, которым он занимается, есть связь - проститутка, застреленная на тротуаре поздно вечером в пятницу из оружия «Смит и Вессон» 38-го калибра, по данным баллистической экспертизы.

Алекс Леопольд оказался маленьким диспепсическим (с нарушением нормальной деятельности желудка, затруднённым и болезненным пищеварением – **примечание переводчика**) человеком (маленьким для полицейского детектива; на самом деле его рост составлял пять футов десять дюймов), который сразу же сказал Карелле и Мейеру, что хотел бы вернуться в 11-й участок в Калмс-Пойнте. В 11-м участке не убивали проститутку в субботу вечером. В 11-м участке, окружавшем эксклюзивный район Калмс-Пойнт-Хайтс («Си-Пи-Эйч», как его ласково называли патрульные, которым посчастливилось отнести этот район к своему району), самым громким преступлением за воскресный месяц было ограбление квартиры известного романиста или похищение призовой собачки из дома художника из пригорода, который использовал адрес «Си-Пи-Эйч» в качестве места жительства в городе. В «Си-Пи-Эйч» всё ещё горели фонарные столбы на старых причудливых мощёных улочках. В «Си-Пи-Эйч» не было проституток на старых причудливых мощёных улочках; в 11-м участке Алекс Леопольд очень удивился бы, обнаружив на пороге мёртвую проститутку.

Проститутку, найденную мёртвой в пятницу вечером (на самом деле в 4:12 утра субботы, но на улицах было темно, и на улицах - ночь, и хотя отчёт окружного прокурора был датирован 16 сентября, Леопольд мысленно считал что это 15 сентября), нашли не совсем на пороге его

дома. Но всё же достаточно близко к нему: дом участка «Южный Мидтаун» находился на Джефферсон и Перди, в трёх кварталах от того места, где Клара Джин Хокинс осталась истекать кровью на тротуаре со смертельной пулей, пробившей тоннель в её груди и сердце, ещё одной - в гортани, и ещё одной - в лице, чуть правее носа. Леопольд принял вызов в 4:15 утра, через три минуты после того, как один из граждан позвонил по номеру службы спасения 911 и сообщил, что на тротуаре кто-то истекает кровью. Когда он прибыл на место происшествия, Форбс и Фелпс из убойного отдела уже стояли там под дождём и сутились. За все годы работы Леопольда в 11-м участке он ни разу не занимался убийствами. А ведь он проработал там двадцать два года. Он совершил ошибку, упомянув об этом Фелпсу или Форбсу - он не мог их различить, да и не заботился об этом, - и они тут же причислили его к копам-слабакам из участка шёлковых чулок, что было недалеко от истины, но что выводило его из себя в 4:15 утра в дождливую пятницу/субботу, когда на тротуаре лежала мёртвая чёрная девушка, вся в дырках.

Единственным удостоверением личности в её сумочке была карточка социального страхования с её именем: Клара Джин Хокинс. Ни водительских прав, ни кредитных карт, ни счетов за электричество или телефон, только карточка социального страхования. На месте происшествия Форбс или Фелпс, а может, и оба, предположили, что, возможно, девушка была проституткой - ведь было четыре часа утра и всё такое, - но Леопольд отбросил эту мысль, привыкший к возвышенным преступлениям на территории 11-го участка. Он привычно сделал то, что нужно было сделать, а затем вернулся в офис, чтобы просмотреть городские телефонные справочники. Только в справочнике Айзолы было семьдесят восемь объявлений о Хокинс. Решив позвонить по каждому из них - было уже пять часов десять минут утра, когда большинство добропорядочных граждан спали, - он начал набирать номера и в пять часов двадцать семь минут утра нащупал нужную информацию, когда сонная женщина по имени Дороти Хокинс сказала, что да, она знает Клару Джин Хокинс, Клара Джин была её дочерью.

Теперь, в четверть часа пополудни, через пятьдесят пять часов после того, как Леопольд нашёл мать девушки, он доложил Карелле и Мейеру. «Оказалось, что последние несколько месяцев она не живёт дома», -

сказал он. «Её мать говорит, что она была проституткой и жила в квартире, которой управлял сутенёр по имени Джоуи Пис. Я никогда о нём не слышал, я из 11-го участка.»

«Я тоже никогда о нём не слышал», - сказал Мейер.

«Это только всё подтверждает», - сказал Леопольд и философски мотнул головой.

«Вы пытались получить на него информацию из информационного отдела?», - спросил Карелла.

«Никаких записей. Во всяком случае, не под псевдонимом Пис. Это должно быть псевдоним, вы не находите? Джоуи Пис? Это не может быть его настоящим именем.»

«А в телефонном справочнике не искали?», - спросил Карелла.

«Да, Писа нет. Мать погибшей девушки не знает, кто он такой, она только слышала, как дочь упоминала это имя. Не знает она и о других девушках, трёх других, которые должны были жить в квартире вместе с её дочерью и этим Писом. Так что же мне делать дальше? У меня есть определённое заключение на девушку, и я знаю, чем она зарабатывала на жизнь - по словам её матери, во всяком случае. Но это всё, что я знаю на данный момент, и всё, что я, скорее всего, узнаю, если только ваше дело не прольёт свет на моё.»

«Есть несколько вариантов, которые мы должны проверить в первую очередь», - сказал Карелла.

«Например?», - спросил Леопольд.

«Что ж», - сказал Карелла, - «думаю, нам стоит заглянуть в различные отели в районе Южного Мидтауна, выяснить, не узнает ли кто-нибудь имя девушки или её фотографию, и попытаться таким образом выйти на её сутенера. При обычных обстоятельствах мы бы не добились никакого сотрудничества. Но это убийство, поэтому возможно, они захотят рассказать нам всё, что знают. Далее, я думаю, нам стоит проверить массажные салоны. Вопросы те же - знаете ли вы кого-нибудь по имени Клара Джин Хокинс? Знаете ли вы кого-нибудь по имени Джоуи Пис? - Скажите им прямо, что девушка мертва, и мы пытаемся найти её убийцу, намекните, что это может быть какой-

нибудь психованный клиент-сексоголик, немного напугайте их. Далее, не помешает поболтать с кем-нибудь из действующих сутенёров в Южном Мидтауне, уверен, в вашем офисе есть на них досье - удивлён, что у вас нет хотя бы данных из картотеки на этого Джоуи Писа. В любом случае, давайте выясним, кто работает на территории участка, и поболтаем с ними, без угроз ареста, ничего такого, просто мило побеседуем на обочине, всё, что мы хотим знать, - кто такая Клара Джин Хокинс и кто такой этот парень Джоуи Пис. Возможно, мы найдём компромат, кто знает? Ну, как? Сначала отели и массажные салоны, а потом и сами сутенёры. А пока мы разошлём листовку о Джоуи Писе, просто информационный запрос во все участки. Возможно, в каком-то из них найдётся что-нибудь на него в их досье. Я очень рад, что вы позвонили, Леопольд. А то мы уже почти зашли в тупик.»

«Да», - сказал Леопольд. На его лице появилось ошеломлённое выражение. Он не был уверен, что так уж рад своему звонку.

Копы не любят ничего больше, чем постоянство, даже если для его обеспечения требуется пара трупов. До того, как Алекс Леопольд поднял свою озадаченную голову, Карелла и Мейер искали связь между мёртвым Джорджем Чеддертоном и его пропавшим братом Санто. Теперь же, благодаря нескольким пулям 38-го калибра от «Смита и Вессона», они искали связь между мёртвым певцом калипсо и мёртвой проституткой, оба чернокожие, оба из Даймондбэка, оба, возможно, убиты из одного и того же оружия. Теперь, когда предварительная связь была установлена, Карелла попросил баллистиков сравнить пули, которыми была убита Клара Джин Хокинс, с пулями, которыми был убит Джордж Чеддертон, чтобы точно определить, использовалось ли в обоих убийствах одно и то же оружие. Он попросил поторопиться со сравнительными тестами, и Гомбс пообещал, что свяжется с ним к четырём часам пополудни, сказав, что обычно он взялся бы за работу раньше, но только что был достигнут, казалось бы, прорыв в деле снайпера, которое уже несколько месяцев не давало покоя 36-му полицейскому участку, и он должен сначала заняться этим. Он перезвонил в десять минут пятого и сообщил, что в обоих убийствах совершенно точно использовался один и тот же пистолет, скорее всего, «Смит и Вессон» 38-го калибра, либо «Regulation», либо «Terrier». Он спросил Кареллу, может ли он ещё чем-нибудь помочь ему в данный момент. Карелла ответил отрицательно, поблагодарил его, а затем повесил трубку и несколько мгновений сидел, уставившись на телефон.

К тому времени он уже провёл большую часть дня с Леопольдом и Мейером, выполняя всю ту работу, которую ранее предлагал. Вместе они обошли все значные места Южного Мидтауна - гостиницы и массажные салоны, поговорили с большинством сутенёров из досье участка, но так и не смогли выйти на Джоуи Писа. Вдохнув, Карелла снова снял трубку и позвонил сначала Дэнни Гимпу, а затем Фэтсу Доннеру, высоко ценимым полицейским информаторам, чтобы спросить, не знают ли они проститутку по имени Клара Джин Хокинс или сутенёра по имени Джоуи Пис. Фэтс Доннер, который был более сексуально ориентирован, чем Дэнни Гимп, рассмеялся, услышав имя

сутенёра, а затем спросил, пишется ли оно П-И-С, что, по его мнению, было бы необычайно хорошим именем для сутенёра. Тем не менее он никогда не слышал о джентльмене, который называл бы себя подобным образом. Дэнни Гимп тоже не слышал. Оба мужчины пообещали пойти на улицы, но каждый выразил сомнение, что ему удастся что-нибудь придумать. «Очень часто», - говорил Фэтс в своей самой развязно-маслянистой, бледно-пузырной манере, - «сутенёр использует прозвище, известное только девушкам из его собственной конюшни. Это защита от других сутенёров, не говоря уже о законе.» Карелла поблагодарил его за бесценную информацию о самой древней профессии в мире, а затем повесил трубку.

Он был раздражителен и вспыльчив. Согласно календарю встреч Джорджа Чеддертона, певец виделся с Кларой Джин Хокинс в общей сложности четыре раза до убийства их обоих, и ещё одна встреча с ней была запланирована на следующий день после убийств. В первых двух записях календаря она называлась «Хокинс», а в остальных трёх - «Си Джей». Не исключено, что эти андрогинные (*человек, не подходящий под определение ни маскулинной, ни фемининной гендерной роли – примечание переводчика*) пометки, учитывая род занятий дамы, были призваны сбить с толку Хлою Чеддертон. Но если певец пользовался профессиональными услугами мёртвой девушки, зачем ему было вообще рисковать, указывая в списке свои встречи с ней? Если бы их отношения носили чисто сексуальный характер, разве он, ради всего святого, стал бы излагать их в письменном виде? Нахмурившись, Карелла подошёл к тому месту, где Мейер набирал отчёт о визите к миссис Харгроув.

«Думаю, нам пора провести совещание по этому проклятому делу», - сказал он.

В самом деле, пора было надеть старые шапочки для размышлений, пора стать дедуктивными детективами, пора стать рассуждающими сыщиками, пора заглянуть в старый хрустальный шар и разобраться в этом деле. Поэтому они собрались вместе в рамках старого как мир полицейского ритуала, надеясь размять дело - подбросить идеи и предположения, отбросить одни теории, развить другие. В этой игре участвовали Карелла и Мейер, детективы, официально занимавшиеся

делом Чеддертона; лейтенант Питер Бирнс, который командовал отрядом и имел полное право знать, чем занимаются его подчинённые; детектив Коттон Хоуз, чьё пуританское воспитание часто помогало вернуть к суровой бостонской реальности любую теорию, отклонявшуюся слишком далеко от северного магнитного полюса; и детектив Берт Клинг, чья мальчишеская внешность скрывала ум, невинный, как задница младенца.

«Он, должно быть, новичок на этой работе», - сказал Мейер.

«Пока никаких арестов», - сказал Карелла.

«Вот почему на него ничего нет в информационном отделе», - сказал Клинг.

«Или в различных досье по всему городу», - сказал Карелла.

«И именно поэтому у него в хлеву всего четыре тёлки», - сказал Хоуз, совершенно не понимая, что перепутал метафору. Он сидел на краю стола Мейера, и мокрые от дождя стёкла прочерчивали по его лицу узор, придавая ему несколько пугающий вид. Его вид усиливал тот факт, что через рыжие волосы, чуть выше левого виска, проходила белая полоса - память о нападении с ножом начальника строительного управления в те времена, когда Хоуз был еще неофитом-полицейским, не смешивающим метафоры.

«В телефонной книге ничего нет, да?», - спросил Клинг.

«Ничего.»

«Ладно», - сказал Бирнс несколько грубовато, - «пока что вы ведёте дело Леопольда блестяще. Вы отслеживаете сутенёра, на которого работала девушка, - замечательно, когда-нибудь вы его найдёте, и, возможно, узнаете, что ему не понравилось, как она делает маникюр или причёсывается, так что, возможно, он всадил в неё пару пуль 38-го калибра в прошлую пятницу вечером, - отлично. Если вы окажетесь правы, то раскроете дело Леопольда, и он получит повышение до детектива первого класса, отлично. А пока, что вы делаете, чтобы найти убийцу Чеддертона?»

Бирнс произнёс эту несколько пространную (для Бирнса) речь тоном, полностью лишённым сарказма. В его голубых глазах не было ни

малейшего следа злобного веселья, рот не выдавал ни ухмылки, ни оскала, слова были мягкими, как весенний ветерок, тёплый бриз которых все детективы, собравшиеся за столом Мейера, предпочли бы пронизывающему дождю за стенами отдела. Но все они хорошо знали Бирнса, за годы работы привыкли к его ровной манере изложения и бесстрастному виду, к седым волосам железного оттенка и голубым глазам, следящим за вами, как трассирующие пули в ночи. Они слышали, как каждое слово падает на крышку стола Мейера, на зелёный линолеум вокруг стола, как большой щенок мочится на бумагу под кухонной раковиной.

«Ну, вот что мы думали...», - сказал Карелла.

«И что же вы подумали?», - спросил Бирнс, опять же без сарказма, но почему-то его слова всё время омрачали ситуацию.

«Мы подумали, что есть связь между девушкой и сутенёром...»

«Ага?»

«Это... э-э... Чеддертон написал песню о проститутке.»

«Написал, да?», - сказал Бирнс.

«Да, сэр», - сказал Карелла. «В которой он увещевает её...»

«Увещевает?», - сказал Бирнс.

«Да, сэр. Увещевает, верно?», - спросил Карелла у Хоуза.

«Конечно, увещевает.»

«Увещевает, чтобы она перестала быть шлюхой, понимаешь?»

«Угу», - сказал Бирнс.

«Так что мы думали...», - сказал Мейер.

«Мы подумали», - сказал Карелла, - «что если этот Джоуи Пис - тот, кто убил девушку, то, поскольку это тот же самый пистолет и всё такое, поскольку баллистики установили, что это тот же самый пистолет, то, возможно, он убил Джорджа Чеддертона, потому что Чеддертон пытался убедить девушку завязать с жизнью шлюхи и всё такое».

«Где это написано?», - спросил Бирнс.

«Что написано?»

«Что Чеддертон пытался убедить девушку Хокинс уйти от сутенёра.»

«Это всего лишь предположение», - сказал Карелла.

«Ах», - сказал Бирнс.

«Но он написал песню о проститутке», - сказал Хоуз.

«Где сказано, что песня посвящена именно этой проститутке?», - сказал Бирнс.

«Ну... Я не знаю», - сказал Хоуз. «Стив, дело в этой конкретной проститутке?»

«По мнению Хардинга, нет.»

«Кто такой Хардинг?», - спросил Клинг.

«Бизнес-менеджер Чеддертона. Он говорит, что песни Чеддертона не были посвящены кому-то конкретному.»

«Значит, он писал не о девушке Хокинс», - сказал Бирнс.

«Ну, я... думаю, нет», - сказал Карелла.

«Тогда где же связь?»

«Пока не знаю. Но, Пит, они были убиты из одного и того же чёртова пистолета. А это уже достаточная связь, не так ли?»

«И будет очень здорово, если, найдя этого Джоуи Писа, вы обнаружите и «Смит и Вессон» 38-го калибра «Police Special»...»

«Нет, либо «Regulation» либо «Terrier»», - сказал Карелла.

«Неважно», - сказал Бирнс. «Будет очень здорово, если вы найдёте оружие убийства в его носках или трусах, и будет очень здорово, если он признается, что убил девушку, а заодно и Чеддертона, потому что Чеддертон написал песню о ком-то, кто мог быть девушкой Хокинс. Так что да, будет очень здорово, если Джоуи Пис - ваш человек. Но, джентльмены, после долгих лет работы в этом паршивом бизнесе я могу сказать вам, что ничего и никогда не бывает так просто, как

кажется, и никогда не будет. И если в эту самую проклятую минуту дождь перестанет идти, я, чёрт возьми, буду очень удивлён.»

Дождь не прекращался с той самой проклятой минуты.

Единственное, что закончилось в ту минуту, - это совещание. Хоуз и Клинг отправились домой, Бирнс вернулся в свой кабинет, а Мейер вернулся за свой стол, чтобы закончить печатать отчёт. Карелла позвонил в Южный Мидтаун и попросил соединить его с детективом Леопольдом, намереваясь доложить ему о положительном заключении баллистиков. Детектив по имени Питер Шерман сообщил ему, что Леопольд уехал на весь день. Карелла повесил трубку, проверил в списке личных телефонов имя «Паласиос, Франциско» и набрал номер.

Франциско Паласиос владел и управлял магазином, где продавались лекарственные травы, книги снов, религиозные статуэтки, книги чисел, карты Таро и тому подобное. Гаучо Паласиос и Ковбой Паласиос держал другой магазин позади этого, и там продавались такие одобренные медициной «супружеские принадлежности», как фаллоимитаторы, французские щекоталки, трусики с открытой промежностью, вибраторы (восьми- и десятидюймовые), кожаные маски палача, пояса целомудрия, плети с кожаными ремешками и вагинальные шарики из пластика и позолоченных пластин. Продажа этих товаров не была незаконной в этом городе; Гаучо и Ковбой не нарушали никаких законов, но они не поэтому держали свой магазин позади магазина, принадлежащего и управляемого Франциско. Вообще они делали это из чувства ответственности перед пуэрто-риканской общиной. Например, они не хотели, чтобы в их магазин забрела старушка в чёрной шали и упала в обморок при виде игральных карт с изображением мужчин, женщин, полицейских собак и лилипутов в пятидесяти двух брачных позициях - пятидесяти четырёх, если считать джокеров. И Гаучо, и Ковбой гордились своей общиной, не уступая самому Франциско. Франциско, Гаучо и Ковбой, по сути, были одним и тем же человеком, а все вместе - полицейским информатором.

«Паласиос», - сказал голос.

«Ковбой, это Стив Карелла, мне нужна помощь.»

«Назови его», - сказал Гаучо.

«Я ищу сутенёра по имени Джоуи Пис. Слышал о нём когда-нибудь?»

«Ни разу. Он отсюда, из el infierno (*ад по-испански – примечание переводчика*)?»

«Не знаю о нём ничего, кроме имени. Предполагается, что в его конюшне было четыре проститутки, одна из которых была убита в прошлую пятницу вечером.»

«Как её звали?»

«Клара Джин Хокинс.»

«Белая? Чёрная?»

«Чёрная.»

«Хорошо, сейчас я всё проверю. Ты будешь завтра на месте?»

«Я буду здесь», - сказал Карелла.

«Я позвоню тебе.»

«Спасибо», - сказал Карелла и повесил трубку. Дождь всё ещё шёл. Он подошел к Мейеру, который деловито печатал на машинке за своим столом, и сказал ему, что направляется в Даймондбэк, чтобы поговорить с матерью погибшей девушки - не хочет ли Мейер пойти с ним? Учитывая тон голоса Кареллы, Мейер решил, что лучше всего будет принять приглашение любезно.

Дороти Хокинс была чернокожей, но со светлым оттенком кожи, женщиной лет пятидесяти, как догадался Карелла, её тело было скорее худощавым, чем стройным, а лицо - скорее исхудалым, чем точёным; даже Мейер с его новообретённым романическим складом ума мог бы подобрать эти более жесткие прилагательные для определения женщины, которая открыла им дверь и впустила в свою квартиру на Петтит-лейн. Время было 6:30 вечера. Миссис Хокинс объяснила, что только что вернулась с работы. Она занималась сборкой транзисторных радиоприёмников на фабрике в Беттауне. На кухонном столе перед ней стоял стакан с виски; она объяснила, что это бурбон, и спросила детективов, не желают ли они выпить.

«Снимете холод после этой дождливой погоды», - сказала она.

Когда детективы отказались, она выпила виски одним глотком, а затем подошла к шкафу, достала наполовину полную бутылку и налила себе ещё порцию. Детективы сидели напротив неё за кухонным столом. Настенные часы отбивали минуты. В квартире не было запахов готовящейся пищи; Карелла подумал, не собирается ли миссис Хокинс употреблять спиртное вместо ужина. Снаружи неоновая реклама подкрашивала косой дождь, превращая струйки на оконном стекле в гнёзда потревоженных зелёных змей.

«Миссис Хокинс», - сказал Карелла, - «мы с моим партнёром расследуем дело, которое, как нам кажется, связано со смертью вашей дочери, и мы хотели бы задать вам несколько вопросов по этому поводу. Если вы сочтёте нужным ответить на них, мы будем очень признательны.»

«Да, всё, что угодно», - сказала она.

«Во-первых», - сказал он, - «вы знаете кого-нибудь по имени Джордж Чеддертон?»

«Нет», - сказала она.

«У нас есть основания полагать, что он знал вашу дочь. Она когда-нибудь упоминала о нём в вашем присутствии?»

«Не помню, чтобы я слышала его имя, нет.»

«Или Санто Чеддертон, возможно?», - спросил Мейер.

«И его тоже», - сказала миссис Хокинс.

«Мэм», - сказал Карелла, - «вы сказали детективу Леопольду, что ваша дочь была проституткой...»

«Да, это правда.»

«Откуда вы это знаете?»

«Клара Джин сказала мне.»

«Когда она вам это сказала?»

«Две-три недели назад.»

«До этого момента вы не знали, что она...»

«У меня было подозрение, но я не была уверена. Она говорила мне, что работает по ночам в каком-то отеле в центре города. Делала какую-то работу клерка в центре города.»

«Она упоминала какой-нибудь отель по названию?», - сразу же спросил Карелла.

«Да, но сейчас я об этом забыла.»

«Где в центре города?»

«Я не помню. Я не слишком хорошо знаю другие районы города, кроме Даймондбэка.»

«Когда она перестала здесь жить, миссис Хокинс?», - спросил Мейер.

«О, должно быть не меньше шести месяцев. Сказала, что ей нужно жить поближе к работе, к отелю, где она работала по ночам. Сказала, что опасно ездить на метро в центр города после работы, в три-четыре часа утра. Я с пониманием отнеслась к этому, мне это казалось разумным.»

«И вы ничего не заподозрили в тот момент?»

«Нет, она всегда была хорошей девочкой, с ней никогда не было проблем. Она никогда не шаталась по уличным бандам, как некоторые другие девочки в этом районе, никогда не баловалась наркотиками. Она была хорошей девочкой, Клара Джин.»

«Вы уверены, что она не принимала наркотики, не так ли?», - сказал Мейер.

«Определённо. Спросите доктора, который делал вскрытие. Спросите его, нашёл ли он наркотики внутри моей маленькой девочки, нашёл ли он какие-нибудь следы на её руках или ногах, просто спросите его. Я следила за ней как ястреб, осматривала её руки и ноги каждый день, когда она приходила из школы, каждый вечер, когда она возвращалась со свидания. Если бы я обнаружила хоть малейший след, я бы проломила ей голову.»

«Где она училась, миссис Хокинс?»

«Прямо здесь, в Даймондбэке. Школа Эдварда Виктора.»

«Она закончила школу?»

«В январе прошлого года.»

«И что дальше?»

«Она взяла отпуск на месяц, сказала, что хочет немного отдохнуть, прежде чем начать искать работу. В марте она устроилась официанткой здесь, в Даймондбэке, но много денег на этом не заработала, так что в апреле, должно быть, ушла оттуда и устроилась клерком в отель в центре города - по крайней мере, так она мне сказала. Переехала отсюда в мае. Сколько это месяцев?»

«Пять, мэм.»

«Я думала, шесть. Я ведь говорила вам шесть, не так ли?»

«Да, мэм.»

«Ну, значит, теперь пять.» Она покачала головой. «Казалось, что дольше.»

«Где она работала официанткой?», - спросил Мейер.

«Уголок Карибу», здесь, в Даймондбэке. Это стейк-заведение, не знаю, почему они дали ему такое ужасное название. Карибу (*северный олень* – **примечание переводчика**) - это кажется вроде большого лося или что-то вроде того, не так ли?»

«Думаю, да», - сказал Мейер.

«От таких названий не хочется есть стейки, это я вам точно говорю.»

«Уголок Карибу», - сказал Карелла. «Си Си (Caribou Corner – **примечание переводчика**).»

«Извините?», - сказала миссис Хокинс.

«Точно, вот что это значило», - сказал Мейер. «Клара Джин в «Уголке Карибу».»

«Миссис Хокинс», - сказал Карелла, - «вы уверены, что ваша дочь никогда не упоминала никого по имени Джордж Чеддертон?»

«Я уверена.»

«Когда она переезжала, она забрала с собой всё, что у неё было? Все свои личные вещи? Дневники, записные книжки...»

«Она не вела дневник. Но все остальные вещи она забрала с собой, да. Вы имеете в виду, где она хранила все свои номера телефонов?»

«Да.»

«Забрала их с собой.»

«Она оставила здесь что-нибудь своё?»

«Ну, несколько ночных рубашек и несколько бюстгалтеров и трусиков, вроде этого. На случай, если она приедет на день и ей понадобится что-то для сна или смена белья, они будут кстати.»

«Она часто сюда приходила?»

«Время от времени.»

«Когда вы в последний раз видели её живой?»

«В четверг.»

«Она была здесь в прошлый четверг?»

«Ну, последние два месяца она приходила домой каждый четверг.»

«Почему?»

«Наверное, чтобы увидеть маму», - сказала миссис Хокинс и вдруг избежала взгляда Кареллы.

«Угу», - сказал он. «Это что-то новенькое, да? Визиты по четвергам?»

«Ну, последние пару месяцев.»

«Вы говорите, что она съехала в мае...»

«Да, в мае.»

«А это сентябрь.»

«Именно так.»

«Значит, если она начала навещать вас по четвергам пару месяцев назад...»

«Точно, по четвергам.»

«Это значит, что она начала навещать вас в июле, верно?»

«Думаю, да», - сказала миссис Хокинс.

«Приходила ли она к вам вообще в мае и июне?»

«Нет, тогда она просто переехала.»

«Но в июле она стала приходить сюда каждый четверг.»

«Да», - сказала миссис Хокинс. Её глаза по-прежнему не встречались с его глазами. Она внезапно поднялась, подошла к шкафу, достала бутылку бурбона и налила себе ещё рюмку. Она сразу же осушила стакан и снова налила полный. Детективы молча наблюдали за ней.

«Миссис Хокинс», - сказал Карелла, - «вы не знаете, почему ваша дочь вдруг стала приходить сюда каждый четверг?»

«Я же говорила вам. Увидеть свою маму», - сказала миссис Хокинс и снова подняла рюмку.

«Во сколько она обычно приходила?»

«Ох, примерно поутру.»

«В котором часу утром?»

«Ох, где-то до полудня. Я, видите ли, на работе, но обычно я звонила в обеденный перерыв, и она уже была здесь.»

«Спала?»

«Что?»

«Когда вы позвонили, она уже спала?»

«Нет, нет, она не спала.»

«Она когда-нибудь упоминала, что работала накануне?»

«Ну, я никогда её не спрашивала. Когда она только начала приходить, я думала, что она работает в отеле, понимаете. В среду вечером она получала зарплату, сказала она мне, а в четверг приезжала в город к маме.»

«Со своей зарплатой?»

«Ну, это были наличные.»

«Сколько наличных?»

«Ну... двести долларов по четвергам.»

«И вы никогда не подозревали, что эти деньги могут быть получены от проституции?»

«Нет, никогда. Клара Джин была хорошей девочкой.»

«Но в конце концов она рассказала вам.»

«Да.»

«Всего две или три недели назад.»

«Да.»

«Что она вам сказала?»

«Что она сама занималась проституцией, а мужчина, который заботился о ней и трёх других девушках, был некто Джоуи Пис.»

«Призналась вам во всём этом, да?»

«Да.»

«Как же так?»

«В тот день мы были близки. Я заболела и не пошла на работу, а когда ко мне пришла Клара Джин, она приготовила мне суп, и мы сидели в спальне и вместе смотрели телевизор. Перед тем как она ушла в...», - прервала себя Миссис Хокинс.

«Да?», - сказал Карелла.

«В бакалею», - сказала миссис Хокинс. «Она рассказала мне, чем занималась последние месяцы - проституцией, знаете ли.»

«Она что-нибудь говорила о двухстах долларах каждую неделю?»

«Ну, нет, не говорила.»

«Она не упоминала, например, что это могут быть деньги, которые она скрывала от Джоуи Писа?»

«Нет, она никогда ничего не говорила об этом.»

«Потому что вы знаете, наверное, что большинство сутенёров требуют весь заработок девушки», - сказал Карелла.

«Я догадываюсь.»

«И всё же ваша дочь каждый четверг приходила с двумя сотнями долларов наличными.»

«Да. Ну, да, она так и делала», - сказала миссис Хокинс и снова подняла стакан.

«Она оставила эти деньги вам, миссис Хокинс?»

«Нет», - сказала миссис Хокинс и поспешно проглотила оставшийся в стакане бурбон.

«Она забирала их с собой, когда уходила?»

«Ну, я... Я просто никогда не спрашивала её, что она с ним сделала.»

«Тогда как вы узнали, что они были у неё каждую неделю?»

«Однажды она показала их мне.»

«Показала вам двести долларов наличными?»

«Верно, да.»

«Только один раз?»

«Ну... Думаю, не один раз.»

«Сколько раз, миссис Хокинс?»

«Ну, я думаю... Думаю, столько, сколько раз она приходила сюда.»

«Каждый раз? Каждый четверг?»

«Да.»

«Каждый четверг показывала вам двести долларов наличными?»

«Да.»

«Почему?»

«Я... я не понимаю, что вы имеете в виду.»

«Почему она показывала вам двести долларов наличными каждый четверг?»

«Ну, она не очень-то и показывала.»

«Тогда что она делала?»

«Просто сказала, что они у неё есть, вот и всё.»

«Почему?»

«Чтобы я знала, что... чтобы я... чтобы в случае, если с ней что-нибудь случится...»

«Она думала, что с ней что-то случится?», - сразу же спросил Мейер.

«Нет, нет.»

«Тогда почему она хотела, чтобы вы знали о деньгах?»

«Ну, на всякий случай, вот и всё», - сказала миссис Хокинс и снова потянулась за бутылкой бурбона.

«Подождите минутку с бурбоном», - сказал Карелла. «Что делала ваша дочь с этими двумя сотнями баксов в неделю?»

«Я не знаю», - сказала миссис Хокинс и пожала плечами.

«Она прятала их здесь от своего сутенёра?», - спросил Мейер.

«Нет», - сказала миссис Хокинс и покачала головой.

«Тогда где она их хранила?», - спросил Карелла.

Миссис Хокинс не ответила.

«Если не здесь, то где?», - сказал Мейер.

«В банке?», - сказал Карелла.

«В каком банке?», - сказал Мейер.

«Где?», - сказал Карелла.

«Да, в банке», - сказала миссис Хокинс.

«Каком?»

«Государственный национальный. На Калвер и Хьюз.»

«Сберегательный счёт?», - спросил Карелла.

«Да.»

«А где книжка?»

«Не знаю. Клара Джин хранила её в своём кармане, она всегда была у неё в кармане, когда она приезжала сюда.»

«Нет, она не держала её в кармане», - сказал Мейер. «В ту ночь, когда её убили, книжки в кармане не было.»

«Тогда, возможно, в той квартире, где она жила с другими девушками.»

«Нет, если бы она прятала деньги от своего сутенёра, то не стала бы хранить книжку в той квартире.»

«Так где же она, миссис Хокинс?»

«Ну, я просто понятия не имею.»

«Миссис Хокинс, она здесь? Книжка находится здесь, в этой квартире?»

«Насколько мне известно, нет. Разве что Клара Джин оставила её здесь, не сказав мне об этом.»

«Миссис Хокинс», - сказал Карелла, - «я думаю, она здесь, в этой квартире, и я думаю, вы знаете, что она здесь, я думаю, вы точно знаете, где она, и я думаю, вы должны пойти и взять её для нас, потому что это может...»

«Почему?», - неожиданно сердито сказала миссис Хокинс. «Чтобы вы могли пойти в банк и забрать все деньги?»

«Как мы можем такое сделать?», - спросил Карелла.

«Если бы у вас была книжка, вы могли бы снять все деньги.»

«Это то, что вы планируете сделать?», - спросил Мейер.

«То, что я планирую делать, - это моё дело, а не ваше. Я знаю полицию, не думайте, что я её не знаю. И пожарных тоже. В этом районе их не зря называют «сорок разбойников» (*из названия арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников»*, также наименование ряда преступных сообществ и коррумпированных политиков, действовавших в разное время в Нью-Йорке – **примечание переводчика**). У меня однажды был пожар в квартире на Сент-Себастьян, они украли всё, что не было прибито к полу. Так что не надо мне рассказывать про полицию и пожарных. Вы сделали вскрытие, не посоветовавшись со мной, не так ли? Её собственная мать, никто, кроме неё, не считал правильным резать её таким образом.»

«Вскрытие обязательно при убийстве», - сказал Карелла.

«Меня никто не спрашивал, всё ли в порядке», - сказала миссис Хокинс.

«Мэм, они пытались...»

«Я знаю, что они пытались сделать, не думаете же вы, что я не разбираюсь? Но они сделали что должны. Если бы я была белой женщиной, живущей на Холл-авеню, они бы вмиг меня прикончили. И вы думаете, я сдам банковский счёт, на котором лежит двадцать шесть сотен долларов? Чтобы кто-то снял все деньги, и больше я об этих деньгах не видела и не слышала? Я знаю полицию, не думайте, что я не знаю, как вы работаете, все вы. Мне нужно полгода, чтобы заработать такие деньги после уплаты налогов.»

«Миссис Хокинс», - сказал Мейер, - «эта книжка для нас ничего не стоит. И, возможно, для вас тоже.»

«Эта книжка стоит двадцать шесть сотен долларов.»

«Только если это совместный счёт», - сказал Мейер.

«Или доверительный счёт» - сказал Карелла.

«Я не знаю, что это значит.»

«Чьё имя указано на книжке?», - спросил Карелла.

«Клары Джин.»

«Тогда, мэм, банк просто не примет во внимание никакую подпись, кроме её, без завещательных или распорядительных писем.»

«Клара Джин умерла», - сказала миссис Хокинс. «Она больше не сможет подписать своё имя.»

«Это правда. Это значит, что банк будет держать эти деньги до тех пор, пока суд не решит, что с ними делать.»

«Что с ними делать? В семье были только я и Клара Джин, я - все, кто остался, они отдадут деньги мне, вот что.»

«Уверен, что так и будет. А пока никто не может к ним прикасаться, миссис Хокинс. Ни вы, ни мы, никто.» Карелла сделал паузу. «Можно нам взглянуть на книжку? Нам нужен только номер счёта.»

«Зачем? Чтобы заставить банк перечислить вам деньги?»

«Миссис Хокинс, вы, конечно, можете не верить, что какой-либо банк в этом городе выдаст деньги на личном сберегательном счёте...»

«Я уже не знаю, чему верить», - сказала миссис Хокинс и вдруг разрыдалась.

«Где книжка?», - спросил Карелла.

«В... вазе над телевизором в моей спальне. Она в вазе. Я подумала, что никто не станет искать в вазе», - сказала она, вытирая глаза, и вдруг посмотрела через кухонный стол на Кареллу. «Не крадите деньги», - сказала она. «Если у вас есть способ украсть их у меня, пожалуйста, не делайте этого. На этом счету кровь моей дочери. На эти деньги мы собирались выкупить её из борделя.»

«Что вы имеете в виду?», - сказал Карелла.

«Альбом», - сказала миссис Хокинс. «На эти деньги собирались издать альбом.»

«Какой альбом?», - сказал Мейер.

«Идея альбома, которая у неё возникла.»

«Да, какого альбома?»

«Обо всём, что она пережила в жизни.»

«В жизни», - сказал Карелла и посмотрел на Мейера. «Вот оно. Вот и связь. Кто собирался записывать этот альбом, миссис Хокинс? Она говорила?»

«Нет, она только сказала, что ей нужно три тысячи долларов на это. Сказала, что разбогатеет на этом, заберёт нас обоих из Даймондбэка и, возможно, переедет в Калифорнию. Так что... пожалуйста, не крадите у меня эти деньги. Если... если суд должен решать, как вы говорите, то пусть решает. Я думала о том, чтобы уехать на запад, как хотела Клара Джин, но если вы украдёте у меня эти деньги...»

И вдруг она снова разрыдалась.

Они не взяли книжку, когда покидали квартиру Дороти Хокинс, потому что, честно говоря, не были уверены в своём праве это сделать, и им не хотелось, чтобы впоследствии возникли проблемы с присвоением, особенно в этом месяце, когда четырнадцать полицейских в 21-м полицейском участке в Маджесте были арестованы за продажу наркотиков, ранее присвоенных у разных арестованных наркоманов и толкачей. Карелла и Мейер были слишком опытны, чтобы искать неприятностей, тем более, когда они знали, что всё, что им нужно, - это номер расчётной книжки и судебное постановление, требующее от банка выдать им дубликат выписки по счёту со дня первоначального вклада по настоящему времени.

Рано утром во вторник, под проливным дождём, который заставлял всех городских синоптиков шутить о ковчегах, они поехали в центр города на Хай-стрит, запросили и получили постановление муниципального судьи. В десять минут одиннадцатого утра того же вторника, 19 сентября, управляющий Государственного национального банка на углу Калвер-авеню и Хьюз-стрит в Даймондбеке прочитал приказ и тут же попросил своего секретаря подготовить дубликат выписки для «этих джентльменов из полицейского управления». Карелла и Мейер почувствовали себя польщёнными. Ксерокопия была сделана в считанные минуты; они вышли из банка ровно в 11:01 и сели в машину Кареллы, где вместе просмотрели цифры. День был не только сырым, но и не по сезону холодным. Двигатель работал, печка была включена, лобовое стекло запотело, пока мужчины читали выписку.

Клара Джин Хокинс открыла счёт 22 июня, положив на него двести долларов. С тех пор было двенадцать регулярных еженедельных вкладов по двести долларов, вплоть до последнего, сделанного 14 сентября, незадолго до её смерти. Всего тринадцать вкладов, на которых хранилось двадцать шесть сотен долларов. Если взглянуть на карманный календарь Кареллы, то все вклады были сделаны по четвергам, что подтверждало слова миссис Хокинс о том, что её дочь каждую неделю навещала её в этот день. Это было всё, что они узнали о сберегательном счёте Клары Джин Хокинс.

Казалось, что это чертовски долгий путь, проделанный за совсем небольшие деньги.

Подобно тому, как Мейер считал, что «Плеяда маргариток» было бы великолепным названием для романа о человеке, которому, например, вонзают в сердце стебель замороженной маргаритки, после чего орудие убийства плавится на восьмидесятиградусной жаре (*приблизительно 26,7 °C – примечание переводчика*), если бы только нечто подобное не было сделано в «Дике Трейси» (*главный герой серии комиксов, первая публикация относится к 1931 году – примечание переводчика*), когда Мейер был еще ребёнком, которого гоняли по проклятому району дружелюбные гои (*обозначение неевреев – примечание переводчика*), он теперь считал так же - и был согласен с миссис Хокинс, что «Уголок Карибу» - пожалуй, самое неудачное название для ресторана, особенно где готовят стейки. Пытаясь придумать названия, которые могли бы быть ещё хуже, если бы речь шла о привлечении клиентов в забегаловку, он мог вспомнить только «Волосатого буйвола». Герой романа «Плеяда маргариток» повёл бы свою девушку в стейк-бар под названием «Волосатый буйвол». Там кто-то выстрелит в него из-за фиолетового занавеса. Героя звали Матфей, Иоанн, Пётр, Андрей, Фома, Иуда, Филипп, Варфоломей, Симон или Иаков Старший или Младший, поскольку большинство хороших парней в фантастике были названы в честь двенадцати апостолов, исключение составлял только Иуда Искариот, который - путём подтасовки - оказался плохим парнем, и его уже так или иначе заменили Матфеем. Иногда хороших парней называли в честь Павла или Варнавы, заместителей апостолов. Иногда их называли в честь других библейских героев, например Марка, Луки или Тимофея. Плохих парней обычно звали Фрэнк, Рэнди, Джаг, Билли Бой или Балди. Хороших парней звали Ларри, Юджин, Ричи и Сэмми (но не Сэм). Шлемазлов (*с идиш слово вошло во многие языки, особенно прижилось в американском английском, примерно означает недотёпу – примечание переводчика*) звали Моррис, Ирвинг, Перси, Тоби и - если подумать - Мейер, спасибо, папа.

Человека, владевшего «Уголком Карибу», звали Брюс Фаулз.

Имя Брюс - в художественной литературе и согласно исследованиям Мейера - имело только две коннотации. Брюс был либо педиком, либо

мачо-злодеем с волосатой грудью, противостоящим стереотипу трусишки. Брюс Фаулз в реальной жизни был белым мужчиной лет тридцати, ростом, наверное, пять футов девять дюймов и весом сто шестьдесят фунтов, с волосами песочного цвета, слегка облысевшими на затылке (Мейер сразу это заметил). На нём были синие джинсы и фиолетовая футболка с изображением головы лохматого лося, или лосихи, или ещё кого-нибудь, во всяком случае, с огромной парой рогов, раскинувшихся по грудным и ключичным мышцам и грозящих дико разрастись вокруг горла Брюса Фаулза. Он вышел из кухни ресторана, вытирая руки о полотенце для посуды. Если бы Мейер давал ему имя, он бы назвал его Джеком. Брюс Фаулз выглядел как Джек. Он протянул руку и взял руку Мейера хорошим хватом Джека Фаулза, не обращая внимания на это дерьмо про Брюса.

«Здравствуйте», - сказал он, - «я Брюс Фаулз. Моя официантка сказала, что вы из полиции. Что за нарушение на этот раз?»

«Никаких нарушений, о которых я бы знал», - сказал Мейер, улыбаясь. «Я здесь, чтобы задать несколько вопросов о девушке, которая работала на вас в марте, согласно нашей информации.»

«Это Клара Джин Хокинс?», - спросил Фаулз.

«Значит, вы её помните?»

«Прочитал о ней в газете на днях. Чертовски жаль. Она была милой девушкой.»

«Как долго она здесь работала, мистер Фаулз?»

«Слушайте, мы же не обязаны стоять здесь, правда? Не хотите ли чашечку кофе? Луиза», - позвал он, жестом указывая на официантку, - «принеси нам два кофе, будь добра. Присаживайтесь», - сказал он. «Простите, я не запомнил вашего имени.»

«Детектив Мейер», - сказал Мейер и потянулся в карман за удостоверением.

«Мне не нужно видеть ваш значок», - сказал Фаулз. «Если кто-то и похож на копа, то это вы.»

«Я?», - сказал Мейер. «Правда?» Ему всегда казалось, что он немного похож на страхового агента, особенно с тех пор, как он купил шляпу

профессора Хиггинса. Сейчас шляпа была на его голове, мокрая и бесформенная от дождя на улице. Оба мужчины сидели за столом возле распахнутой двери, ведущей на кухню. Время было без двадцати минут двенадцать - рановато для обеденного перерыва.

«У полицейских характерная внешность», - сказал Фаулз. «У рестораторов, как водится, тоже есть внешность ресторатора. Я твёрдо убежден, что люди либо выбирают профессию по внешнему виду, либо становятся такими, какими выглядят, из-за выбранной профессии. Скажите честно, если бы вы увидели меня на улице, разве вы бы сразу не догадались, что я владелец ресторана? Вы же не станете арестовывать меня, приняв за толкача?»

«Нет, я бы не стал», - сказал Мейер и улыбнулся.

«Точно так же мне не нужно было убеждаться, что вы коп, чтобы распознать вас. Даже если бы Луиза не сказала мне, что за дверью стоит полицейский, я бы понял, кто вы, как только вошёл в эту дверь. Кстати, где кофе? Обслуживание в этом месте просто ужасное», - сказал он, улыбаясь, и снова подал знак официантке. Когда она подошла к столу, он сказал: «Луиза, я знаю, что за кофе придётся идти на другую сторону улицы, но как ты думаешь, мы сможем выпить две чашки до полуночи?»

«Что?», - сказала она.

«Кофе», - сказал Фаулз с бесконечным терпением, - «кофе, который я просил тебя принести. Два кофе, пожалуйста. Детектив Мейер только что вышел из тайфуна, он промок до нитки и хотел бы выпить чашечку кофе. Я бы не очень хотел, но поскольку я здесь якобы босс, думаю, было бы неплохо, если бы мне предложили одну, просто так. Что скажешь, Луиза?»

«Что?», - сказала Луиза.

«Кофе, два кофе», - сказал Фаулз и оттолкнул ее руками. «Луиза будет работать официанткой до самой смерти», - сказал он Мейеру. «Ей будет семьдесят восемь, и она будет слоняться здесь с недоумённым выражением лица, моргая глазами, слегка отвисшей челюстью, с кучей мышц, но без мозгов», - сказал Фаулз и постучал указательным пальцем по виску.

«Как насчёт Клары Джин Хокинс?», - сказал Мейер.

«Кошка другой породы», - сказал Фаулз. «Я знал, что однажды она уйдёт, и не удивился, когда она это сделала.» Официантка - это, как правило, временная работа для большинства девушек. По крайней мере, официантка в таком месте, как это, которое представляет собой нечто среднее между кафетерием, дешёвой закусочной и местной тусовкой. Я думал назвать его «Птомайн Птент», с буквой «П» перед «тент», украсить его как цирковой шатёр, включить в меню такие блюда, как слоновий стейк и тигриная моча. Если кто-то попросит стейк из слона, мы объясним, что он должен быть рассчитан как минимум на двенадцать человек, потому что нам придётся убить целого слона - как вам такое название, «Птомайн Птент»?»

«Мне нравится чуть больше, чем «Уголок Карибу».»

«Ужасно, да? Во мне есть что-то извращённое, я это знаю. Может, дело в том, что я открыл это место на деньги своей жены. Может быть, я хочу, чтобы оно провалилось, как вы думаете, это возможно?»

«Не получается?»

«Нет, чёрт побери, это просто оглушительный успех.» Он взглянул на часы. «Вы пришли рано. Если бы вы пришли в двенадцать тридцать, нам пришлось бы разместить вас в мужском туалете. А ужин - это сумасшедший дом. Послушайте, я не должен хвастаться», - сказал Фаулз и стукнул костяшками пальцев по деревянному столу.

«Расскажите мне побольше о Кларе Джин Хокинс.»

«Начнём с того, что она умна. Это привлекает нас в женщине, не так ли? Мозги?»

«Да, это так», - сказал Мейер.

«Кстати, о гениях, где Луиза?», - сказал Фаулз и, повернувшись к распахнутой двери, прокричал во всю мощь своих лёгких: «Луиза, если ты не принесёшь кофе через три секунды, я арестую тебя за бродяжничество!»

Находящаяся рядом дверь тут же распахнулась. Из кухни вышла Луиза, взволнованная и раскрасневшаяся, с подносом, на котором стояли две чашки кофе. Мейер мог себе представить, как она пытается

обслуживать столы в разгар обеденного или ужинного часа. Он недоумевал, почему Фаулз держит её на работе.

«Спасибо, Луиза», - сказал Фаулз и пододвинул сахарницу ближе к Мейеру. «Сахар?» - спросил он. «Сливки? Спасибо, Луиза, теперь ты можешь вернуться на кухню и грызть ногти, иди, большое спасибо.» Луиза с трудом протиснулась через распахнутую дверь. «Полная идиотка», - сказал Фаулз. «Она моя племянница. Дочь брата моей жены. Тромбеник (*в переводе с идиш, бездельник – примечание переводчика*), вы понимаете идиш? Вы ведь еврей, не так ли?»

«Да», - сказал Мейер.

«Я тоже, моя девичья фамилия Файнштейн, но я сменил её на Фаулз, когда пришёл в шоу-бизнес. Брюс - настоящий, это гениальная идея моей матери, она была влюблена в Брюса Кэбота (*американский киноактёр – примечание переводчика*), когда он играл Магуа в «Последнем из могикан». За двести лет до моего рождения, наверно, но она помнит старика Брюса Кэбота и назвала меня Брюсом Файнштейном, потрясающе, да? Четыре или пять лет назад я немного поработал на телевидении, но так ничего и не добился, решив вместо этого открыть ресторан. В общем, именно тогда я стал Брюсом Фаулзом, когда получил роль доктора Эндрю Мэллоя в сериале «Время и город». Вы, несомненно, знакомы с сериалом «Время и город»? Нет? Вы хотите сказать, что полицейские не проводят время в комнате отдыха за просмотром мыльных опер по телевизору?»

«В дежурной комнате», - сказал Мейер.

«Я думал, в комнате отдыха. Мы сняли эпизод - один эпизод, но съёмки длились полгода, - где несколько полицейских были на карантине в здании участка, у одного из них была чума или ещё какая-то чертовщина, и сценаристы называли комнатой отдыха.»

«Дежурная комната», - сказал Мейер.

«Я верю вам на слово. На чём мы остановились?»

«Мы говорили об умных девушках вроде Клары Джин Хокинс.»

«Точно. Она продержалась здесь дольше, чем я думал. Умная, молодая и к тому же симпатичная. Чистоплотна для этого дерьмового района. Под

этим я подразумеваю отсутствие дури с наркотой. У нас тут в обеденный перерыв столько толкачей, что хватит на весь Стамбул на две недели в августе.»

«Как насчёт сутенёров?», - спросил Мейер.

«Мы получаем свою долю. Это Даймондбэк, знаете ли. Если бы я управлял заведением в центре города, но это не так.»

«Знаете кого-нибудь по имени Джоуи Пис?»

«Нет, кто он?»

«Сутенёр», - колебался Мейер. «Сутенёр Клары Джин Хокинс.»

«Вы шутите», - сказал Фаулз. «Так вот куда она ушла?»

«Да», - сказал Мейер.

«Не могу поверить. Клара Джин? Ни за что на свете. Хокинс? Клара Джин?»

«Хокинс», - сказал Мейер. «Клара Джин.»

«Как, чёрт возьми, она вообще в это вошла?», - сказал Фаулз, качая головой.

«Я надеялся, что вы мне расскажете», - сказал Мейер. «Вы когда-нибудь видели её в плотной беседе с кем-нибудь, с кем можно было бы обсуждать такие карьерные возможности?»

«Нет, никогда. Она была весела и дружелюбна со всеми, но я не видел, чтобы её зазывали сутенёры. Вы же знаете, что они обычно ищут бродяжек, понимаете, о чём я, заблудшие души. У Клары Джин был уверенный вид. Я не могу поверить, что она оказалась такой. Честно, я не могу в это поверить.»

«Вы уверены в том, что она не употребляла наркотики?», - спросил Мейер.

«Почему? Она была под действием, когда умерла?»

«Согласно результатам вскрытия, нет.»

«По моему мнению, тоже нет. На сто процентов чистая.»

«Кто-нибудь из толкачей крутился рядом с ней?»

«Разве бывает по-другому? Если бы сюда пришла монахиня с чётками, они бы сказали ей о бесплатном лечении. Это их бизнес, не так ли? Без наркоманов нет дилеров. Конечно, они заговаривали о хламе...»

«Хламе...?»

«Дерьме», - уточнил Фаулз. «Город дерьма» - но она не купилась, она видела их насквозь. Послушайте, мистер Мейер, она родилась и выросла в этой канализации под названием Даймондбэк. Если девушка доживаает до девятнадцати лет и не беременеет, не подсаживается на крючок, не имеет пагубных привычек - а иногда и всё три сразу - это просто чудо, мать его. Ладно. Клара Джин была сама по себе, не совсем свободной, ну а как, вообще, можно иметь свободу в Даймондбэке? Ей не исполнилось и двадцати одного, и она никогда не станет белой, но у неё была хорошая голова на плечах и чертовски много всего интересного. Так как же она оказалась проституткой, истекающей кровью на тротуаре в четыре часа утра? Разве не так было написано в газете? В четыре утра?»

«Так и было там написано.»

«Я должен был понять это сразу. Что за женщина выходит на улицу одна в четыре утра?»

«Может быть, она была не одна», - сказал Мейер. «Может, тот, кто убил её, был её клиентом. Или даже её сутенёром.»

«Джоуи Пис, так вы сказали, его зовут?»

«Джоуи Пис.»

«Какое имя изменено? Джозеф Пинкус?»

«Это возможно», - сказал Мейер. «Много сутенёров...»

«Я учился в школе с парнем по имени Джозеф Пинкус», - беззаботно сказал Фаулз. «Джоуи Пис, да?» Он покачал головой. «Просто ничего не напоминает. Я просто знаю большинство клиентов, которые приходят сюда, и это имя мне совсем не знакомо.»

«Ладно, давайте на минутку отвлечёмся от этого. Может быть, потом вы что-нибудь вспомните. Вы сказали, что Клара Джин не имела особого отношения к вашим клиентам из мира моды...»

«Просто улыбалась и перебрасывалась парой приятных слов, верно.»

«Здесь когда-нибудь появлялся человек по имени Джордж Чеддертон?»

«Чеддертон, Чеддертон. Нет, я так не думаю. Белый или чёрный?»

«Чёрный.»

«Чеддертон. Имя звучит знакомо, но...»

«Он был певцом калипсо.»

«Был?»

«Был. Его убили в пятницу вечером, примерно за четыре часа до того, как убили Клара Джин, из того же пистолета.»

«Может быть, я читал о нём», - сказал Фаулз. «Не думаю, что я знал его.»

«Он должен был встретиться с Кларой Джин здесь в двенадцать в прошлую субботу. Это было бы шестнадцатое число.»

«Нет, здесь я не курсе.»

«Хорошо, а как насчёт того, когда она здесь работала? У неё были парни? Кто-нибудь заезжал за ней после работы? Кто-нибудь звонил ей по телефону?»

«Нет, насколько я знаю.»

«У вас есть официанты?»

«Только официантки.»

«Стажёры?»

«Четверо.»

«Как насчёт кухни? Есть там мужчины?»

«Да, мои повара и посудомойщики.»

«Была ли она дружна с кем-то из них?»

«Да, она была дружелюбным человеком по натуре.»

«Я имел в виду, встречалась ли она с кем-то из них.»

«Я так не думаю. Я бы заметил нечто подобное, я ведь изо дня в день нахожусь в этом месте, либо на кухне, либо у кассы. Я бы заметил что-то подобное, вы так не думаете?»

«Здесь работает кто-нибудь по имени Джоуи?», - неожиданно спросил Мейер.

«Джоуи? Нет. У меня есть Джонни, который моет посуду, и однажды у меня был официант по имени Жозе - ну, я полагаю, это Джоуи, да?»

«Когда это было?»

«Жозе работал здесь... дайте подумать... где-то весной.»

«Это бы в марте, так?»

«Март, апрель, что-то в этом роде.»

«Когда Клара Джин работала здесь?»

«Ну... да, если подумать.»

«Когда он бросил работу?»

«Ну... примерно в то же время, что и она, собственно говоря.»

«Угу», - сказал Мейер. «Жозе, а дальше?»

«Ла Паз», - сказал Фаулз.

В десяти кварталах от того места, где Мейер Мейер выяснял, что «Пис» - это английский эквивалент испанского слова «Паз», Стив Карелла выяснял, что Амброуз Хардинг - очень испуганный человек. Он пришёл туда только для того, чтобы спросить у бизнес-менеджера Чеддертона, не знает ли он что-нибудь об альбоме, который певец мог обсуждать с Кларой Джин Хокинс. Вместо этого Хардинг сразу же показал Карелле корсаж (*небольшой букет цветов, который носится на платье или на запястье для официального случая* - **примечание переводчика**), который был доставлен всего десятью минутами ранее. В дверь

постучали, и когда Хардинг открыл её, не снимая ночную цепочку, - в холле стояла коробка. Это была не та коробка, в которой обычно упаковывают корсаж. Не белая прямоугольная коробка с зелёной бумагой внутри и именем флориста, отпечатанным на верхней крышке. Совсем не такая коробка.

Присмотревшись, Карелла решил, что она напоминает какую-то подарочную коробку из одного из крупных городских универмагов. Он сразу же узнал коробку, хотя пока не мог точно определить название универмага. Коробка была длиной около пяти дюймов, шириной три дюйма и глубиной четыре дюйма. На ней был изображена геральдическая лилия (*стилизованный рисунок, часто используемый в геральдике или как политический символ – примечание переводчика*), голубая на зелёном фоне. Корсаж в коробке представлял собой розовую орхидею.

«Почему это вас пугает?», - спросил Карелла.

«Прежде всего», - сказал Хардинг, - «кто, чёрт возьми, захочет прислать мне орхидею?»

Он сидел в мягком кресле в собственной гостиной, а за окном хлестал дождь, который, казалось, был готов поднять город на воздух. Время было чуть за полдень, но небо за окном больше походило на пятичасовое небо зимнего дня. Розовая орхидея лежала на журнальном столике перед ним в коробке с голубой на зелёном фоне геральдической лилией. Выглядела она вполне безобидно. Карелла не мог понять, почему она так пугает Хардинга.

«Любой человек может захотеть послать вам цветы», - сказал Карелла. «Ведь вы были ранены, они знали, что вы в больнице...»

«Цветы – да», - сказал Хардинг, - «букет цветов. Но не корсаж. Я мужчина. Зачем кому-то посылать мне корсаж?»

«Ну, может быть... ну, я не знаю», - сказал Карелла. «Может, флорист ошибся.»

«Другое дело», - сказал Хардинг. «Если кто-то потратил все силы на то, чтобы купить мне корсаж - не меньше, чем орхидею, - как получилось, что его доставил кто-то, исчезнувший прежде, чем я успел открыть дверь? Почему корсаж не в цветочной коробке? Почему к нему не

прилагается открытка? Как получилось, что корсаж доставили просто так - тук-тук в дверь, «кто там?» и никакого ответа, а за дверью стоит коробка. Как так получилось - вот что я хотел бы знать.»

«Ну... как вы думаете, что это такое?», - спросил Карелла.

«Предупреждение», - сказал Хардинг.

«Как можно прочитать предупреждение в... ну... корсаже?»

«В нём застряла булавка», - сказал Хардинг. «Может, кто-то хочет сказать, что и во мне что-то застрянет? Может, кто-то хочет сказать мне, что я закончу так же, как Джорджи.»

«Я могу понять, что вы можете чувствовать...»

«Вы чертовски правы, учитывая, что кто-то пытался выстрелить мне в голову из пистолета...»

«Но цветок», - сказал Карелла, - «корсаж...» и, оставив фразу без продолжения, пожал плечами.

«Возьмите эту штуку с собой», - сказал Хардинг.

«Зачем?»

«Отдайте в лабораторию. Проверьте, не отравлено ли оно или ещё что-нибудь.»

«Я, конечно, сделаю это», - сказал Карелла, - «но я действительно не думаю...»

«Кто-то чертовски старался убить меня, мистер Карелла», - сказал Хардинг. «И промахнулся. Потому что пистолет был пуст. Ладно. Может быть, тот же самый человек посылает мне цветы перед похоронами, мистер Карелла, вы меня понимаете? Мне страшно. Я уже вышел из больницы, где меня больше не защищают медсёстры, врачи и люди вокруг. Я дома, совсем один, и вдруг у моей двери оставляют розовую орхидею, и я могу сказать вам, что это пугает меня до смерти.»

«Сейчас я поговорю с лейтенантом», - сказал Карелла. «Может быть, мы сможем назначить сюда сотрудника.»

«Буду признателен», - сказал Хардинг. «И пусть кто-нибудь посмотрит на этот цветок.»

«Обязательно», - сказал Карелла. «А пока я хочу задать вам несколько вопросов.»

«Продолжайте», - сказал Хардинг.

«Вы знаете кого-нибудь по имени Клара Джин Хокинс?»

«Нет. Кто она?»

«Та, кто знал Джорджа Чеддертона. Вы знали всех его деловых партнеров?»

«Да.»

«Но не Клару Джин Хокинс.»

«Она его деловой партнер?»

«Очевидно, она говорила с Джорджем о том, чтобы записать какой-то альбом.»

«Она занимается звукозаписью?»

«Нет, она была проституткой.»

«Проститутка? И она говорила с Джорджем о записи альбома?»

«Джордж никогда не говорил вам об этом?»

«Никогда. Что за альбом?»

«На основе своего опыта проститутки», - сказал Карелла.

«Я просто вижу это в чарте сорока лучших, не так ли?», - сказал Хардинг и покачал головой.

«Девушка была уверена, что альбом будет записан.»

«Кем?»

«Тем, кто собирался взять с неё три тысячи долларов за эту привилегию.»

«А», - сказал Хардинг и кивнул. «Запись тщеславия.»

«Что это?», - спросил Карелла.

«Это когда компания берёт с вас от двух до трёх сотен долларов за то, что они называют пробным прослушиванием или ещё какой-нибудь ерундой. После этого они...»

«Пробное прослушивание, вы сказали?»

«Да. Если так называемым критикам компании понравится то, что они услышат, они порекомендуют серьёзную переработку.»

«За большие деньги?»

«Нет, нет, всё включено в гонорар. Прибыли ещё много, поверьте мне. Основной тираж - это обычно альбом, ясно? Восемь или девять песен на каждой стороне, всё от таких лохов, как эти. Это восемнадцать песен по две, иногда три сотни баксов за штуку, то есть четыре-пять тысяч долларов. Таким образом, они напечатают пятнадцать сотен альбомов - что при легальной деятельности может обойтись вам в двадцать пять сотен баксов - и отдадут по десять каждому из восемнадцати «авторов песен» на альбоме, а остальные отправят диск-жокеям, которые выбросят их на помойку, или в музыкальные магазины по всей стране, которые даже не будут вскрывать упаковку. Рэкет, чистый и простой. Это должен был быть альбом, да?»

«Да.»

«И Джордж был в этом замешан? Я не могу поверить, что Джордж мог связаться в тщеславную операцию. Многие из этих студий предоставляют лохам лириков или композиторов бесплатно, всё это часть шумихи. Но Джордж? Вы уверены в этом?»

«За последний месяц он встречался с девушкой четыре раза. В его блокноте были нарисованы слова «В жизни». Мы предполагаем, что они планировали использовать это в качестве названия.»

«Ну, я не знаю, что вам сказать. Он никогда не говорил мне об этом. Я знаю, что ему нужны были большие деньги, чем он получал в последнее время, чтобы заставить Хлою бросить эту работу. Так что, возможно, он связал эту девушку с каким-то тщеславным лейблом, и, может быть... Я просто не знаю. Если Джордж получал откат, это всё равно могло стоить компании денег. Вместо того чтобы искать восемь отдельных

лохов, они могли бы заставить одного лоха выложить целых три штуки, отдать Джорджу часть этих денег и всё равно получить прибыль. Да, может быть. Я просто не могу сказать наверняка.»

Карелла достал блокнот и открыл его на странице с именами, которые он скопировал из календаря встреч Чеддертона. «У меня тут два имени, которые Хлоя не смогла идентифицировать», - сказал он. «Может ли кто-то из них иметь отношение к тщеславным лейблам?»

«Озвучьте мне эти имена», - сказал Хардинг.

«Джимми Тэлбот?»

«Нет, он басист. И чертовски хороший.»

«Гарри Кейн.»

«Вы догадаетесь, мистер. Владеет лейблом под названием «Ураган». Он фиктивный, если таковой вообще существует.»

«Спасибо», - сказал Карелла и закрыл блокнот.

«Не забудьте поговорить с лейтенантом, чтобы он прислал сюда человека.»

«Обязательно», - сказал Карелла.

«И проверьте этот цветок», - сказал Хардинг.

Круглосуточное дежурство в квартире Амброуза Хардинга началось только в 15:45 того же дня. Причин для почти четырёхчасовой задержки было много, и все они были уважительными. Начнём с того, что Карелла не поехал прямо в офис, а отправился в центр города, в Кресент-Овал, где располагался офис «Ураган Рекордс». Кресент-Овал находился в той части города, которая известна как Квартал, а номер 17 по Кресент-Овал представлял собой трёхэтажное здание из коричневого камня, расположенное между магазином сандалий и магазином здоровой пищи. На латунной табличке справа от дверного звонка была выгравирована только надпись «Ураган Рекордс». Карелла позвонил в звонок и стал ждать. Через несколько секунд раздался ответный гудок. Он открыл дверь и вошёл на обшитую панелями

площадку первого этажа: впереди лестница, уходящая вверх, справа от неё узкий коридор, почти сразу справа - дверь. На двери - ещё одна латунная табличка с выгравированной надписью «Ураган Рекордс». Звонка не было. Карелла постучал в дверь, и женский голос сказал: «входите».

Дверь открылась в неформальную приёмную, выкрашенную в разные оттенки фиолетового, все они были приглушёнными, дополняющими друг друга и довольно приятными для глаз. Девушке, сидевшей за белым столом с пластиковой столешницей, было восемнадцать или девятнадцать лет, как он предполагал. Это была симпатичная чернокожая девушка в костюме сливового цвета, который ещё больше дополнял цвет стен и ковра. Она тепло улыбнулась и сказала: «Могу я вам помочь, сэр?»

«Я офицер полиции», - сказал Карелла и тут же показал свой значок.

«О», - сказала девушка и улыбнулась. «А я-то думала, что вы рок-певец.»

«Мистер Кейн у себя?», - спросил Карелла.

«Сейчас проверю», - сказала она и подняла телефонную трубку. Она нажала кнопку в основании аппарата, подождала, а затем сказала: «К вам офицер полиции, мистер Кейн.» Она выслушала, рассмеялась, сказала: «Не думаю», снова выслушала, а потом сказала: «Я сейчас его пришлю.»

«Что он сказал смешного?», - спросил Карелла.

«Он хотел узнать, не ставите ли вы метки на его машину. Он нашёл место в квартале, но там парковка на одной стороне улицы, а сегодня - на другой. Но сейчас идёт дождь, и он не хотел тащиться в гараж на Чонси. Я сказала ему, что не думаю, что вы ставите на машину метки. Но ведь это не так?»

«Нет», - сказал Карелла.

«Ладно, друг, проходите», - сказала девушка и, улыбнувшись, указала на дверь, расположенную сразу за её столом. «Когда окажетесь внутри, поверните направо», - сказала она. «Это вторая дверь по коридору.»

Гарри Кейну было около двадцати трёх лет, темнокожий мужчина в жемчужно-серых брюках и розовой рубашке, рукава которой были

закатаны на узких запястьях и худых предплечьях. Он поднялся и протянул руку, когда Карелла вошёл в комнату. По оценке Кареллы, его рост составлял около пяти футов одиннадцати дюймов. Худой, с узкими бёдрами и плечами, он вполне мог сойти за подростка. Обложки рок-н-рольных альбомов, украшавшие стены вокруг его стола, усиливали первоначальное впечатление - Карелла мог оказаться в комнате какого-нибудь подростка, не хватало только звуков стереосистемы.

«Простите», - сказал Кейн, - «моя секретарша не сказала мне вашего имени. Я Гарри Кейн.»

«Детектив Карелла», - сказал он и взял Кейна за руку.

«Я незаконно припарковался», - сказал Кейн и улыбнулся. «Я знаю это.»

«Я здесь по другому поводу.»

«Фух!», - сказал Кейн и с преувеличенным облегчением провёл рукой по лбу. Его глаза, как впервые заметила Карелла, были почти жёлтыми. Необыкновенные глаза. Он никогда в жизни не видел никого с такими глазами. «Садитесь, пожалуйста», - сказал Кейн. «Не хотите ли кофе?»

«Нет, спасибо», - сказал Карелла.

«Что я могу для вас сделать?»

«В прошлый четверг вы обедали с Джорджем Чеддертоном», - сказал Карелла.

«Да?», - сказал Кейн.

«Да, в час дня.»

«Да?»

«Правда?»

«Да», - сказал Кейн.

«О чём вы говорили?»

«Почему вы хотите это знать?», - сказал Кейн, выглядя крайне озадаченным.

Карелла уставился на него: «Разве вы не знаете, что он мёртв?»

«Мёртв? Нет. Джордж?»

«Он был убит в пятницу вечером.»

«Меня не было в городе, я вернулся домой только вчера вечером. Я не знал, простите.» Он заколебался. «Что с ним случилось?»

«Кто-то стрелял в него.»

«Кто?»

«Мы ещё не знаем.»

«Ну, я... я потрясён», - сказал Кейн. «Не могу сказать, что испытываю какое-то настоящее горе - Джордж не был тем человеком, к которому испытывают большую привязанность. Но я уважал его как артиста и... я искренне потрясён.»

«Как давно вы его знаете, мистер Кейн?»

«О, шесть месяцев, я бы сказал. Мы постоянно обсуждали возможности записи в течение последних шести месяцев.»

«Это то, о чём вы говорили в прошлый четверг?»

«Да, собственно говоря. Джордж позвонил мне как-то на прошлой неделе и сказал, что у него есть идея альбома, которую он хотел бы обсудить. Ну», - сказал Кейн и улыбнулся, - «у Джорджа всегда есть идея альбома, которую нужно обсудить. Проблема, конечно, заключалась в том, что он хотел калипсо, которое так же важно для индустрии звукозаписи, как хлысты для багги в транспорте.»

«Может, он хотел обсудить ещё один альбом калипсо?»

«Да. Но с изюминкой.»

«В чём же заключалась?»

«Ну, для начала...» Кейн заколебался. «Я не уверен, что мне стоит об этом говорить. Я бы не хотел, чтобы вы думали, что «Ураган Рекордс» - это тщеславный лейбл. Это не так.»

«Угу», - сказал Карелла.

«Хотя время от времени, чтобы помочь начать карьеру тем, кому иначе не дали бы фору...»

«Ага...»

«...мы будем взимать плату. Но только для того, чтобы покрыть расходы на запись, упаковку и распространение.»

«Понятно», - сказал Карелла.

«Но даже в этих случаях мы платим отчисления, как и Motown (американский лейбл звукозаписи, основан в 1959 году – **примечание переводчика**), RCA (лейбл основан в 1901 году как Victor Talking Machine Company, переименован в 1968 году – **примечание переводчика**), Arista (американский лейбл звукозаписи, основан в 1974 году – **примечание переводчика**) или любой другой лейбл, который вы можете упомянуть.»

«Просто время от времени...»

«Да, время от времени...»

«...вы согласны на гонорар.»

«Да, чтобы уменьшить наш риск.»

«Насколько мы понимаем, Си Джей Хокинс... это имя вам о чём-нибудь говорит?»

«Да, это та девушка, о которой мы с Джорджем говорили.»

«...была готова выложить три тысячи долларов...»

«Да.»

«...чтобы альбом был записан вашей компанией.»

«Да.»

«А Джордж Чеддертон должен был получить хоть что-то из этих денег?»

«Да.»

«Сколько?»

«Тысячу.»

«А «Ураган Рекордс» должен был получить оставшиеся две тысячи, так?»

«Да.»

«Разве это не мало? Насколько я понимаю, большинство компаний, взимающих плату, получают от двухсот до трёхсот долларов за песню.»

«Верно», - сказал Кейн.

«Сколько «Ураган» берёт за песню?»

«Двести пятьдесят.»

«А сколько песен вы обычно записываете на пластинку?»

«Восемь или девять с каждой стороны.»

«Что составит около четырёх тысяч долларов за альбом, не так ли?»

«Более или менее.»

«Но «Ураган» был готов сделать это для Си Джей за две тысячи.»

«Три тысячи в общем.»

«Ваша доля была всего две. Восемнадцать песен за две тысячи баксов. Как так?»

«Ну», - сказал Кейн, - «не восемнадцать.»

«Ах», - сказал Карелла. «Сколько?»

«Это должен был быть скорее демонстрационный альбом. В отличие от альбома для распространения среди диск-жокеев и розничных магазинов.»

«Сколько на нём планировалось песен?»

«Мы планировали записать только на одну сторону.»

«Девять песен?»

«Восемь.»

«За плату в три тысячи долларов.»

«На долю «Урагана» приходилось всего две.»

«Почему вы дали тысячу Чеддертону? Потому что он привёл к вам девушку?»

«Нет, он получал деньги за то, что писал песни и записывал их.»

«Что за песни?»

«Ну, калипсо, конечно. Это то, что Джордж писал и исполнял. Калипсо.»

«Что вдруг стало жизненно важным для звукозаписывающей индустрии, а?», - сказал Карелла.

Кейн улыбнулся: «Может, и не очень важно, но попробовать стоит. У мисс Хокинс было много информации, которую Джордж был готов вложить в песни.»

«Они собирались сотрудничать по этой теме, и всё?»

«Эта часть ещё не была проработана. Думаю, в намерения Джорджа входило лишь вынести ей мозг. Очевидно, у неё были сотни историй, которые она могла бы рассказать. Насколько я понимаю, она занимается этим только с апреля, но, видимо, на улицах очень быстро учатся.»

«Жаль, что она не научилась немного быстрее на улицах», - сказал Карелла.

«Мне очень жаль», - сказал Кейн. «Я не понимаю, о чём вы.»

«Я имею в виду, что вы собирались взять с неё три тысячи баксов за запись восьми песен, что при моём подсчёте составляет триста семьдесят пять баксов за песню, или на сто двадцать пять баксов больше, чем вы обычно берёте.»

«Джордж получал тысячу.»

«Понятно. Вы получали только свой обычный гонорар, верно?»

«Если вы хотите посмотреть на это с другой стороны.»

«Как бы вам хотелось взглянуть на это, мистер Кейн. Вы вместе вели эту девицу прямо в сад.»

«Она не была девственницей», - сказал Кейн, улыбаясь.

«Нет», - ответила Карелла, - «но обычно она брала плату за траханье.»

Улыбка исчезла с лица Кейна. «Уверен, у вас миллион дел», - сказал он. «Я не хочу вас задерживать.»

«Приятно было познакомиться, мистер Кейн», - сказал Карелла и вышел из офиса. Он остановился у стола в приёмной и спросил у девушки, на какой машине ездит мистер Кейн. Девушка назвала ему год выпуска, марку и цвет, а затем спросила: «Ой, я что-то не так сделала?» Карелла заверил её, что нет.

Выйдя на улицу под проливным дождём, он прочесал её из конца в конец, пока не нашёл машину, соответствующую описанию девушки. Из телефонной будки на углу он позвонил в службу связи и попросил проверить по компьютеру номерной знак. Через несколько минут он узнал, что машина зарегистрирована на мистера Гарри Кейна, проживающего в Риверхеде, и что она не была объявлена в угон. Следующие десять минут Карелла шёл под дождем в поисках полицейского. Когда он нашёл его, то представился, а затем привёл его к месту, где автомобиль Кейна был незаконно припаркован на неправильной стороне улицы.

«Выпишите ему штраф», - сказал он.

Патрульный уставился на него. Дождь барабанил по непокрытой голове Кареллы, дождь пропитал его пальто, ботинки и брюки; в целом он был похож на утонувшую крысу. Патрульный продолжал смотреть на него. Наконец он пожал плечами, сказал: «Конечно» - и начал писать квитанцию. В правом углу он нацарапал время: 1:45.

Карелла вернулся в офис только в два тридцать пополудни, и в это время к лейтенанту пришёл репортёр из утренней городской газеты, который хотел узнать не об относительно малоизвестном певце калипсо, найденным мёртвым на территории 87-го участка в прошлую пятницу вечером, и даже не о ещё более малоизвестной проститутке, найденной мёртвой в Южном Мидтауне четыре с половиной часа спустя, а о серии ограблений ювелирных магазинов, которые, казалось,

перепрыгнули разделительную линию, отделявшую грязный восемьдесят седьмой участок от шикарного соседнего участка на западе. Репортёр спрашивал лейтенанта Бирнса, считает ли он, что грабители, ограбившие магазин на Холл-авеню к западу от Монастырской дороги, - это те же самые воры, которые на протяжении многих месяцев устраивали хаос на территории восемьдесят седьмого участка. Бирнс отказывался признать любому репортёру на свете, что на его участке воры устраивают хаос, и, кроме того, он не считал шесть ограблений ювелирных магазинов хаосом, да и вообще не считал это проблемой. Как бы то ни было, он занимался репортёром до четверти третьего, когда Карелла вошёл в его кабинет, неся с собой коробку с голубой на зелёном фоне геральдической лилией. Накинув на голову платок, Карелла поднял крышку коробки.

«Ты должен перестать приносить мне цветы», - сказал Бирнс. «Мужики уже шепчутся.»

«Оставили возле квартиры Хардинга некоторое время назад», - сказал Карелла. «Он думает, что это что-то значит.»

«М-м-м», - сказал Бирнс.

«Так это или нет - не важно», - сказал Карелла. «Он чертовски напуган, и я думаю, что он прав. Кто бы ни пытался пристрелить его...»

«Может попробовать ещё раз», - сказал Бирнс и кивнул.

«Мы можем выделить туда патрульного?»

«Надолго ли?»

«По крайней мере, пока мы не возьмём Джоуи Писа.»

«Ты уже говорил с Мейером?»

«Да, и он сообщил мне о типе с именем Жозе Ла Паз. Я уже позвонил Гаучо, чтобы узнать о нём.»

«Как ты думаешь, сколько времени пройдёт, прежде чем мы выведем его на чистую воду?»

«Понятия не имею, Пит. Это может быть десять минут, а может быть десять дней.»

«Как долго ты хочешь прикрывать Хардинга?»

«Ты можешь дать мне неделю? Круглосуточно?»

«Я уточню это у капитана.»

«Не мог бы сделать, Пит? Я хочу отнести это в лабораторию. Сэм обещал мне отчёт к утру, если я смогу доставить это ему прямо сейчас.» Оба мужчины посмотрели на часы. Бирнс снимал телефонную трубку, когда Карелла вышел из кабинета.

Капитану Фрику нравилось командовать всем восемьдесят седьмым участком, включая тех полицейских в штатском, которые обитали в комнате для детективов на втором этаже здания участка. К восемьдесят седьмому участку было приписано 186 патрульных, и вместе с шестнадцатью детективами наверху маленькая армия под командованием Фрика представляла собой грозный оплот против сил зла в этом городе. Сейчас Бирнс просил, чтобы три человека в форме были взяты с действительной службы в другом месте и круглосуточно находились у дверей чернокожего управляющего бизнесом (не то, чтобы его чернота имела значение), по одному человеку на каждые восемь часов, по три человека каждый день недели в течение следующей недели. Фрик не хотел брать на себя такую ответственность. Фрик считал, что на три человека меньше против сил зла - это на три человека больше на стороне сил зла. Он сказал Бирнсу, что свяжется с ним, и ровно в одну минуту третьего часа позвонил начальнику патрульной службы в штаб-квартиру в центре города на Хай-стрит и спросил, не может ли тот отпустить трёх патрульных в течение следующей недели для круглосуточного дежурства у чернокожего управляющего бизнесом, чей клиент стал жертвой убийства в прошлую пятницу вечером. Начальник штаба поинтересовался, какое отношение имеет чёрная кожа управляющего к тому, что происходит на зелёной Божьей земле, и Фрик сразу же ответил: «Никакого, сэр, это не имеет никакого отношения ни к чему», и начальник штаба разрешил выделить трёх человек для круглосуточной работы. К тому времени было уже 15:09, и дождь всё ещё шёл.

За годы службы на улицах Фрик знал, что дежурство с 8:00 до 16:00 заканчивается в 15:45, когда сменяющие друг друга патрульные

проводят перекличку в комнате сбора, после чего предыдущая смена должна быть сменена. Он также знал, что любой умный преступник в этом городе должен был планировать совершение своих преступлений на пятнадцать минут, предшествующих 8:00 утра, 4:00 вечера и 12:00 полуночи, поскольку именно тогда происходила пересменка между теми патрульными, которые преждевременно возвращались в участок, и теми патрульными, которые проводили перекличку перед выходом на улицу для «смены на посту». Дежурство длится долгие восемь часов, и можно простить некоторое нетерпение людей, отработавших положенный срок. Как бы то ни было, Фрик понимал, что бессмысленно назначать уходящего патрульного на первое дежурство в квартире Хардинга, поэтому он позвонил в дежурную часть и попросил сержанта назначить человека с четырёх часов до полуночи на первый отрезок круглосуточного дежурства, которое продлится как минимум до следующей недели, а то и до дальнейшего уведомления.

Первым патрульным, направленным в квартиру Хардинга, был новичок по имени Конрад Леманн. Он же стал и последним патрульным, поскольку, приехав туда, обнаружил приоткрытую дверь и лежащего на полу кухни чернокожего мужчину с двумя аккуратно расположенными пулевыми отверстиями в лице.

Карелла никак не мог привыкнуть к тому, что Сэм Гроссман - капитан Сэм Гроссман, после того как он так долго был лейтенантом Сэмом Гроссманом. Высоко в окне башни на востоке - точнее, на этаже полицейской лаборатории нового здания штаб-квартиры из стекла, стали и камня, похожего на башню, в центре города на Хай-стрит, - Гроссман полусидел, полулежал, прислонившись к длинному белому столу с рядом чёрных микроскопов. На нём был белый лабораторный халат поверх серого костюма, а в его очках отражался серый дождь, сочащийся по оконным стёклам, серое небо, простирающееся по тусклому горизонту, чёрные карандашные линии мостов, ведущие с острова к далёким серым окраинам города. Эффект был суровым, современным, почти монохроматическим - белые, чёрные и серые цвета, нарушаемые только прохладным голубым на зелёном фоне цветом коробки с геральдической лилией и горячим розовым цветом орхидеи на лабораторном столе.

«Что ты хочешь в первую очередь?», - спросил Гроссман. «Коробку или цветок?» В его голосе звучала мягкость, прямо противоречащая холодности научных знаний, которые он должен был распространять. Слушать, как Гроссман рассказывает о результатах своих лабораторных исследований, было всё равно что слушать, как вальяжный фермер из Новой Англии объясняет, что, вопреки галилеевским или ньютоновским представлениям, время и пространство следует рассматривать как относительные к динамическим системам или системам отсчёта.

«Начнём с коробки», - сказал Карелла.

«Я так понимаю, ты не узнаёшь дизайн.»

«Что-то знакомое, но не могу вспомнить.»

««Б. Рено» на Холл-авеню.»

«Да, точно.»

«Их стандартная подарочная коробка. Они время от времени меняют цветовую гамму, но узор геральдической лилии всегда один и тот же. Ты можешь уточнить у них, когда они в последний раз меняли цвет.»

«Я так и сделаю. Что-нибудь ещё, что я должен знать?»

«На нём нет ни одного скрытого отпечатка, ни следа чего-либо, кроме пыли.»

«Что-нибудь особенное в пыли?»

«Не в этот раз. Прости, Стив.»

«Как насчёт цветка?»

«Ну, это орхидея, как ты, я уверен, догадался.»

«Да, я догадывался об этом», - улыбнулся Карелла.

«Разновидность, распространённая в северной умеренной зоне», - сказал Гроссман, - «характеризуется розоватым цветком и пестиком в форме туфельки. Ты можешь купить её в любом цветочном магазине города. Просто зайди и спроси *calypso bulbosa* (известный как орхидея калипсо, волшебный башмачок или венерин башмачок, многолетний цветок семейства орхидных – **примечание переводчика**).

«Ты шутишь», - сказал Карелла.

«Разве?», - удивлённо сказал Гроссман.

«Калипсо бульбоза? Калипсо?»

«Это самое наименование. Что не так? В чём дело?»

Карелла покачал головой: «Уверен, Хардинг не знал названия этого чёртова цветка, но он всё равно напугал его до смерти. *Calypso bulbosa*. Убийца говорил: «Видишь красивый цветок - он означает смерть.» И Хардинг инстинктивно это понял.» Он снова покачал головой.

«Смыслы внутри смыслов», - сказал Гроссман.

«Колёса в колёсах», - сказал Карелла.

«Поворот», - сказал Гроссман.

В «Б. Рено» с Кареллой разговаривала женщина по имени Бетти Унгар. Её голос по телефону был чётким, но приятным, скорее похожим на голос робота, которого смазали патокой.

«Да», - сказала она, - «узор «флер-де-лис» (*геральдическая лилия – примечание переводчика*) принадлежит исключительно нам. Он присутствует во всех наших рекламных объявлениях в газетах и на телевидении, на наших платёжных картах и пакетах для покупок, и, конечно, на всех наших подарочных коробках.»

«Я понимаю, что цвета меняются время от времени.»

«Да, каждое Рождество», - сказала мисс Унгар.

«На шкатулке, которая стоит у меня на столе», - сказал Карелла, - «изображена голубая геральдическая лилия на зелёном фоне. Интересно, вы...»

«О, Боже», - сказала мисс Унгар.

«Для вас это проблема?»

«Голубой и зелёный. О, боюсь, это значительно раньше моего времени.»

«Вы хотите сказать, что коробка старая?»

«Я работаю здесь уже шесть лет», - сказала мисс Унгар, - «и могу вспомнить все варианты цветов, которые мы использовали: например, красный на розовом на прошлое Рождество, чёрный на белом на позапрошлом, коричневый на бежевом на поза-позапрошлом...»

«Угу», - сказал Карелла. «Но эта голубой на зелёном...»

«До моего времени.»

«Давнее, чем шесть лет назад, не так ли?», - сказал Карелла.

«Да.»

«Не могли бы вы сказать, как давно это было?»

«Ну... это очень важно для вас?»

«Возможно», - сказал Карелла. «Невозможно определить, насколько важна та или иная новая информация, пока она вдруг не станет важной.»

«Гм», - сказала мисс Унгар, умудрившись передать в этом односложном ворчании искреннее отсутствие убеждённости в срочности миссии Кареллы и ещё большее подозрение в отношении его доморощенной философии относительно сравнительной важности улик и теории спонтанной значимости. «Подождите, пожалуйста», - сказала она.

Карелла ждал. Пока он ждал, в магазинном телефоне включили записанную музыку. Карелла слушал музыку и думал, почему американцы считают необходимым заполнить любую тишину звуками того или иного рода - консервированным роком, консервированным шлоком (*еврейское направление рок-музыки – примечание переводчика*), консервированным шмальцем (*вытопленный куриный или гусиный жир, компонент еврейской кухни – примечание переводчика*), консервированной попсой; в Америке невозможно войти в такси, лифт или даже в похоронное бюро без динамиков, из которых не доносится, не сочится или не капает звук того или иного рода. Куда делись тихие травянистые холмы? Казалось, он помнит, как однажды поехал на ферму своей тётки в штате за рекой и сидел на травянистой вершине холма, где мир в полной тишине расстился у его ног. Занятый такими пасторальными мыслями, с консервированной шлок-шмальцевой аранжировкой «Рассвет, закат» (*песня из мюзикла «Скрипач на крыше», написанная в 1964 году – примечание переводчика*), массирующей его правое ухо, Карелла почти заснул. Смутный механический голос мисс Унгар привёл его в чувство.

«Мистер Коппола?», - сказала она.

«Карелла», - сказал он.

На этот раз ей удалось выразить сомнение в том, что Карелла знает своё собственное имя. «Я проконсультировалась с человеком, который работает здесь дольше меня», - сказала она, - «и на самом деле голубой на зелёном были использованы в Рождество перед тем, как я начала работать.»

«Получается, это было Рождество семь лет назад.»

«Да», - сказала мисс Унгар. «Если я начала работать здесь шесть лет назад, и если голубое на зелёном было использовано на Рождество перед тем, как я начала работать, то тогда, да, это было бы семь лет назад.»

У Кареллы возникло ощущение, что его только что назвали идиотом. Он поблагодарил мисс Унгар за уделённое время и повесил трубку. Семь лет назад, подумал он. Он уставился на коробку; какие бы теории ни выдвигала полиция, новая порция информации отказывалась становиться неожиданно важной.

Лаборанты, осматривавшие квартиру Амброуза Хардинга, не обязательно искали улики, которые могли бы связать его убийство с убийствами Джорджа Чеддертона и Клары Джин Хокинс. Найденные пули - одна из них оказалась вмонтирована в подоконник над раковиной, другую выковырял из черепа Хардинга помощник судмедэксперта, проводившего вскрытие, - позволили бы баллистическому отделу определить, использовался ли один и тот же пистолет во всех трёх убийствах, и этого было бы достаточно. Вместо этого они искали хоть какую-нибудь зацепку, хоть что-нибудь, что можно было бы передать детективам на местах, хоть что-нибудь, что могло бы сдвинуть дело с мёртвой точки и перевести его в область осмысленных предположений.

Уже тогда, ещё до того, как баллистический отдел представил свой отчёт о пулях, было ощущение непрерывности, граничащее с серийностью: ещё одно убийство, и телеканал наверняка продлит сериал ещё на один сезон. В таком городе, как этот, одно убийство не могло привлечь толпу; в любой день недели можно было совершить одно убийство в саду, так что: «хо-хо, что ещё нового?» Однако двух убийств, совершённых одним и тем же оружием, или даже двух убийств, совершённых в одном и том же районе города за относительно короткий промежуток времени, или двух жертв, смутно похожих друг на друга по возрасту, роду занятий или цвету волос, было достаточно, чтобы тот или иной более-менее креативный журналист города начал размышлять вслух, не появился ли на улицах ещё один сумасшедший убийца, пока полиция сидит, засунув большой палец в задницу. Но три убийства? Три убийства в течение пяти дней? Три убийства, которые,

по всей вероятности, были совершены одним и тем же оружием? Три убийства трёх чернокожих, одна из которых была обитателем если не преступного мира, то, по крайней мере, мягкого и пушистого подбрюшья преступного мира, этого ночного мира сообщаемых шёпотом приглашений и незаметно выполняемых обещаний.

Ничто так не будоражило воображение публики, как убийство проститутки. Моральные праведники испытывали чувство крайнего удовлетворения: виновный был наказан если не рукой Бога, то, по крайней мере, рукой того, кто понимал, какую опасность представляет проституция в обществе, где мужчины ходят с расстёгнутыми ширинками. Для многих других - тех мужчин и женщин, которые в то или иное время заигрывали с идеей воспользоваться услугами проститутки или предоставить услуги проститутки, - это убийство стало доказательством, если таковое вообще требовалось, что в этом городе действительно существовала большая армия женщин, готовых и даже желающих обслужить любого, независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, пола или убеждений. То, что такая служба иногда была сопряжена с опасностью, неоспоримо подтверждалось убийством. Возмездие за грех - смерть, брат, - но, Господи, это всё равно звучало захватывающе. И для тех, кто действительно занимался сексом там и сям, здесь и там, в том или ином убогом гостиничном номере, или в мотелях с рейтингом «X» за рекой, где можно было посмотреть порнофильм, одновременно снимаясь в собственном частном фильме на водяной кровати, или в любом из массажных салонов, которые выстроились вдоль городских магистралей на севере, юге, востоке и западе, для тех, кто переступил черту, разделяющую простой секс для удовольствия и наслаждения (твое место или моё, детка?) от секса ради наживы, секса как греха, секса как самого долгоиграющего бизнеса в истории расы (твоей расы или моей, детка?), для этих простых людей убийство проститутки тоже было увлекательным, потому что они задавались вопросом (а) убил ли её такой же парень, как они сами, или (б) убил ли её один из этих свирепого вида сутенёров в широкополых шляпах, или (в) была ли убитая девушка кем-то, кто, возможно, дал им по голове накануне вечером - через некоторое время они все выглядели одинаково. Так что да, когда убивали проститутку, возникали самые разные варианты. Убейте обычного певца калипсо, убейте обычного менеджера по бизнесу певца калипсо, и никто не будет слишком взволнован, даже

если в этих убийствах есть продолжение. Но убить проститутку? В блондинистом парике на тротуаре, ради всего святого! Юбка на заднице! Пуля в сердце и ещё две в голову! Вот это было необычно и интересно.

Так же, как и песок.

В квартире Амброуза Хардинга техники нашли песок.

«Песок», - сказал Гроссман Карелле по телефону.

«Что значит «песок»?»

«Песок, Стив.»

«Как на пляже?»

«Да, как на пляже.»

«Я очень рад это слышать», - сказал Карелла, - «особенно учитывая, что в Даймондбэке нет пляжей.»

«В Риверхеде есть несколько пляжей», - говорит Гроссман.

«Да, и много пляжей на косе Сэндс.»

«И ещё больше пляжей на Йодиных островах.»

«Сколько песка вы там нашли?», - спросил Карелла.

«Недостаточно, чтобы сделать пляж.»

«Достаточно, чтобы проложить тротуар?»

«Мизерное количество, Стив. Едва уловили его. Однако это показалось мне достаточно необычным, чтобы сообщить об этом. Песок в квартире Даймондбэка? Я бы сказал, что это необычно.»

«И интересно», - сказал Карелла.

«Необычно и интересно, да.»

«Песок», - сказал Карелла.

Если взглянуть на карту города, то можно было увидеть пять отдельных частей, некоторые из которых разделялись водными путями и соединялись, как сиамские близнецы, мостами через бедро или плечо, другие имели общие границы, которые, тем не менее, определяли политические и географические образования, а один представлял собой остров, полностью окружённый водой и - в умах и сердцах его жителей - также полностью окруженный врагами. Это был не такой параноидальный город, как Неаполь, которому принадлежит бесспорный рекорд по этому заболеванию, но, тем не менее, довольно подозрительный город, которому казалось, что все остальные города на земле желают его финансового краха только потому, что он является самым главным городом в мире. Чёртова беда такого безумного параноидального предположения заключалась в том, что оно оказалось правдой. Это был не просто город, это был основной город. С точки зрения Кареллы, если вы спрашивали, что такое город, значит, вы в нём не жили или только думали, что живёте. Этот город был самым проклятым городом в мире, и Карелла разделял с каждым его жителем - путешественником по миру или квартирным затворником - уверенность в том, что такого места, как это, нет больше нигде. Это было, попросту говоря, единственное и самое лучшее место.

Глядя на его карту, отыскивая песок в нём и вокруг него, Карелла изучал длинный участок земли, который на самом деле не был частью города, но, тем не менее, несмотря на то что принадлежал соседнему округу, по праву считался игровой площадкой на заднем дворе каждого, кто жил в самом городе. Округ Эльсинор, названный так английским колонистом, хорошо знакомым с творчеством своего знаменитого соотечественника (*«Гамлет в Эльсиноре», телевизионная версия пьесы Уильяма Шекспира, написанной около 1600 года – примечание переводчика*), состоял из восьми населённых пунктов на восточном побережье, и все они были защищены от эрозии и периодических ураганных ветров косой Сэндс, которая - при всём понимании шовинистического отношения к городу - действительно обладала одними из самых красивых пляжей в мире. Песчаная коса тянулась с севера на юг, образуя естественную морскую стену, которая защищала материк, но не себя и не несколько мелких островов, сгрудившихся вокруг неё, как рыба-лоцман вокруг акулы. Эти острова назывались Йодины.

Всего было шесть Йодиных островов, два из которых находились в частной собственности, третий был выделен в качестве государственного парка, открытого для посещения, а остальные три были гораздо больше своих сестёр и застроены многоэтажными кондоминиумами (*совместное владение, обладание единым объектом, чаще всего домом, но также и другим недвижимым имуществом – примечание переводчика*) и отелями, бесстрашные обитатели которых, очевидно, готовы противостоять ураганам, которые не регулярно - но достаточно часто - накрывали косу Сэндс, скопления Йодиных островов, а иногда и сам город. Йодины носили необычное название, но, впрочем, почти всё в этом городе и его окрестностях носило необычные названия. Известно, например, что в той части города, которая называлась Риверхед, не было ни одной реки с руслом (или даже с притоком). Там был ручей, но он назывался Пятимильный, и при этом не был ни пятью милями в длину, ни пятью милями в ширину, ни пятью милями от какого-либо отличительного ориентира или географического объекта, но тем не менее это был ручей под названием Пятимильный в том районе Риверхеда, где не было рек. На самом деле - и это редко понимали жители Риверхеда, которые постоянно спрашивали: «А почему в Риверхеде нет рек?», - первоначально это место называлось Фермы Райерхурта в честь голландского землевладельца, владевшего в те времена обширными землями, и в конце концов стало называться просто Райерхурт, а в 1919 году его переименовали в Риверхед, поскольку расовая память смутно припоминала, что Райерхурт был голландцем, а во время и сразу после Первой мировой войны голландец означал немца, а не того, кто приехал в Америку из своего родного Роттердама. Это был своеобразный город.

На Йодиных островах не было ни следа йода - ни селитры, ни пепла морских водорослей, ни соляного рассола нефтяных скважин, - и к счастью, ведь обнаружение там этого галогена могло привести к грабежу и изнасилованию со стороны всевозможных компаний, занимающихся производством фармацевтических препаратов, красителей или фототоваров. Как бы то ни было, Йодины были практически девственны. Никто точно не знал, как они были названы; они точно никогда не принадлежали голландцу по имени Йод или даже англичанину по имени Йод, что было более вероятно, поскольку существовали исторические свидетельства, письменные и

вещественные, о том, что британский форт когда-то занимал ключевую позицию на самом большом из островов, выходя на океанский выступ к довольно богатым фермам округа Эльсинор, раскинувшимся за косой Сэндс. Самый маленький из островов когда-то принадлежал барону-разбойнику, который в 1904 году привёз туда свою новую невесту. С тех пор он переходил из рук в руки десятки раз. На другом острове, принадлежавшем частному лицу, стоял всего один дом. Дом был серым и обветренным. Показываясь на горизонте, он напоминал не что иное, как тюрьму.

Он слышал, как возвращается катер, - это был один из немногих звуков, проникавших через двойные двери, - громкий рёв двойных двигателей, меняющиеся звуки, когда она маневрировала в доке. Она управляла этой штукой так, как обычные люди управляют машиной или ездят на велосипеде, - у неё это получалось просто потрясающе. В тот первый день, когда она забрала его сюда - это было уже после того, как они переночевали в отеле, - она отвезла его куда-то на косу Сэндс, куда он ездил только на пляж, потрясающий пляж в бухте Смити, куда он ходил с братом и с Айрин, он интересовался, как поживает его брат, есть ли у них с Айрин сейчас дети, интересовался, есть ли...

Она отвезла его туда, у неё был «Ягуар», потрясающая маленькая белая машина, интересно, на чём она ездит сейчас. Она оставила машину на причале, а сама пришвартовала к причалу яхту «Крис-Крафт», которая казалась слишком большой для женщины, даже для такой, как она, которая вела машину так, будто участвовала в гонках на французском треке, - потрясающе, она была чертовски интересной тогда, в те времена. Должно быть, это была та же самая лодка. Он мельком увидел её, когда чуть не сбежал в тот раз, чуть не успел, почти сбежал. Он больше не думал о побеге. Он думал только о смерти.

На этот раз она оставила ему достаточно еды, и он не беспокоился, что умрёт с голоду, не в этот раз. Она пришла перед отъездом в город, сказала, что ей нужно о чём-то позаботиться, выполнить небольшое поручение, и на её лице появилась странная улыбка. В руках у неё была маленькая коробочка, и она спросила его, помнит ли он эту коробочку. Ожидала, что он запомнит каждую чёртову вещь, каждый маленький подарок, который она когда-либо ему дарила. Говорила ему, что в

коробке был одеколон, а он разве не помнит одеколон? Её первый подарок на Рождество, семь лет назад? Он сказал ей, что да, он помнит одеколон, но он вообще не помнил этот грёбанный одеколон. Зато принесла ему столько еды, что хватило бы на целую чёртову неделю. Ему было интересно, как долго она планирует отсутствовать в этот раз, но он не стал её спрашивать. У неё была привычка: если ты просил её о чём-то, она заставляла тебя потом за это платить. Самая простая вещь. Например, часы. Просто попросить у неё часы. То, что она заставляла его делать до того, как дала ему эти чёртовы часы. То, что она заставляла его делать даже после того, как он получил часы. Он научился больше не просить её ни о чем. Просто молчал большую часть времени. Делал всё, что она хотела. Всё, что она хотела. Он знал, что она может подмешать ему в еду, когда ей вздумается, и должен был есть всё, что она ему принесёт, иначе умрет от голода. Знал, что может лишить его сознания на несколько дней, если захочет, а потом делать с ним всё, что захочет, когда он будет без сознания. Как она сделала это с... с иглами. Даже сейчас он дрожал при одной мысли об иглах. Очнулся от того, что в него вонзились все эти иглы. Самая сильная боль, которую он когда-либо знал в своей жизни, дюжина игл, он... он видел иглы и чуть не потерял сознание, только увидев их. Она сказала ему, что иглы - это наказание. В ту ночь она снова накачала его наркотиками. Был период, когда он находился под действием наркотиков чаще, чем в сознании. Когда он пришёл в себя на следующий день, она вынула все иглы. Сказала ему, что через некоторое время все заживёт, а когда ему станет лучше, она ждёт от него новых выступлений. Это слово она использовала часто. «Выступление.» Как будто он всё ещё музыкант, играющий для её развлечения, выступающий так, как выступал той ночью давным-давно, танцуя с ней, когда играла другая группа, вплотную к ней, гладкое белое платье, обнажённая плоть сверху, прижатая к ней, очень прижатая, боль от игл в его члене.

Он услышал, как поворачивается замок на внутренней двери. Он никогда не слышал замка на внешней двери, дерево было слишком толстым, он слышал только внутренний замок, а потом дверь открылась, как открывалась и сейчас, и она стояла там с собачьим поводком в одной руке и улыбалась.

«Добрый вечер», - сказала она.

«Привет», - сказал он.

Собака смотрела на него. Его начинало трясти каждый раз, когда он видел собаку. Однажды она сказала ему, что если он снова будет плохо себя вести, если он сделает что-то, что вызовет её недовольство, она накачает его наркотиками, а потом позволит собаке сделать с ним что-нибудь, пока он будет без сознания. Она не сказала, что именно сделает собака. Он... он всё время вспоминал иглы. Он подумал, что она может заставить собаку укусить его, пока он будет без сознания. Пусть собака причинит ему боль, а потом он очнётся и обнаружит, что его погрызли... разгрызли на куски или что-то в этом роде. Собака пугала его. Но она пугала его больше, чем собака.

«Скучаешь по мне?», - спросила она.

Он не ответил.

«Я вижу, ты ещё не доел», - сказала она.

«Еды было очень много.»

«Да, но я знала, что меня не будет всю ночь. Поэтому я оставила тебе достаточно еды. Ты бы предпочёл меньше?»

«Нет, нет, просто...»

«Тогда почему ты не съел то, что я тебе оставила?»

«Я съем всё сейчас, если хочешь.»

«Да, думаю, мне бы это понравилось. Я бы хотела, чтобы ты съел всю свою еду. Я прилагаю все усилия, чтобы ты был сыт...»

«Если бы ты отпустила меня, тебе не пришлось бы больше меня кормить.»

«Нет», - сказала она, - «я тебя не отпущу.»

«Зачем я тебе здесь нужен?»

«Мне нравится, что ты здесь. Ешь свою еду. Ты сказал, что съешь всю свою еду.»

Он подошёл к дивану, сел и стал ковыряться в еде на подносе. Он не был голоден, он уже достаточно поел. Но она наблюдала за ним.

«Хочешь узнать, почему я так часто езжу в город?», - спросила она.

Он настороженно наблюдал за ней. Слишком часто она расставляла ему ловушки, и он потом жалел об этом.

«Хочешь узнать?», - снова спросила она.

«Если ты хочешь рассказать мне», - осторожно сказал он и ткнул вилкой в еду.

«Чтобы защитить тебя», - сказала она.

«В смысле защитить меня?»

«Чтобы спасти твою жизнь», - сказала она.

«Конечно», - сказал он, - «чтобы спасти мою жизнь.»

«Ешь, Санто.»

«Я ем.»

«Или тебе не нравится то, что я для тебя приготовила?»

«Мне нравится.»

«Кажется, тебе это не нравится.»

«Я съем всё. Я сказал, что съем, и я съем.»

«Сейчас», - сказала она. «Пока я здесь.»

«Хорошо, раз уж ты здесь.»

«Я не хочу, чтобы ты спустил всё в унитаз, как в тот раз блюдо с печенью.»

«Я не люблю печень.»

«Да, но я не знала этого, когда готовила...»

«Ты знала это. Я говорил тебе, что не люблю печень. Ты приготовила это специально. Ты сделала это, потому что...»

«Если и так, то только потому, что ты мне чем-то не угодил.»

«Кажется, ты всегда чем-то во мне недовольна.»

«Нет, это неправда. Ты доставляешь мне огромное удовольствие. Зачем бы я держала тебя здесь, если бы ты не доставляла мне удовольствия?»

«Чтобы помучить меня, вот почему.»

«Я когда-нибудь мучила тебя?»

«Да.»

«Это ложь, Санто.»

«Иглы...»

«Это было наказание. А ты спал, если помнишь.»

«Они были во мне, когда я проснулся!»

«Да, чтобы укрепить тебя.»

«Как ты ожидала, что они...?»

«Я не люблю говорить о сексе», - сказала она.

«Ты чёртова сексуальная фанатичка, но не любишь об этом говорить.»

«Я, конечно, не хочу говорить о том, что стало твоей неспособностью...»

«Моя неспособность, чёрт! Ты бьёшь меня, пытаешь, накачиваешь наркотиками, а потом ждёшь, что я буду возбуждаться каждый раз, когда тыходишь в комнату.»

«Да», - сказала она и улыбнулась. «Именно этого я и ожидала, это правда. Ешь, Санто.»

«Я больше не хочу», - сказал он и отодвинул от себя поднос. «Я сыт.»

«Хорошо», - сказала она.

Её голос был странно мягким, и это испугало его. Он наблюдал за ней. Она стояла прямо перед дверью, держа в одной руке поводок собаки. Она была одета в чёрное с ног до головы: чёрные брюки, чёрная шёлковая блузка, чёрные сапоги.

«Я отдам её собаке, тебе это понравится, Санто? Отдать твою еду Кларенсу?»

«Если я не голоден...»

«Завтра я приготовлю еду для собаки. Я приготовлю твою еду для Кларенса, хочешь, Санто?»

«Слушай, мне очень понравилось то, что я съел, правда. Но я больше не голоден, и ты не можешь ожидать, что я...»

«Да, я могу, Санто. Я могу ожидать от тебя этого.»

Она бросила поводок и подошла к кофейному столику. Она подняла поднос, отнесла его к двери и поставила перед собакой. Он обнюхал поднос, но не притронулся к еде, пока она не сказала: «Хорошо, Кларенс», и тогда пёс начал есть.

«Он обучен лучше, чем ты», - сказала она.

«Я не животное», - сказал Санто.

«Я должна позволить тебе умереть», - сказала она. «Вместо того, чтобы заниматься всеми этими неприятностями.»

«Какими неприятностями?»

«В городе», - неопределённо ответила она. «Здесь. Столько хлопот, чтобы спасти тебя.» Она смотрела, как собака ест. «Как ты относишься к тому, что Си Джей больше не приезжает сюда?», - спросила она.

«Мне нравится Си Джей», - сказал он.

«О да, так тебе нравится Си Джей», - сказала она и захихикала.

«Почему она больше не приходит?»

«Возможно, она не хочет этого.»

«Я думал...»

«Да, похоже, она получала удовольствие, не так ли? Но, возможно, она немного устала от твоего поведения. Не у всех есть моё терпение, знаешь ли.»

«Моё поведение? Это ты была тем, кто...»

«В любом случае, я не хочу говорить о сексе. Ты же знаешь, я ненавижу говорить о сексе. Я думала, что могу доверять Си Джей. Ты закончил?» - спросила она собаку. «Ты закончил, дорогой?»

«Что ты имеешь в виду? Почему ты не можешь ей доверять?»

«Она была очень молода, слишком молода, на самом деле. Молодые люди, кажется, не понимают...»

«Была молода? Что значит была молода?»

«Я собираюсь кое-что объяснить тебе, Санто. Иди сюда, раздень меня.»

«Нет, я не хочу. Не сейчас.»

«Да, сейчас. Делай, что я говорю.»

«Я только что закончил есть, мне не хочется...»

«Нет, ты не доел, Кларенс доел за тебя, не так ли, дорогой? И я уверена, что ты не хочешь ещё больше раздражать Кларенса, не делая того, о чём я тебя прошу. Мне бы не хотелось, чтобы Кларенс...»

«Хорошо», - сказал он. «Хорошо, чёрт возьми!»

«Тем более что ты, похоже, очень чувствителен к шрамам и синякам на своём славном теле.»

«Да, очень чувствителен.»

«Даже если это делается для твоего же блага.»

«Да, конечно, для моего блага.»

«Расстегни мне блузку», - сказала она. «Да, для твоего же блага.»

«Зажжёнными сигаретами...»

«Медленно, Санто. Пуговица за пуговицей. Да, вот так.»

«Значит это было для моего же блага.»

«Да, чтобы заставить тебя бросить курить. Тебе нравится, когда я без лифчика, Санто?»

«Мне нравилось курить.»

«Да, но сигареты были вредны для тебя. Тебе нравится моя грудь, Санто? Поцелуй мою грудь. Поцелуй мои соски.»

«Обожгла меня по всему телу.»

«Да.»

«Одурманила меня, а потом...»

«Разве не лучше, что ты бросил курить? Давай не будем говорить о том, что нужно было сделать, чтобы ты стал лучше, Санто. Ты стал лучше с тех пор, как бросил курить. Ты стал здоровее, ты...»

«Тебе не нужно было прижигать меня этими грёбаными сигаретами! Я твой пленник, всё, что тебе нужно было сделать...»

«Нет, нет.»

«...прекратить прижигать меня сигаретами, вот и всё, что тебе нужно было сделать! Посмотри на эти ожоги по всему телу! Ты обожгла меня по всему телу! По всему телу!»

«Нет, не по всему телу», - сказала она и улыбнулась. «Закончи раздевать меня, Санто. Я очень сильно хочу тебя.»

«Разве бывает, что ты не хочешь меня?»

«Тише, сейчас же отнеси меня на кровать.»

«Чёртова сексуальная маньячка», - сказал он.

«Не говори так.»

«Это то, кто ты есть. Грёбаная женщина-наильница.»

«Нет», - прошептала она, - «нет, я не такая, правда. Я хочу, чтобы ты сделал то, что любила делать Си Джей.»

«Си Джей любит деньги. Она шлюха, которой платят за всё, что она делает.»

«Да, она была просто шлюхой. Она не понимала, Санто. Если бы она понимала, она бы не рассказала.»

«Рассказала? Что рассказала?»

«Вначале никто не знал. Даже человек, который менял замки на дверях. Я сказала ему, что хочу запереть здесь свою собаку. Я сказал ему, что у меня злая собака.»

«У тебя злая собака.»

«Нежно, Санто, тебе ведь нравится, правда? Скажи мне, что тебе это нравится.»

«Что она рассказала? Что рассказала Си Джей?»

«Я уверена, что о нас. Что у неё есть опыт», - сказала она. «Представляешь? Рассказала мне в лодке, когда мы возвращались в прошлый четверг. Опыт шлюхи. М-м-м, да, Санто, это очень хорошо. Я уже даже не уверена насчёт человека, который сменил замки. Как ты думаешь, он подозревает? Думаешь, он расскажет так же, как она? Я просто не знаю, Санто, о, Боже, это восхитительно. Я не хочу, чтобы кто-то ещё знал о тебе, никогда больше. Я не собираюсь повторять эту ошибку.»

«Кому Си Джей рассказала?»

«Тому, кто больше не будет нас беспокоить.»

«Кому?»

«Сделай это со мной, Санто, сделай это.»

«Кому?»

«Да, вот так, да. О, Господи, да.»

К утру четверга всё в отделе было липким и мокрым. Бланки отчётов должной добросовестности (*due diligence, также отчёты о должной осмотрительности* – **примечание переводчика**) влажно прилипали друг к другу и к копирке, которая должна была разделять тройные копии. Карточки с документами, извлечённые из ящиков, становились вялыми через несколько минут после попадания на них влаги. Предплечья прилипали к столам, ластик отказывался стирать, одежда, казалось, обладала свойствами губки - и всё равно шли дожди. Они шли с разной степенью интенсивности, то в виде проливных ливней, то в виде непрекращающегося моросящего дождя, но они не прекращались: за последние восемь дней в городе не было ни пятнышка голубого неба.

Когда в то утро в 10:00 раздался звонок от Гаучо Паласиоса, Мейер как раз рассказывал шутку о дожде. Его слушателями были Берт Клинг и Ричард Дженеро. У Дженеро не было чувства юмора, хотя мать Дженеро считала его очень комичным парнем. Самой смешной шуткой, которую Дженеро слышал в своей жизни, была шутка про обезьяну, набрасывающуюся на футбольный мяч. Каждый раз, когда Дженеро рассказывал эту шутку, он хохотал до упаду. Многие другие шутки не казались ему смешными, но он вежливо выслушивал их и всегда вежливо смеялся, когда они заканчивались. Потом он тут же забывал их. Всякий раз, когда он приходил к матери, а это случалось каждое воскресенье, он щипал ее за щеку и комично говорил: «Ты становишься маленьким толстячком, правда, мама?», что мать находила безумно смешным. Мать Дженеро очень любила его. Она называла его Ричи. Все в отряде звали его Дженеро, что было странно, поскольку к остальным все они обращались по имени. Даже лейтенант был либо Питом, либо Лутом, но уж точно никогда не Бирнсом. Однако Дженеро был Дженеро. Теперь он слушал, как Мейер с рёвом несётся по склону к развязке.

«Да», - сказал Карелла в трубку, - «что у тебя, Ковбой?»

«Может быть, наводка на этого Джоуи Ла Пазу. Ты всё ещё заинтересован?»

«Мне всё ещё интересно.»

«Это может быть ерунда», - сказал Гаучо, - «а может быть и то что надо.» Вот что произошло. Эта девушка зашла в лавку полчаса назад, разглядывала товар, мы разговорились, и оказалось, что она в конюшне Джоуи.»

«Где он? Она знает?»

«Ну, вот этого я ещё не понял. Тут такая забавная штука происходит. Джоуи ушёл в подполье, потому что боится, что вы, ребята, повесите на него убийство проститутки. А вот эта девушка - та, что сидит сейчас в моём магазине, - до смерти боится, что станет следующей. Она не хочет возвращаться в квартиру...»

«Она сказала тебе, где он находится?»

«Нет. В любом случае, Джоуи там сейчас нет. Я же говорил, он вырыл себе яму и закопал её за собой.»

«Здесь, в городе?»

«Девушка не знает.»

«Ты можешь поддержать её в магазине для меня?»

«Я могу только продать ей немного белья», - сказал Гаучо.

«Я буду там через пять минут. Держи её в магазине», - сказал Карелла.

Сидя за своим столом, Мейер сказал: «А я-то думал, что идёт дождь!» и разразился хохотом. Клинг ударил по столешнице и крикнул: «А я-то думал, что идёт дождь!»

Дженеро моргнул, а затем вежливо рассмеялся.

Девушка в задней комнате магазина Гаучо казалась окружённой инструментами слишком сложного для её лет ремесла. Невысокая, довольно симпатичная рыжеволосая девушка с россыпью веснушек на щеках и носу выглядела как тринадцатилетняя девочка, которую вызвали в кабинет директора за мелкий проступок. Её одежда - точнее, наряд - преувеличивало представление о том, что перед вами ребёнок,

только-только вступивший в пору полового созревания. На ней была белая хлопчатобумажная блузка и серая фланелевая юбка, белые носки длиной до колен и лакированные туфли «Мэри Джейн» (*также известные как барные туфли или кукольные туфли, американский термин для закрытой, низкой обуви с одним или несколькими ремешками поперёк подъёма – примечание переводчика*). С маленькой грудью и тонкими костями, с узкой талией и стройными ногами, она выглядела оскорблённой - нет, осквернённой, - просто стоя перед витриной с кожаными браслетами, удлинителями пениса, афродизиаками, надувными женскими куклами в натуральную величину, презервативами всех цветов радуги, книгами о том, как гипнотизировать и завоёвывать женщин, и одним товаром с образным названием «suc-u-lator» (*складная и надувная вагина – примечание переводчика*). Зажмурив большие голубые глаза, девочка, казалось, заблудилась в эротических джунглях, созданных не ею самой, но вдруг маленькая сиротка Энни открыла рот, и из канализации выполз шабаш ящериц и жаб.

«Какого хрена ты позвал копа?», - спросила она Гаучо.

«Я волновался за тебя», - солгал Гаучо.

«Как тебя зовут?», - спросил Карелла.

«Отвалите, мистер», - сказала она. «Для чего я вам понадобилась? Подобрать пару сексуальных трусиков? Разве ваша жена не носит сексуальные трусики?»

«Я тебя ни за что не поймал», - сказал Карелла. «Ковбой говорит мне, что ты боишься, что кто-то собирается...»

«Я ничего не боюсь. Ковбой ошибается.»

«Ты сказала мне...»

«Ты ошибаешься, Ковбой. Если ты хочешь завернуть эти вещи, я заплачу за них и отправлюсь в путь.»

«Где Джоуи Ла Паз?», - спросил Карелла.

«Я не знаю никого по имени Джоуи Ла Паз.»

«Ты работаешь на него, не так ли?»

«Я работаю на «пять и десять» (*«five and dime», сеть магазинов дешёвых товаров – примечание переводчика*).»

«Какой?»

«На Двенадцатой и Ратгерс. Сходите, проверьте.»

«Где ты работаешь по ночам?»

«Я работаю днями. В «пять и десять» на углу Двенадцатой и Ратгерс.»

«Я проверю», - сказал Карелла и достал из внутреннего кармана пиджака блокнот. «Как тебя зовут?»

«Я не обязана называть свое имя. Я ничего не делала, я не обязана вам ничего называть.»

«Мисс, я расследую пару убийств, и у меня нет времени на всякую ерунду, ясно? Как вас зовут? Вы так хотите, чтобы я вас проверил, что я начну проверку, хорошо?»

«Да, проверь, умник. Меня зовут Нэнси Эллиотт.»

«Где вы живёте, Нэнси?»

Девушка колебалась.

«Я спрашиваю, где вы живёте? Какой у вас адрес?»

Она снова заколебалась.

«Что скажете?», - сказал Карелла.

«Я не обязана сообщать вам свой адрес.»

«Правильно, вы не обязаны. Вот что мы сделаем, мисс Эллиотт, если это ваше настоящее имя...»

«Это моё настоящее имя.»

«Отлично, вот что мы сделаем. У меня есть основания полагать, что у вас есть информация о человеке, которого мы разыскиваем в рамках расследования убийства. Это Джоуи Ла Паз, чьё имя я упоминал совсем недавно, если вы его уже забыли. Итак, мисс Эллиотт, вот что мы сделаем, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы. Мы вызовем вас в суд, где вы предстанете перед большим жюри, и они зададут вам те

же вопросы, что задаю я, но с другой стороны. Если вы откажетесь на них отвечать, это будет неуважение к суду. А если вы им солжётё, это будет лжесвидетельство. Так что вы скажете? Мы можем играть по-моему или по-вашему. Для меня нет никакой разницы.»

Нэнси молчала.

«Хорошо», - сказал Карелла, - «я думаю, вы хотите...»

«Я не знаю, где он», - сказала она.

«Но вы же его знаете.»

«Я его знаю.»

«Не хотите рассказать мне, какие у вас отношения?»

«Вы знаете, какие, давайте просто прекратим это дерьмо, хорошо?»

«Отлично. Вы также знали Клару Джин Хокинс?»

«Да, я знала её.»

«Когда вы в последний раз видели её живой?»

«Утром того дня, когда она поймала пули.»

«В прошлую пятницу утром?»

Нэнси кивнула.

«Где?»

«В квартире.»

«Где это?»

«Джоуи убьёт меня», - сказала она.

«Где квартира?»

«На Ларами и Герман.»

«Но вы говорите, что сейчас его там нет?»

«Нет, он ушёл в воскресенье, как только узнал о Си Джей.»

«Почему он ушёл?»

«Он боится, что вы повесите это на него.»

«Это он вам сказал?»

«Он ничего нам не сказал. Он просто ушёл. Я догадываюсь, вот и всё.»

«Кого вы имеете в виду под нами?»

«Себя и других девушек.»

«Сколько вас?»

«Четверо, когда Си Джей была жива. Теперь нас трое.» Она пожала плечами. «Это если Джоуи когда-нибудь вернётся.»

«Как вы думаете, он это сделает?»

«Если он не убивал Си Джей.»

«Вы думаете, он убил её?»

Нэнси пожала плечами.

«Ковбой сказал мне, что вы его боитесь. Это потому, что вы думаете, что он убил её?»

«Я не знаю, что он сделал.»

«Тогда почему вы его боитесь?»

Она снова пожала плечами.

«Вы ведь думаете, что он убил её, не так ли?»

«Я думаю, у него была причина убить её.»

«Какая причина?»

«Подработка.»

«Что вы имеете в виду?»

«Она ему изменяла.»

«На сумму в двести баксов в неделю, я прав?», - сказал Карелла.

«Я не знаю, сколько её маленькая вечеринка приносила в неделю.»

«Что за вечеринка? Она вам говорила?»

«Какая-то пляжная вечеринка», - сказала Нэнси и пожала плечами.

«Каждую неделю?»

«Каждую среду. Она уходила туда утром...»

«Куда?»

«Где-то на пляже.»

«Каком пляже?»

«Где-то на косе Сэндс.»

«Какой из пляжей?»

«Я не знаю.»

«Как она туда попадала?»

«Садилась на поезд. А потом, кто бы это ни был, забирал её на машине.»

«Там, на косе Сэндс?»

«Да, где-то там, на пляже.»

«И вы думаете, Джоуи узнал об этом?»

«Если он убил её, то только потому, что узнал.»

«Как бы он узнал?»

«Ну, я ему не говорила, и Си Джей точно не сказала бы.»

«Тогда кто это сделал?»

«Может быть, Сара.»

«Кто такая Сара?»

«Одна из других девушек. Сара Уайетт. Она новенькая, но всё равно очень его любит. Может, это она ему рассказала.»

«Си Джей говорила ей об этом?»

«Си Джей была болтливой», - сказала Нэнси, кивнув.

«А как насчёт другой девушки? Третьей?»

«Лейки?»

«Это её имя?»

«Это её торговое имя, она откуда-то с Великих озёр, Джоуи назвал ее Лейки.»

«Она знала о подработке Си Джей?»

«Я так не думаю. Они не очень-то ладили. Лейки такая заносчивая, считает, что у неё золотая киска, понимаете, о чём я? Си Джей на такое бы не пошла.»

«Но она рассказала вам двоим.»

«Ну, да.»

«Как вы думаете, почему она стала такой беспечной?»

«Может быть, она была готова к тому, чтобы уйти, и ей просто было уже всё равно.»

«Разве она не должна была осознавать опасность...»

«Она должна была. Джоуи - злобный сукин сын.»

«У него есть оружие?»

«Да.»

«Вы видели его?»

«Да.»

«Что за пистолет?»

«Я не разбираюсь в оружии. У него есть разрешение на него.»

«Разрешение? Как он его получил?»

«Его кузен владеет ювелирным магазином в Даймондбэке. Джоуи заставил его сказать, что он работает на него, доставляя бриллианты и прочее. Так он получил разрешение.»

«Как зовут кузена?»

«Не знаю. Какое-нибудь дурацкое имя, как у Джоуи.»

«Где в Даймондбэке?»

«Ювелирный магазин? Я не знаю.»

«А кузен живёт там?»

«Думаю, да. Он женат и у него сотня детей, как у всех остальных грёбанных спигов (*этническое оскорбление, используемое в США для обозначения латиноамериканцев и испаноязычных – примечание переводчика*) в этом городе.»

Гаучо прочистил горло.

«Не ты, Ковбой», - сказала Нэнси. «Ты другой.»

Гаучо выглядел неубеждённым.

«Вы вернётесь в ту квартиру в центре города?», - спросил Карелла.

«Не знаю, мне как-то страшно. Но... куда ещё я могу пойти?»

«Если Джоуи появится там, возьмите трубку и позвоните по этому номеру», - написал Карелла.

«Конечно, и он сломает мне руку», - сказала Нэнси.

«Как хотите», - сказал Карелла и протянул ей карточку, на которой был написан номер телефона участка. «Если он убил Си Джей, то...»

«Конечно», - сказала Нэнси, закусывая губу, - «по сравнению с этим сломанная рука - что такое, верно?»

Звонок в отдел разрешений на ношение оружия показал, что Хосе Луис Ла Паз действительно получил разрешение на ношение пистолета в третий день мая, то есть примерно в то время, когда он занялся бизнесом по подбору юных леди для джентльменов с хорошим вкусом. В заявлении на получение лицензии в качестве причины, по которой ему понадобился пистолет, был указан тот факт, что он занимается доставкой драгоценных камней в рамках своей работы в ювелирном магазине «Корроско» на Кэбот-стрит, 1727. Владелец магазина, подписавшим своё имя под подтверждающим аффидевитом (*в праве*

США письменное показание или заявление лица, выступающего в роли свидетеля, которое, при невозможности или затруднительности личной явки, даётся под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом – **примечание переводчика**), был Юджин Корроско. Карелла поблагодарил человека в отделе разрешений, отыскал «Ювелирный Корроско» на жёлтых страницах Айзолы и сразу же набрал номер магазина. Мужчина, говоривший с сильным испанским акцентом, сообщил Карелле, что Юджин Корроско уехал в отпуск. Карелла спросил, когда мистер Корроско вернётся, но мужчина не знал. Карелла поблагодарил его, искал на белых страницах «Корроско, Юджин» и дозвонился до женщины, которая сказала, что она миссис Корроско. Она не знала, где находится её муж и когда он вернётся. С запозданием она спросила, кто звонит.

«Это Марти Розен», - сказал Карелла. «Я говорил с ним на прошлой неделе об очень хороших сапфирах, и он сказал, чтобы я ему позвонил.»

«Мистер Розен, его здесь нет», - сказала женщина.

«И вы не знаете, когда он вернётся, да?», - сказал Карелла.

«Нет, я не знаю.»

«Потому что я вернусь в Чикаго, ну, знаете, в пятницу.»

«Мне очень жаль», - сказала женщина.

«Да, всё равно спасибо», - сказал Карелла и повесил трубку.

Он открыл верхний ящик своего стола и достал полицейскую карту, на которой город был разделён на участки. Дом 1727 по Кэбот-стрит находился в самом центре 83-го, в верхней части Даймондбэка.

Восемьдесят третий полицейский участок означал только одно: Толстяк Олли Уикс.

Вытянув руки, расстегнув воротник рубашки, стянув галстук и закатав рукава на массивных предплечьях, Толстяк Олли Уикс пробирался через помещение 83-го участка, чтобы поприветствовать Кареллу и Мейера, стоявших за перегородкой из реек. Оба мужчины были одеты в

мокрые плащи. Мейер был в шляпе профессора Хиггинса, а вот Карелла был без шляпы, и даже от короткой пробежки от машины до участка его волосы стали похожи на спутанный клубок коричневых водорослей.

«Эй, ребята, чёрт возьми», - сказал Олли и схватил Кареллу за руку. «Я не видел вас с тех пор, как у Клинга украли невесту! Боже, как вы там, чёрт возьми, я всё собирался вам позвонить. Ты прихватил с собой старого Кошерного Саями, а?», - сказал он, хватая Мейера за руку. «Как поживает старина Оскар-Мейер Кошерный Саями, а?», - сказал он и разразился хохотом.

Мейер снял шляпу профессора Хиггинса и стряхнул с неё дождь.

«Что привело вас сюда, ребята, в восемьдесят третий, присаживайтесь, добро пожаловать, боже, как я рад вас видеть», - сказал Олли. «Эй, Гонсалес», - крикнул он канцеляристу, - «принеси сюда кофе, будь добр, и добавь шпанскую мушку (*препараты на основе кантаридина, на основе шпанской мушки, или шпанки ясеновой, жесткокрылых из семейства жуков-нарывников, до XX века широко использовались для повышения потенции, хотя даже в малых дозах оказывают плохое воздействие на почки, печень, желудочно-кишечный тракт и на центральную нервную систему – примечание переводчика*)», - и снова разразился хохотом: «Он пуэрториканец, я всегда подшучиваю над ним, чтобы он клал в кофе шпанскую мушку, понимаете, о чём я? Так что, чёрт возьми, как у вас там дела в восемьдесят седьмом? Я всё собирался вам позвонить, клянусь Богом, мне действительно нравится с вами работать.»

«Мы здесь ищем сутенёра по имени Джоуи Ла Паз», - сказал Карелла. «Ты его знаешь?»

«Нет, никого не напоминает», - сказал Олли. Он покачал головой. «Нет.»

«Джоуи Пис?»

«Нет.»

«Как насчёт Юджина Корроско?»

«Конечно, я знаю Джина, но он не сутенёр. Джин владеет ювелирным магазином на Кэбот. Между нами говоря, Джин немного подрабатывает торговлей краденым, из-под прилавка, понимаете? Я жду, чтобы

надрать ему задницу, как только узнаю, что он ещё и кражи со взломом устраивает, как некоторые из этих парней, понимаете? Продают тебе бриллиантовую диадему для жены, наводят на неё грабителя, тот взламывает дверь и крадёт вещь обратно, а на следующей неделе переправляет её куда-нибудь за реку. Очень аккуратно», - сказал Олли. «Пока что Джин - всего лишь мелкий скупщик, вряд ли он стоит того, чтобы его ломать. Я затаился в кустах, чтобы отправить его в тюрьму надолго. Что у вас с ним?»

«Ничего такого. Мы пытаемся найти Джоуи Ла Пазу. Они двоюродные братья.»

«Это из-за того, что проститутку убили в Южном Мидтауне?»

«Да», - сказал Карелла.

«Вот как. Если ищешь сутенёра, то в этом замешана проститутка, верно?», - сказал он, постучал указательным пальцем по виску, улыбнулся Мейеру и сказал: «Точно, Мейер.»

Мейер не улыбнулся в ответ. Мейеру не нравился Олли. Мейер не знал никого, кому бы нравился Олли. Олли был не только толстым, что в Соединённых Штатах Америки автоматически делало его злодеем, он был ещё и нетерпимым. И от него воняло. Его дыхание пахло. Его тело пахло. Он был огромной неизведанной помойкой. А ещё он был хорошим полицейским. По определённым стандартам.

«Так магазин Джина находится прямо за углом», - сказал Олли. «В чём проблема?»

«Похоже, уехал в отпуск», - сказал Карелла.

«Отпуск, чушь собачья», - сказал Олли. «Давайте найдём этого маленького засранца.»

Пуэрториканский квартал Даймондбэка был назван его жителями, которые - возможно, в качестве реакции на город, который, казалось, был полон решимости стереть их в пыль, - потеряли в процессе расселения то тонкое чувство юмора, которое заставило их назвать самую большую трущобу в Пуэрто-Рико «Ла перла» (*«Жемчужина» – примечание переводчика*). Следуя той же сатирической манере, они

могли бы назвать своё гетто в штатах «Эль парадизо» («Рай» – **примечание переводчика**). Но вместо этого они решили называть вещи своими именами. Это место называлось «Эль инфьерно» («Ад» – **примечание переводчика**), и запахи здесь были латиноамериканского происхождения, что означало, что наряду с более сильными не конфессиональными запахами совместного проживания и отходов, присутствовали и более экзотические ароматы пропаренного мяса, картофельного супа, чёрной фасоли, риса с колбасой и мясной тушёнки.

«От одной только ходьбы по этим грёбаным зданиям хочется есть», - сказал Олли. «За углом есть испанский ресторанчик, если вы, ребята, захотите перекусить попозже. Цены очень умеренные, если вы понимаете, о чём я, да, действительно, о, да», - сказал он, подмигивая и впадая в своё всемирно известное подражание У. К. Филдсу (американский комик, актёр, фокусник и писатель – **примечание переводчика**). «Что это здесь», - сказал он, возвращаясь к своему обычному голосу, который звучал где-то между хрюканьем и рычанием, таким урчанием с перегаром, которое вырывалось из его огромной бочкообразной груди и металось по гравийной яме горла, чтобы вырваться из толстых губ с вонью серы и желчи - Мейер задался вопросом, когда Олли в последний раз чистил зубы. В День Гая Фокса (имеется в виду Ночь Гая Фокса, также известная как Ночь костров и Ночь фейерверков, традиционное для Великобритании ежегодное празднование, но не государственный праздник, в ночь на 5 ноября – **примечание переводчика**)? Который не отмечался в Соединённых Штатах Америки. «Это место», - сказал Олли, - «где Джин Корроско хранит дерьмо, которое он скупает, да, друзья, он не в курсе, что Олли знает об этом, его ждёт сюрприз, маленького колючего засранца. Это на третьем этаже, приготовьтесь к жару друзья, на случай, если Корроско решит, что его маленький тайник стоит защитить.»

Они были уже на третьем этаже и шли за Олли по коридору к двум квартирам в конце коридора. «Это ЗА, та, что справа», - сказал Олли. «Давайте я сначала послушаю, а?» Как только они оказались перед дверью, он приложил ухо к двери, прислушиваясь так, как прислушивается любой хороший полицейский, прежде чем стучать в дверь или выбивать её. Пистолет он держал в правой руке, левое ухо было прижато к двери, он тяжело дышал после подъёма на третий

этаж, и изо рта у него воняло до небес. «Их двое, насколько я могу судить», - прошептал он. «Я выломаю дверь, а вы заходите за мной.»

«Олли», - сказал Карелла, - «у нас нет ордера, я полагаю...»

«К чёрту ордер», - сказал Олли, - «это Даймондбэк.» Он отошёл от двери, пересёк коридор, а затем помчался к ней со всей ловкостью изящного бегемота, ударив по замку плечом, а не ногой; Мейер догадался, что Олли было бы трудно поднять колено. Дверь отлетела от косяка, посыпались гайки и болты, и Олли вошёл в комнату; левое плечо всё ещё было опущено после удара по замку, но теперь он разворачивался, чтобы поднять правую руку - руку с пистолетом - на уровень. Карелла и Мейер оказались прямо за ним.

Комната напоминала миниатюрный склад. На полу, практически от стены до стены, стояли самые разнообразные телевизоры, радиоприёмники, тостеры, фотоаппараты, проекторы, пишущие машинки, микроволновые печи, фены, велосипеды, лыжи, стерео-проигрыватели, усилители, тюнеры и колонки, а также куропатка на грушевом дереве. Вдоль одной из стен стояла вешалка, на которой висели шубы из норки, соболя, лисицы, енота, рыси, опоссума, чернобурки, оцелота, персидского ягнёнка и четырёх чёрных собак колли. Двое мужчин стояли возле длинного стола, на котором сверкали браслеты, ожерелья, броши, диадемы, часы, кулоны, серьги, серебряная посуда, серебряные кубки, серебряные кувшины, серебряные сервировочные подносы и пять золотых колец. В комнату, словно двенадцать лордов (*12 штатных лордов по апелляциям или «лордов-законников», пожизненных пэров с юридическим опытом, коллективно называемые Апелляционный комитет палаты лордов – примечание переводчика*), вошёл изящный Толстяк Олли, за ним - неуклюжий Стив Карелла, опасавшийся незаконного проникновения, и осторожный Мейер Мейер, боявшийся, что его шляпа свалится и он споткнётся об неё перед этими двумя громами, которые держат здесь, в Даймондбеке, склад ворованного.

«Так, так», - сказал Олли, - «разве это не интересно! Замри, Джин. Мои друзья очень любят дёрганных.»

Юджин Корроско отвернулся от стола в тот момент, когда дверь распахнулась. Это был невысокий мужчина с пятнистым лицом и

густыми чёрными усами Сапаты (мексиканский политический и военный деятель эпохи Мексиканской революции, предводитель восставших крестьян юга страны – **примечание переводчика**). Он был почти таким же лысым, как Мейер, но не совсем. Его другом был белокурый блондин. Блондин посмотрел сначала на полицейских, а потом на Корроско; его глаза, казалось, обвиняли Корроско в том, что он утаил важную информацию, например, о том, что сюда могут вломиться копы. Казалось, он вот-вот разрыдается.

«Здравствуйте, детектив Уикс», - сказал Корроско. У него был очень высокий голос, и он озорно ухмылялся, как будто его только что поймали с девушкой на крыше, а не в комнате с краденными вещами.

«Небольшая распродажа, Джин?», - сказал Олли.

«Нет, нет, просто здесь есть кое-какие вещи», - сказал Корроско.

«О, да», - сказал Олли голосом У. К. Филдса, - «здесь много всего, да, действительно.»

«Да», - сказал Корроско, всё ещё ухмыляясь.

«Ты и твой приятель затеяли небольшую заварушку, Джин?», - спросил Олли.

«Нет, нет», - сказал Корроско. «Просто кое-что здесь храним, вот и всё.»

«Чьи вещи, Джин?»

«Моей матери», - сказал Корроско.

«Твоей матери?», - сказал Олли, искренне удивляясь. «Ну-ну. Твоей матери.»

«Да», - сказал Корроско. «Она хранит всё здесь.»

«Твоя мать любит телевизоры», - сказал Олли.

«Да, это так.»

«Я насчитал четырнадцать комплектов.»

«Да, четырнадцать», - сказал Корроско. «У неё было четырнадцать комнат.»

«Смотрели телевизор во всех комнатах, да?»

«Да, во всех комнатах», - сказал Корроско.

«И в туалете тоже?»

«А?»

«Она смотрела телевизор в туалете?»

«Нет, не в туалете», - сказал Корроско.

«Что она делала в туалете?», - спросил Олли. «Она фотографировала в туалете?»

«А?»

«Здесь много камер. Твоя мама делала снимки в туалете?»

«О да, в туалете», - усмехнулся Корроско.

«Корроско», - сказал Олли, - «я собираюсь арестовать тебя за хранение краденного.»

«Ну и дела, детектив Уикс», - сказал Корроско.

«Если только...»

«Сколько?», - сразу же сказал Корроско.

«Вы слышали это?», - Олли с шокированным выражением лица повернулся к Карелле и Мейеру, стоявшим у открытой двери с пистолетами в руках. «Вы слышали, что только что сказал этот человек?»

«Я ничего не говорил», - сказал Корроско.

«Я тоже», - сказал блондин.

«Я очень надеюсь, что ты не пытался дать взятку», - сказал Олли.

«Нет, нет», - сразу же сказал Корроско. «Нет, сэр. Не я.»

«Я тоже», - сказал блондин, покачав головой.

«Вот что я вам скажу», - сказал Олли.

«Что?», - сразу же сказал Корроско.

«Есть кое-кто, кого мы ищем.»

«Кого?», - снова сразу сказал Корроско.

«Человека зовут Джоуи Ла Паз.»

«Никогда о нём не слышал», - сказал Корроско.

«Ты никогда не слышал о своём собственном кузене?»

«Он мой кузен?», - сказал Корроско. «Нет, он не может быть моим кузеном. Если я никогда не слышал о нём, как он может быть моим кузеном?»

«Джин», - сказал Олли, - «мне жаль, что приходится так поступать с тобой, потому что преступное владение краденым имуществом может быть либо проступком класса А, либо преступлением класса Е или класса D, в зависимости от стоимости имущества. Это означает, что ты можешь получить год, четыре года или семь лет тюрьмы. Это большой срок, Джин. Но что я могу тебе сказать? Закон есть закон, и я не выполнил бы свой долг, если бы допустил это умышленное нарушение...»

«Ла Паз, вы сказали?»

«Джоуи Ла Паз», - сказал Олли, кивнув.

«О, да. Я думал, вы сказали Лопес.»

«Нет, Ла Паз.»

«Да, уверен. Конечно.»

«В чём уверен?»

«Конечно, он мой кузен.»

«Где он, Джин?»

«Откуда мне знать?», - сказал Корроско. «Вы знаете, где ваш кузен?»

«Нет, но, опять же, я не тот человек, у которого проблемы с копами в комнате, полной краденых вещей.» Олли сделал шаг ближе к Корроско. Корроско отступил к столу. Олли запустил кулак в рубашку Корроско,

приблизил своё лицо к лицу Корроско, а затем шипящим шёпотом сказал: «Слушай меня, спик. Мне нужен твой кузен. Если я не получу твоего кузена, я получу тебя. Если повезёт, тебе попадётся судья-спик, который легко тебя отпустит. Выбирай, Джин. Ты или твой кузен.»

«Зачем он вам нужен?», - спросил Корроско.

«Ты меня не воспринимаешь всерьёз, да?», - сказал Олли, вздохнул и отпустил рубашку. «Ладно», - сказал он, - «бери свою шляпу. И ты, Блонди.»

«Я просто зашёл поздороваться», - сказал блондин.

«Можешь поздороваться с судьёй.»

«Я серьёзно. Скажи ему, Джин. Скажи ему, что я просто зашёл поздороваться.»

«Заткнись», - сказал Корроско. «Мой кузен живёт в квартире на углу Сент-Сабс и Букер.»

«По какому адресу?», - сказал Олли, доставая свой блокнот.

«Шесть двадцать девять Сент-Сабс.»

«Имя на почтовом ящике?»

«Эми Уайетт.»

«Кто это? Одна из его проституток?»

«Нет, её мать.»

«Чья мать?»

«Сары Уайетт.»

«Девушки в его конюшне?»

«Да, но недавней.»

«Хорошо, Джин, большое спасибо. А теперь бери свою шляпу.»

«Не понял?», - сказал Корроско. «Что? Вы же сказали мне...»

«Это было до того, как ты стал со мной хитрить. Бери свою долбанную шляпу!»

«Это нечестно», - сказал Корроско, надувшись.

«А кто сказал, что так должно быть?», - спросил Олли.

Ла Паз приподнялся с кровати с пистолетом в руке, как только дверь от удара распахнулась и замок влетел в комнату. На нём были только тёмные узкие брюки, ни рубашки, ни обуви, ни носков. Его кожа была кремового оттенка, и он поддерживал себя в хорошей форме: мускулы пульсировали на его груди и по всей длине руки, когда он направил пистолет на широкую грудь Олли.

«Просто нажми на курок, говнюк», - сказал Олли.

Ла Паз колебался.

«Давай, не тяни», - сказал Олли. «Два моих друга наделают в тебе всюду дырок и запихнут в унитаз, как кусок дерьма, которым ты и являешься. Жми на грёбанный курок!»

Карелла ждал, затаив дыхание, наполовину надеясь, что Ла Паз положительно отреагирует на смелость Олли. Но вместо этого тот опустил пистолет.

«Хороший мальчик», - сказал Олли. «Брось его на пол.»

Ла Паз бросил его на пол.

«Поднимайся. Вставай. Хватай одежду», - приказал Олли. Он толкнул Ла Пазу к стене, а затем обыскал его между ног и по бокам брюк. «Так», - сказал он, - «повернись. Кто ещё есть в этой дыре?»

«Никого», - сказал Ла Паз.

«Где Эми Уайетт?»

«Она работает. Её здесь нет.»

«Совсем один, да?»

«Да.»

«Надеюсь, ты не упадёшь и не поранишься», - сказал Олли. «Некому будет вызывать «скорую», кроме нас, а? Эти джентльмены хотят задать тебе несколько вопросов. Надеюсь, ты будешь сотрудничать с ними, Джоуи, потому что я не люблю неприятностей в своём участке, ясно?»

«Как вы добрались до меня?»

«У нас есть способы, парень», - сказал Олли голосом У. К. Филдса. Он поднял пистолет, посмотрел на него, а затем сказал Карелле: «Ты же не гоняешься за «Кольтом» 32-го калибра, верно?»

«Нет», - сказал Карелла.

«Очень жаль», - сказал Олли и спрятал пистолет за пояс. Он снова повернулся к Ла Пазу. «Отвечай на вопросы этого мужика», - сказал он.

«Конечно», - сказал Ла Паз. «Что вы хотите знать?»

«Расскажи мне о Кларе Джин Хокинс», - сказал Карелла.

«Я так и знал», - сказал Ла Паз.

«Что ты знал?»

«Что это будет связано с ней.»

«С чем, чёрт возьми, ты думал, это будет связано, ты, тупой ублюдок?», - сказал Олли. «Девушка убита, что, по-твоему, эти парни ищут, тупой облавы на сутенёра? Это убийство, ты, тупое дерьмо, тебе лучше ответить этим парням прямо.»

«Я не убивал её», - сказал Ла Паз.

«Никто никогда никого не убивал», - сказал Олли. «В мире полно жертв, но никто никогда не становился их жертвой. Давай, Стив, спроси его о том, о чём должен спросить.»

«Что ты знаешь о еженедельных пляжных вечеринках где-нибудь на косе Сэндс?», - сказал Карелла.

«Что?»

«Ты слышал мужика, ты глухой, что ли?», - сказал Олли.

«Пляжная вечеринка?», - сказал Ла Паз и покачал головой. «Я не понимаю, о чём вы.»

«Он имеет в виду, что ты отправил кого-то из своих девчонок развлекаться на пляж, вот что он имеет в виду, тупица», - сказал Олли.

«Вы это имеете в виду?», - спросил Ла Паз.

«Ты мне скажи», - сказал Карелла.

«Я ничего не знаю о пляжных вечеринках на косе Сэндс.»

«Вечеринки на пляже по средам», - говорит Карелла.

«Нет, я ничего о них не знаю.»

«Ты знаешь, куда Клара Джин Хокинс ходила каждую среду вечером?»

«Да, чтобы увидеться с матерью. Её мать больна, она ходила к ней каждую среду вечером, оставаясь до четверга.»

«И ты не был против?»

«Середина недели в любом случае не слишком активна», - сказал Ла Паз и пожал плечами.

«Во сколько она возвращалась в четверг?»

«Когда времени оставалось достаточно. Она выходила на улицу в десять-одиннадцать часов вечера. Я не жаловался на то, что она навещала свою мать, если вы пытаетесь это утверждать.»

«Я не пытаюсь ничего утверждать», - сказал Карелла. «Просто остынь.»

«Успокойся, сопляк», - сказал Олли. «Он не пытается ничего утверждать.»

«Он говорит, что мне не понравилось, что она поехала к матери...»

«Это ничего не меняет», - сказал Олли. «Просто отвечай на его грёбанные вопросы, а в остальном держи рот на замке. Давай, Стив.»

«В последнее время вы говорили между собой с грубостью?»

«Нет, мы прекрасно ладили.»

«Так же, как ты ладил с другими девушками?»

«Точно так же.»

«Так же, как и с Сарой Уайетт?»

«Сара другая.»

«Как это?»

«У нас с Сарой есть кое-что общее.»

«Но не у тебя с Кларой Джин, да?»

«Нет, не я и Си Джей, нет. Вначале - да, но не в последнее время.»

«Вначале она просто обожала тебя, да?», - сказал Олли.

«Да, у нас что-то было.»

«Как ты её извратил? Или это был наркотик?»

«Нет, она не занималась дурью.»

«Просто влюбилась в тебя, да?»

«Ну, примерно так.»

«Легко понять, почему, ты так великолепен.»

«Она так и думала», - сказал Ла Паз.

«О, я тоже так думаю, милый», - сказал Олли и вяло помахал ему запястьем. «Ты, сутенёр хренов, превратил девчонку в шлюху, ты это понимаешь? Разве это ничего для тебя не значит?»

«Это ей не повредило», - сказал Ла Паз и пожал плечами.

«Нет, ей это совсем не повредило», - сказал Олли. «Всё, что это сделало, это убило её.»

«Не это её убило.»

«Что случилось?», - сразу же спросил Карелла.

«Откуда мне знать?»

«Почему ты прячешься?», - спросил Карелла.

«Потому что я знал о подработке.»

«Определись», - сказал Карелла. «Ты только что сказал нам, что ничего об этом не знаешь.»

«О чём? Я вас не понимаю», - сказал Ла Паз.

«О пляжных вечеринках по средам.»

«Какое это имеет отношение к...?»

«Он говорит о подработке, тупой мудака», - сказал Олли. «О вечеринках по средам. Вечеринках, о которых ты ничего не знаешь, хотя знаешь, что эта чёртова девушка занималась подработкой. Так что же? Ты знал или не знал?»

«Я знал, что она подрабатывает, но не знал, чем именно. Я не знал, что это постоянная вечеринка или что-то в этом роде. Я просто думал, что она от меня скрывает.»

«Что ты думаешь об этом?», - спросил Карелла.

Ла Паз пожал плечами.

«Просто неважно, да?», - спросил Олли.

«У меня был выбор», - сказал Ла Паз. «Я мог выбить из неё всё дерьмо и рисковать тем, что она перейдёт улицу к какому-нибудь другому парню, или я мог смотреть в другую сторону. Что она делала, если разобраться? Сотня в неделю, что-то в этом роде?»

«Две сотни», - сказал Карелла.

«Значит, даже две сотни», - сказал Ла Паз и пожал плечами. «Стоило ли терять её из-за паршивых двух купюр?»

«Сколько она приносила?», - спросил Мейер.

«Полторы, две штуки в неделю, что-то в среднем. Так стоит ли мне рисковать этим ради двух паршивых купюр?»

«Все твои девочки приносят столько?», - спросил Олли.

«Да, где-то так.»

«Сколько у тебя девушек?»

«Четыре с Си Джей. Три сейчас.»

«Значит, ты заколачивал что-то около шести-семи тысяч в неделю, да?»

«Восемь тысяч в некоторые недели.»

«Ты знаешь, сколько я зарабатываю в год, ты, грёбанный говнюк? Я детектив второго класса, ты знаешь, сколько я зарабатываю в год, ты знаешь, сколько я и эти два парня, стоящие здесь, зарабатываем каждый год, а? Ты хоть представляешь?»

«Нет, я понятия не имею», - сказал Ла Паз.

«Двадцать три грёбанных тысячи долларов в год, вот сколько мы зарабатываем, ты, мелкий сутенёр.»

«Кто рассказал тебе о подработке Си Джей?», - спросил Карелла.

«Двадцать три тысячи в год», - сказал Олли, покачив головой.

«Сара Уайетт», - сказал Ла Паз.

«Но она не знала, что это пляжная вечеринка, да?»

«Нет, сэр, не знала.»

Карелла и Мейер посмотрели друг на друга. Карелла вздохнул. Мейер кивнул.

«Эй, ребята», - сказал Олли, - «не плачьте, а? Не люблю, когда взрослые мужчины плачут. А ты, маленький говнюк», - обратился он к Ла Пазу, - «убирай свою задницу из моего участка. Если я ещё раз увижу твою сутенёрскую задницу здесь, ты пожалеешь, что не вернулся в Маягуэс (*город и порт в Пуэрто-Рико – примечание переводчика*) или ещё куда-нибудь, откуда ты, на хрен, приехал.»

«Пальмас Альтас (*баррио в муниципалитете Барселонета в Пуэрто-Рико – примечание переводчика*)», - сказал Ла Паз.

«То же самое, на хрен», - сказал Олли. «Вон», - сказал он и ткнул большим пальцем в сторону двери.

«Позвольте мне сначала одеться», - сказал Ла Паз.

«Поторопись», - сказал Олли, - «пока мои друзья не решили тебя арестовать просто так.»

В тот момент, когда Ла Паз потянулся за рубашкой, Олли повернулся и подмигнул Мейеру и Карелле. Ни один из мужчин не подмигнул в ответ. Они оба считали, что их дело так же мертво, как и все три жертвы.

Полицейские округа Эльсинор не знали, что у них есть четвёртая жертва в тандеме дел, которые совместно расследуют полицейские участки Южного Мидтауна и восемьдесят седьмой. Полицейские округа Эльсинор считали свой труп первой жертвой. Они нашли тело в четверг вечером в 10:00. Убитого звали Уилбур Мэтьюс. До своей кончины он был слесарем, жившим за магазином, которым владел, в городке Фокс-Хилл, ранее известном как Воксхолл по названию района в округе Ламбет в Лондоне - повсюду на восточном побережье Соединённых Штатов всё ещё чувствовалось влияние колониальной Великобритании.

Фокс-Хилл был маленькой сонной рыбацкой деревушкой, до тех пор, пока тридцать лет назад предприимчивый джентльмен из Лос-Анджелеса не приехал на восток и не открыл то, что тогда называлось «Фокс Хилл Инн», - огромную гостиницу на воде, которая с тех пор перешла в другие руки и была переименована в «Фокс Хилл Армс». Строительство отеля привело к возникновению вокруг него города, подобно тому, как пограничный форт в далёкие, мёртвые времена приводил к появлению поселения вокруг него. Сейчас в Фокс-Хилле проживало около сорока тысяч человек, из них тридцать тысяч - круглогодичные жители, а десять тысяч были известны как «летние люди» или, менее ласково, «морские чайки». Слесарь Уилбур Мэтьюс был круглогодичным жителем. Беглый взгляд на скрупулёзные записи, которые он вёл в запертых шкафах своей мастерской, показал, что за последние пять лет он установил около трёх тысяч замков (именно столько времени длился его учёт деятельности) и за это же время отремонтировал ещё тысячу двести, причём некоторые из них были автомобильными, но большинство - замками домов.

Уилбура Мэтьюса любили в обществе. Если вы заперлись в машине или в доме в два часа ночи, достаточно было позвонить старику Уилбуру, и он оделся бы и пришёл вам на помощь, как это обычно делали врачи. Жена Уилбура умерла во время последнего сильного урагана, не от самого урагана, не от утопления или чего-то ещё, а просто так, в своей постели, заснув как младенец. С тех пор Уилбур жил один. Он был

прихожанином церкви (Первая пресвитерианская на углу Оушенвью и Третьей) и богобоязненным человеком, и во всём Фокс-Хилле не нашлось бы человека, который сказал бы о нём плохое слово. Но кто-то дважды выстрелил ему в голову, и полицейские округа Эльсиноре никак не могли понять, почему.

Полицейские там были несколько более военизированными, чем в городе; даже детективы имели звания сержанта и капрала. Двое, которым поручили расследование убийства Уилбура Мэтьюса, были сержант-детектив Эндрю (Бадди) Бадд и капрал-детектив Луис Деллароса. Они стояли под дождём у окна спальни старика и искали гильзы. Лаборантов там ещё не было; им приходилось проделать весь путь из окружного центра в Эльсиноре. Бадд и Деллароса обыскали дом, но ничего не нашли. Внутри дома человек из офиса судмедэксперта смотрел на мёртвого мужчину, лежавшего в своей постели. В стене за кроватью было два пулевых отверстия, ещё одно - в подушке слева от головы Уилбура Мэтьюса, и ещё два - в самой голове Уилбура Мэтьюса: одно просверлено через левый глаз, другое - через лоб. Помощник судмедэксперта повернулся, чтобы посмотреть в сторону окна, потому что ему показалось, что траектория была выбрана именно там, но он не был полицейским-баллистиком, а человеку из баллистической службы, вероятно, потребуется столько же времени, сколько и лаборантам, ведь им обоим придётся проделать весь путь из штаб-квартиры в Эльсиноре. Помощник судмедэксперта решил, что ему лучше объявить человека мёртвым, и с полной уверенностью заявил, что причиной смерти стали множественные огнестрельные ранения. Он уже начал писать отчёт, когда вспышка молнии осветила окно, на которое он смотрел мгновение назад, а затем раздался раскат грома, напугавший его так же, как когда-то во Вьетнаме во время зачистки деревни. Он сразу же вышел в коридор и спросил у полицейского в форме, можно ли ему воспользоваться туалетом.

Полицейский сказал: «Нет, это место преступления.»

После сорока восьми часов вы начинаете немного отчаиваться. После семидесяти двух начинаете молиться о передышке: удивительно, как много копов уходят в религию после семидесяти двух часов работы над

холодным делом об убийстве. После четырёх дней вы уверены, что никогда не раскроете это проклятое дело. А когда доходите до шестидневного рубежа, начинаете отчаиваться снова и снова. Это отчаяние другого рода. Это отчаяние, граничащее с одержимостью; вы начинаете видеть убийц под каждым камнем. Если ваша бабушка смотрит на вас хмурыми глазами, вы начинаете подозревать её. Вы снова и снова просматриваете напечатанные отчёты, изучаете рисунки с мест преступлений, читаете отчёты об убийствах в других участках, просматриваете досье в поисках убийств, в которых орудием преступления был пистолет 38-го калибра или жертвой была проститутка, певец или управляющий бизнесом, перебираете дела об убийствах, связанных с мошенничеством или полу-мошенничеством, вроде аферы Гарри Кейна с тщеславными записями, пересматриваете дела об убийствах, связанные с пропажей или похищением людей, - и в конце концов становитесь экспертом по всем таким убийствам, совершённым в этом чёртовом городе за последние десять лет, но всё ещё не знаете, кто, чёрт возьми, убил трёх человек в ближайшем прошлом, не говоря уже о десяти годах назад.

Сейчас было 9:40 утра пятницы, 22 сентября, всего четырнадцать часов не хватает до 11:40 вечера, когда ровно неделю назад обеспокоенный гражданин набрал номер службы спасения 911, чтобы сообщить о двух мужчинах, истекающих кровью на тротуаре на пересечении Калвер и Южной Одиннадцатой. Четырнадцати часов не хватало до недели. Приблизительно четырнадцать часов не хватало до полуночи. Сегодня без двадцати минут полночь Джордж Чеддертон был бы мёртв уже целую неделю. В 3:30 утра завтрашнего дня Клара Джин Хокинс также была бы мертва целую неделю. Амброуза Хардинга, который сейчас лежал в гробу в похоронном бюро Монро на Сент-Себастьян-авеню, похоронят завтра в 9:00 утра, и к этому времени он будет мёртв уже почти четыре дня. А дело продолжало лежать, как локс (*филе солёного лосося, иногда копчёное, часто подают на бублике со сливочным сыром – примечание переводчика*) без бублика.

В 9:40 того же утра Карелла пришёл к Хлое Чеддертон в её квартиру в Даймондбэке. Сначала он позвонил из дома и поэтому был несколько удивлён, обнаружив её в том же длинном розовом халате, в котором она была почти неделю назад, когда они с Мейером постучались к ней в дверь в два часа ночи. Когда она впустила его в квартиру, ему пришлось в

голову, что он никогда не видел Хлою в уличной одежде. Она всегда была либо в ночной рубашке с накинутым на неё халатом, как сейчас, либо полуголая на барной стойке, либо сидела за столиком, а поверх танцевального костюма на ней была лишь хлипкая нейлоновая обёртка. Он мог понять, почему Джордж Чеддертон хотел, чтобы его жена ушла из «шоу-бизнеса», учитывая, что она, казалось, была намерена демонстрировать день и ночь любому заинтересованному зрителю. Сидя сейчас напротив неё в гостиной, Карелла смотрел на длинную ногу, показавшуюся в проёме её халата, и молча признавал, что и сам является заинтересованным зрителем. Смутившись при воспоминании о том, как Хлоя полностью обнажилась на барной стойке во «Фламинго», он быстро достал блокнот и принялся листать его страницы.

«Хотите кофе?», - спросила она. «У меня есть немного на плите.»

«Нет, спасибо», - сказал Карелла. «Я просто хочу задать вам несколько вопросов, а потом отправлюсь в путь.»

«Не торопитесь», - сказала она и улыбнулась.

«Миссис Чеддертон», - сказал он, - «по телефону я попытался немного проинформировать вас о том, что, по нашему мнению, связывает вашего мужа и Си Джей Хокинс, о том, что они говорили о совместном выпуске альбома.»

«Да, но Джордж никогда не говорил мне об этом», - сказала Хлоя.

«Что-то под названием «В жизни». Помните, в его записной книжке...»

«Да...»

«В ту ночь, когда мы были здесь...»

«Да, я помню.»

«Именно так, по нашему мнению, должен был называться альбом.»

«Угу», - сказала Хлоя.

«Но он никогда не упоминал об этом альбоме.»

«Нет.»

«Или мисс Хокинс. Он никогда не упоминал никого по имени Клара Джин Хокинс или Си Джей Хокинс.»

«Никогда», - сказала Хлоя и переместилась на диван.

Карелла снова заглянул в свой блокнот. «Миссис Чеддертон...», - сказал он.

«Я бы хотела, чтобы вы называли меня Хлоей», - сказала она.

«Ну... э-э... да, хорошо», - сказал он, но вместо этого обошёл имя так, как обошёл бы лужу на тротуаре. «В календаре встреч, который вы мне дали, фамилия Хокинс и инициалы Си Джей появились в следующие даты: десятое августа, двадцать четвёртое августа, тридцать первое августа и седьмое сентября. Это всё четверги. Мы знаем, что выходной у мисс Хокинс был в четверг...»

«Прямо как у уборщицы», - сказала Хлоя и улыбнулась.

«Что?», - сказал Карелла.

«По четвергам и каждое второе воскресенье», - сказала Хлоя.

«О. Ну, я не заметил этой связи», - сказал Карелла.

«Не волнуйтесь, я не собираюсь затевать очередные расовые разборки», - сказала Хлоя.

«Я так не думал.»

«В ту ночь я ошиблась в вас», - сказала она. «В ту первую ночь.»

«Ну», - сказал он, - «это...»

«Знаете, когда я поняла, что с вами всё в порядке?»

«Нет, когда это было?»

«Во «Фламинго». Вы проверяли имена и даты в своём маленьком блокноте, как делаете это сейчас, и спросили меня, кто такой Лу Дэвис, и я сказала, что это человек, который владел залом, где работал мой муж...»

«Да, я помню.»

«И вы сказали «как глупо» или что-то в этом роде. О себе, я имею в виду. Вы называли себя тупым.»

«Я тоже был прав», - сказал Карелла и улыбнулся.

«И я решила, что вы мне нравитесь.»

«Ну... хорошо. Рад это слышать.»

«На самом деле я была очень рада, когда вы позвонили сегодня утром», - сказала Хлоя.

«Ну... э-э... хорошо», - сказал он и улыбнулся. «Я говорил, что встречи вашего мужа с Си Джей Хокинс...»

«Она была проституткой, верно?»

«Да, это всегда происходило по четвергам, в четверг у неё был выходной. Однако у нас есть основания полагать, что что-то вроде пляжной вечеринки происходило каждую среду вечером, и мне интересно, упоминал ли ваш муж когда-нибудь о такой вечеринке.»

«Пляжная вечеринка?»

«Ну, мы не знаем, была ли это вечеринка на пляже. Мы знаем только, что Си Джей приезжала на пляж в каком-то месте...»

«Каком пляже?»

«Мы не знаем - и получала деньги за свои услуги там.»

«О.»

«Да, мы думаем, что это была обычная проституция, которой она где-то там занималась.»

«С Джорджем, вы хотите сказать?»

«Нет, я на это не намекаю. Я знаю, что у вас был хороший брак, я знаю, что не было никаких проблем...»

«Чушь собачья», - сказала Хлоя.

Карелла посмотрел на неё.

«Я знаю, что именно это я вам и говорила», - сказала она.

«Да, и не раз, миссис Чеддертон.»

«Более двух раз, на самом деле», - сказала она и улыбнулась. «И я Хлоя. Я бы хотела, чтобы вы называли меня Хлоей.»

«Вы хотите сказать, что в вашем браке не всё было хорошо?»

«Всё было прогнившим», - сказала она.

«Другие женщины?»

«Наверное.»

«Проститутки?»

«Я бы не стала его укорять за всю его чушь про «женщину-сестру».»

«Значит, вы не исключаете возможность сексуальных отношений между вашим мужем и мисс Хокинс.»

«Я ничего не сбрасываю со счетов.»

«Он когда-нибудь уходил из квартиры в среду вечером?»

«Его не было в квартире почти каждую ночь.»

«Я пытаюсь выяснить...»

«Вы пытаетесь выяснить, были ли он и эта женщина вместе по вечерам в среду.»

«Да, миссис Чеддертон, потому что...»

«Хлоя», - сказала она.

«Хлоя, верно, потому что если я смогу установить, что между ними было нечто большее, чем этот дурацкий альбом, если я смогу установить, что они встречались друг с другом и, возможно, кто-то из-за этого расстроился...»

«Не я», - сразу же сказала Хлоя.

«Я этого и не предполагал.»

«Почему бы и нет? Я только что сказала вам, что мы были несчастливы. Я только что сказала вам, что у него были другие женщины. Разве это не причина...»

«Ну, может быть», - сказал Карелла, - «но логистика не та. Мы были здесь почти до трёх часов ночи в прошлую пятницу, а Си Джей была убита в три тридцать. Вы не могли одеться, проделать весь путь до центра города и найти её на улице за такой короткий промежуток времени.»

«Значит, вы подумали об этом?»

«Я думал об этом», - сказал Карелла и улыбнулся. «Я вообще всё обдумываю последние несколько дней. Поэтому я буду благодарен за любую помощь, которую вы мне окажете. Я ищу связь между ними двумя.»

«Двое? А как же Аме?»

«Нет, я думаю, Хардинг был убит, потому что убийца боялся опознания. Его даже предупредили заранее.»

«Предупредили?»

«Предупредили. С розовой орхидеей под названием calypso bulbosa. Думаю, убийца хочет, чтобы его поймали. Думаю, он похож на того парня, который много лет назад писал помадой на зеркале. Эта орхидея - то же самое. Иначе зачем предупреждать человека? Почему бы просто не убить его? Он хочет, чтобы его остановили, кем бы он ни был. Так что если вы можете вспомнить хоть что-нибудь о том, как в среду вечером вашего мужа не было в этой квартире...»

«Мне кажется, вы не понимаете», - сказала Хлоя. «Его не было чаще, чем он был здесь. Бывало, в последнее время я сидела здесь и разговаривала с четырьмя стенами. Мне хотелось вернуться в клуб. Я возвращалась домой где-то в восемь тридцать, девять часов, ела здесь одна в квартире, Джордж уходил, а я сидела и думала, какого чёрта я здесь делаю, почему мне просто не вернуться в клуб? Поговорить с девушками, чтобы было с кем поговорить. Потанцевать для мужчин, чтобы кто-то смотрел на меня так, словно знал, что я жива, понимаете? Джордж был так увлечен собой, что никогда... Ну, посмотрите на меня, я

красивая женщина, по крайней мере, я думаю, что я красивая женщина, а он был... - как вы думаете, я красивая?»

«Да», - сказал Карелла, - «так и есть.»

«Конечно, но не для Джорджа. Джордж был так влюблён в себя, так полностью поглощён собственными проектами, своими мечтательными альбомами, которые так и не были сделаны, своим дерьмом, которое несли певцы калипсо, своими поисками своего чёртова брата, который, вероятно, сбежал и бросил его, потому что он не мог его выносить больше, чем кто-либо другой! Джордж, Джордж, Джордж, всё это было Джорджем, Джорджем, Джорджем, он, ублюдок, назвал себя правильно, король Джордж, именно таким он себя и считал, болван! Знаете, что он мне сказал, когда хотел, чтобы я ушла из «Фламинго»? Он сказал, что мои танцы там плохо отражаются на его имидже популярного певца. Его имидже! Я ставила его в неловкое положение, вы понимаете? Ему ни разу не пришло в голову, что, возможно, я позорю и себя. Это ведь унижительно, не так ли? Сидеть на корточках на барной стойке и пихать себя в лицо какому-то мужчине? Вы выглядите нервным», - внезапно сказала она. «Я заставляю вас нервничать?»

«Немного.»

«Почему? Потому что вы видели меня голой?»

«Может быть.»

«Вступайте в клуб», - легкомысленно сказала она и томно взмахнула рукой над головой. «Вы понимаете, о чём я говорю?»

«Думаю, да.»

«Между нами больше ничего не было, вот что я хочу сказать. Когда вы принесли мне новости той ночью, когда вы пришли сюда и сказали, что Джорджа убили, я начала плакать, потому что... потому что я подумала: чёрт, Джорджа убили давным-давно. Джорджа, которого я любила и за которого вышла замуж, убили больше лет назад, чем я могу вспомнить. Всё, что осталось, - это кто-то, бегающий вокруг и пытающийся стать большой звездой, у которого не было ни единого шанса. Вот почему я начала плакать в ту ночь. Я начал плакать, потому что вдруг осознала, как давно он мёртв. Как долго мы были мертвы, на самом деле.»

Карелла кивнул и ничего не сказал.

«Я долго была одинока», - сказала она. А потом тихо, так тихо, что это казалось частью шёпота дождя за окнами, она сказала: «Стив.»

В комнате воцарилась тишина. На кухне слышалось ровное шипение газовой струи под кофейником. Где-то вдалеке раздавались раскаты грома. Он смотрел на неё, смотрел на длинную загорелую ногу и бедро в проёме розового платья, смотрел на стройную лодыжку и покачивающуюся ступню и вспоминал её на барной стойке «Фламинго».

«Если... если вы больше ничего не можете мне сказать», - сказал он, - «мне лучше уйти.»

«Останьтесь», - сказала она.

«Хлоя...», - сказал он.

«Оставайтесь. Вам ведь понравилось то, что вы увидели в тот день, не так ли?»

«Мне понравилось то, что я увидел, да», - сказал Карелла.

«Тогда останьтесь», - прошептала она. «В другой комнате дождь не такой сильный.»

Он смотрел на неё и жалел, что не может сказать ей, что не хочет заниматься с ней любовью, не говоря об этом прямо. Он знал сотню полицейских в департаменте - ну, во всяком случае, пятьдесят, - которые утверждали, что ложились в постель с каждой жертвой кражи со взломом, ограбления, нападения или чего бы то ни было, и, возможно, так оно и было, догадывался Карелла, возможно, так оно и было. Он догадывался, что Коттон Хоуз делал так, хотя и не был в этом уверен, и Хэл Уиллис делал, и Энди Паркер делал, а может, и врал, когда хвастался в отделе о всех своих завоеваниях в спальнях. Но он знал, что Мейер не делал этого, и знал, что сам скорее отрубил бы себе правую руку, чем был бы неверен Тедди, хотя бывали моменты - как в эту чёртову минуту, когда напротив него сидела Хлоя Чеддертон, улыбка исчезла с её лица, глаза сузились, нога покачивалась, халат был распахнут до самого основания, - когда он не хотел бы ничего лучше, чем провести мокрую пятницу в постели с тёплой незнакомкой в

другой комнате, где дождь был бы помягче. Он посмотрел на неё. Их взгляды встретились.

«Хлоя», - сказал он, - «вы красивая, интересная женщина, но я работаю полицейским, которому нужно раскрыть три убийства.»

«А если бы вам не нужно было раскрывать все эти убийства?», - спросила она.

«Я также женат», - сказал он.

«Значит ли это что-нибудь в наше время?»

«Да.»

«Хорошо», - сказала она.

«Пожалуйста», - сказал он.

«Я сказала «хорошо»», - огрызнулась она. А потом, повысив голос, отрывисто и сердито сказала: «Я ничего не знаю о вечеринках Джорджа по средам, да и о шлюхах тоже. Если больше вопросов нет, я бы хотела сейчас одеться.»

Она в защитной манере сложила руки на груди и натянула халат на скрещённые ноги. Она так и сидела, когда он вышел из квартиры.

Пёс сидел у закрытых двойных дверей, ключи висели у него на ошейнике, куда она их положила. Она опоздала принести Санто завтрак, но сегодня утром выглядела счастливой и взволнованной, и это её воодушевление несколько напугало его. Накладывая в рот кукурузные хлопья, он наблюдал за тем, как она расхаживает по комнате, и вспоминал, что именно так она вела себя перед всеми другими случаями, когда делала с ним что-то. Когда она уколола его иголками, когда прижгла сигаретами, когда... когда он очнулся и... и... мизинца на его правой руке не было, она... она сначала накачала его наркотиками, а потом... потом отрезала ему палец, пока... пока...

«Ешь свой завтрак», - сказала она.

Она почти никогда не давала ему наркотики по утрам, обычно это был ужин, она обычно подсыпала ему что-то в еду во время ужина, а потом...

делала то, что... делала то, что она... она... но этим утром она была так взбудоражена, как никогда прежде, меряя шагами комнату, шагая взад и вперёд от закрытых входных дверей к закрытой двери ванной, проходя мимо Санто, который сидел и ел с подноса на журнальном столике перед диваном.

«Пей свой кофе», - сказала она, - «пей его, пока он ещё горячий. Я приготовила тебе горячий кофе. Почему ты никогда не ценишь ничего из того, что я для тебя делаю?»

«Я ценю всё, что ты делаешь», - сказал он.

«О, да, конечно», - сказала она и рассмеялась. «Вот почему ты пытался убежать.» Она снова рассмеялась. «И сбежал. Не говори со мной о благодарности.»

«Сбежал?»

«Ну, ты больше никогда не сбежишь, не волнуйся об этом.»

«Ты говоришь о том времени, когда Кларенс...»

«Нет, нет, нет, нет», - сказала она и рассмеялась слишком искренне, из-за чего дрожь пробежала по его спине. «Не дорогой Кларенс - нет, стой, Кларенс - не твой добрый друг Кларенс, который прижал тебя к земле тогда, ты помнишь то время, ты это имеешь в виду? Нет, не то время, я имею в виду первый раз, не думай, что я не знала, что ты хочешь меня оставить, не думай, что я не осознавала этого.»

«Я же сказал, что хочу уйти.»

«Тихо!», - сказала она. «Пей свой кофе. Я приготовила для тебя горячий кофе. Пей!»

«В нём что-то есть?», - спросил он.

«Почему? Ты боишься того, что я сделаю с тобой, когда ты уснёшь?», - спросила она и снова рассмеялась. «Ты знаешь, что случилось со стариком во сне прошлой ночью?»

«Каким стариком?», - спросил Санто.

«Хранителем ключей», - сказала она, - «человеком, который чинил замки... Ты помнишь человека, который чинил замки?»

«Я никогда его не видел», - сказал Санто.

«Верно, ты был без сознания, не так ли? Кто-то подсыпал тебе что-то в еду. Ты никогда не встречал беднягу, не так ли? А вот Кларенс с ним встречался, не так ли, Кларенс?»

При упоминании своего имени собака начала бить хвостом по полу.

«Да, Кларенс», - сказала она, - «хороший пёс, ты единственный, кто теперь знает. Ты и Санто. Единственные, кто знает.»

«Что знают?», - спросил Санто.

Она снова рассмеялась, и вдруг смех застрял у неё в горле, словно удушье, лицо ее посерьёзнело, она указала на него пальцем и сказала: «Ты не должен был бросать меня, Роберт.»

«Роберт?» - сказал он. «Эй, да ладно, я...»

«Я же просила тебя быть потише! Я должна была спрятать твою одежду. Ты бы не смог уйти без одежды. Ты же не мог убежать отсюда голым, правда, Роберт?»

«Послушай, я... я Санто. А теперь прекрати, ты...»

«Я сказала, замолчи!»

Он закрыл рот. У двери зарычала собака.

«Раздевайся», - сказала она.

«Послушай, мне действительно не хочется...»

«Делай, что я тебе говорю. Или ты хочешь, чтобы собака помогла тебе? Хочешь помочь ему раздеться, Кларенс?»

Уши собаки резко поднялись.

«Не хочешь ли ты помочь Роберту раздеться?», - спросила она. «А ты бы хотел, милый? Или подождём, пока он не потеряет сознание?»

«Ты ведь что-то подмешала в кофе, не так ли?», - сказал он.

«О да», - сказала она и весело рассмеялась. Он ненавидел, когда она смеялась этим своим чёртовым весёлым смехом. «Что-то в кофе, и в молоке, и в апельсиновом соке, что-то неизбежное сегодня утром.»

«Почему?», - спросил он и поднялся с дивана. Он ещё ничего не чувствовал, возможно, она лгала. В другие разы, во все другие разы, у него почти сразу кружилась голова, но в этот раз он ничего не почувствовал.

«Почему?», - повторила она. «Потому что ты знаешь, не так ли?»

«Что я должен знать, чёрт возьми?», - спросил он.

«Что ты здесь. Что ты здесь, где должен быть, а не сбежал, бросив невесту на полгода, гнилой ублюдок, на этот раз я вырежу тебе сердце!»

«Послушай, ты путаешь меня с...»

«Тише, пожалуйста, ты не можешь быть тише?», - сказала она и закрыла уши руками.

«Ты ведь ничего не подмешивала в еду, правда?»

«Я же сказала, что клала, почему ты не можешь верить всему, что я тебе говорю или делаю для тебя, я пытаюсь спасти тебя, ты не понимаешь этого?»

«Спаси меня от чего?»

«От ухода отсюда. От исчезновения. Ты не должен уходить отсюда, Роберт. Ты исчезнешь, если уйдешь».

«Хорошо, я не уйду. Просто пообещай мне, что если ты что-нибудь подложила в еду...»

«Да, это так.»

«Хорошо, тогда пообещай мне, что ты не будешь... не будешь делать... не будешь делать ничего со мной, пока я...»

«О, да», - сказала она. «Обязуюсь.»

«Ты обещаешь?»

«Обещаю?», - спросила она. «О, нет, Роберт, ты не должен уходить», - сказала она. «Не сейчас. Смотри», - сказала она, потянулась к сумочке и достала из неё пистолет, тот самый пистолет, который она показывала ему давно, давно, так давно, что он с трудом мог вспомнить;

кукурузные хлопья и апельсиновый сок, о которых она говорила, большой чёрный пистолет в её руке, - «смотри», - сказала она, - «я собираюсь убить собаку», - сказала она, - «послушай, Роберт, потому что собака знает, что ты здесь, она скажет им, Роберт, они придут и заберут тебя, Роберт, я убью собаку», - комната расплывалась, когда он поднялся с дивана, протягивая к ней руку, - «а потом я сниму с тебя одежду, всю одежду, ты будешь голым», - сказала она, пистолет поднялся на уровень выше, - «видишь пистолет, Кларенс», - хвост собаки ударил по полу, - «раздену тебя до гола», - сказала она, двигаясь к собаке, а его рука тянулась, тянулась, его рот открывался и закрывался в попытке выговорить слова, которые он не мог произнести, - «раздену тебя до гола», - повторила она, «раздену тебя догола», - снова сказала она, и пистолет взорвался раз, два, и он увидел, как затылок собаки ударился о массивную деревянную дверь, обрушив на неё хрящи, кости и кровь, прежде чем рухнул на пол, всё пытаясь сказать: «Не режь меня, не жги меня, не делай мне больно, не надо, пожалуйста, не надо...»

Было уже немного за двенадцать пополудни, когда они добрались до квартиры Дороти Хокинс. На этот раз у них был ордер на обыск. И на этот раз Дороти Хокинс не было дома. Комендант дома сообщил им, что миссис Хокинс работает в Беттауне на фабрике по производству транзисторных радиоприёмников, о чём детективы уже знали и о чём могли бы вспомнить, если бы дело не перешло в стадию настоящего отчаяния. В отчаянии Карелла и Мейер показали управляющему постановление суда и объяснили, что Беттаун находится чертовски далеко от Даймондбэка и что для поиска миссис Хокинс им придётся ехать на машине в центр города, в Лэндс-Энд, где они переседают на паром или поедут по новому мосту, но тогда они окажутся в центре Виллидж-Ист, сердца Беттауна, и им придётся ехать на другой конец острова, где находится большинство фабрик, и если им придётся тащить миссис Хокинс с собой, чтобы требовать от неё, миссис Хокинс, отпереть дверь, она потеряет целый день работы, а хотел ли управляющий, чтобы бедная женщина потеряла целый день работы? Управляющий сказал, что, конечно, не хочет, чтобы такая милая леди, как миссис Хокинс, потеряла день работы.

«Тогда как насчёт того, чтобы открыть нам дверь?», - сказал Мейер.

«Наверное», - с сомнением сказал управляющий.

Под его пристальным взглядом они почти два часа обыскивали квартиру сверху донизу, но не смогли найти ни малейшего намёка на то, куда Си Джей Хокинс уходила каждую среду на протяжении последних тринадцати недель.

Девушка, открывшая дверь квартиры Джоуи Писа в центре города, была высокой рыжеволосой, на которой не было ничего, кроме красных трусиков-бикини. У неё были очень длинные ноги и довольно пышная грудь с сосками, которые смотрели один на другой, и выглядели так, словно нуждались в офтальмологе. У неё также были зелёные глаза и вьющиеся волосы, а смотрела и говорила она несколько странно.

«Привет, привет», - сказала она, открывая дверь и заглядывая в прихожую. «Вы здесь только вдвоём?»

«Только мы двое», - сказал Карелла и показал ей свой полицейский значок.

«Эй, ничего себе», - сказала она, - «круто. Где вы это взяли?»

«Мы полицейские», - сказал Карелла. «У нас есть судебный ордер на проведение обыска в этой квартире, и мы будем признательны, если вы нас впустите.»

«Да, эй, вау», - сказала она, - «что вы ищете?»

«Мы не знаем», - сказал Мейер, что было достаточно близко к истине и вызвало у рыжей пароксизм смеха, от которого её возбуждённая грудь затряслась, а глаза стали ещё более косыми, чем за мгновение до этого.

Судья, выдавший ордер, не хотел давать им, как он выразился, «слепую лицензию на проведение поиска блуждающих огоньков», пока Карелла не указал, что он очень конкретно упомянул, что ищут детективы, и что они ищут, ваша честь - если вы только взглянете на заголовок номер два - песок, ваша честь, чтобы сравнить его с песком, обнаруженным в квартире жертвы убийства и уже находящимся на хранении в полицейском управлении и в полицейской лаборатории, в надежде провести положительное сравнение, ваша честь. Судья недоверчиво посмотрел на него; он знал, что это предположение совершенно

беспочвенно. Но он также знал, что эти люди расследуют тройное убийство, и подозревал, что ничьи права не будут ущемлены, если они проведут обыск в квартирах, где чаще всего обитала одна из жертв, поэтому он выдал один ордер на обыск квартиры миссис Хокинс, а другой - на обыск более роскошной квартиры Джоуи Писа на Ларамивеню.

Рыжая посмотрела на ордер, который Карелла держал перед её лицом. Она продолжала изучать документ и кивать. Мейер, наблюдая за ней, заметил, что её глаза ещё больше расфокусированы, чем её вывернутая грудь, и решил, что её естественному сумасшествию в какой-то степени способствует нечто, заставляющее её парить где-то под потолком.

«Ты только что принимала?», - спросил он.

«Да, тигр», - сказала девочка и хихикнула.

«Что ты делаешь, дорогая?», - сказал Мейер.

«Кто, я?», - спросила девушка. «Прямая как стрела, чувак, они зовут меня Прямая Стрела, чувак, да.» Она заглянула за ордер в коридор. «Я думала, вас будет больше», - сказала она.

«Сколько?», - спросил Карелла.

«Десять», - сказала девушка и пожала плечами.

«Миньян (необходимый кворум для совершения публичного богослужения и проведения ряда религиозных обрядов в иудаизме – **примечание переводчика**)», - сказал Мейер.

«Нет, только десять», - сказала девушка.

«Кто из них ты?», - спросил Карелла. «Лейки или Сара?»

«Сара. Эй, откуда вы знаете моё имя?»

«Мою жену зовут Сара», - сказал Мейер.

«Где Нэнси Эллиотт?»

«Она ушла. Она боялась, что Джоуи причинит ей боль. Эй, откуда вы знаете Нэнси?»

«Мою бабушку зовут Нэнси», - говорит Мейер.

«Да? Без шуток.»

«Без шуток», - сказал Мейер. Его бабушку звали Роуз.

«Где Лейки?», - спросил Карелла.

«Пошла покупать выпивку. Сегодня должна быть большая вечеринка, чувак», - сказала она и снова выглянула в коридор.

«В час дня?», - сказал Карелла.

«Конечно, почему бы и нет?», - сказала Сара и пожала плечами. «Идёт дождь.» Каждый раз, когда она пожимала плечами, её соски требовали корректирующих линз.

«Вы видели ордер», - сказал Карелла. «Как насчёт того, чтобы впустить нас?»

«Конечно, давайте», - сказала Сара, вышла в коридор и посмотрела в сторону лифта.

«Лучше заходите сами», - сказал Мейер, - «пока не простудились.»

«Просто они должны были уже быть здесь», - сказала она и пожала плечами.

«Проходите внутрь», - сказал Мейер.

Сара снова пожала плечами и последовала за ним в квартиру. Мейер запер дверь и накинул на неё цепочку.

«Вы девушка Джоуи Писа, да?», - сказал он.

«Нет, он мой большой папа», - сказала Сара и захихикала.

«Иди оденься», - сказал Мейер.

«Зачем?»

«Мы женатые люди.»

«А кто нет?», - сказала Сара.

«Где спала Си Джей?», - спросил Карелла.

«Со всеми», - сказала Сара.

«Я имею в виду, где её спальня?»

«Вторая по коридору.» Зазвучал зуммер на двери. Сара повернулась к ней и сказала: «Вот они. Что мне им сказать?»

«Скажите им, что вы заняты», - говорит Карелла.

«Но я не занята.»

«Скажите им, что здесь копы», - сказал Мейер. «Может, они сами уйдут.»

«Кто, копы?»

«Нет, миньян.»

«Я же сказала, что не миллион», - ответила девушка. «Только десять.»

«Иди и открой дверь», - сказал Карелла.

Сара подошла к двери и отперла ее. Вошла высокая блондинка в промокшем плаще и полиэтиленовым шарфе на голове, неся в руках объёмистый коричневый бумажный пакет. Она положила пакет на стол Парсонса (*модернистский квадратный или прямоугольный стол, четыре ножки которого имеют квадратное сечение, находятся на одном уровне с краями столешницы и равны ей по толщине – примечание переводчика*), стоящий прямо перед входной дверью, спросила: «Почему ты так долго не открывала?», а затем, увидев Кареллу и Мейера, сказала: «Привет, ребята.»

«Привет, Лейки», - сказал Карелла.

«Они легавые», - хмуро сказала Сара.

«Чёрт», - сказала Лейки, сняла пластиковый шарф и распустила свои длинные светлые волосы. «Это облава?» - спросила она.

«Они получили ордер на обыск», - сказала Сара.

«Чёрт», - повторила Лейки.

Едва они начали открывать ящики в комнате Си Джей, как снова раздался зуммер. Через несколько минут они слышали громкие голоса в фойе. Карелла вышел из спальни и направился к входной двери. Шесть мокрых и явно раздражённых мужчин стояли там и спорили с

Сарой, на которой по-прежнему не было ничего, кроме красных трусиков-бикини.

«В чём проблема, ребята?», - спросил Карелла.

«Кто ты такой?», - спросил один из мужчин.

«Полиция», - сказал Карелла и показал им свой значок.

Мужчины молча смотрели на него.

«Это настоящий значок?», - спросил один из мужчин.

«Чистое золото», - сказал Карелла.

«Вот и прошла эта чёртова вечеринка, да?», - сказала Сара.

«Хорошо сказано», - сказал Карелла.

«Охренеть», - сказал один из мужчин, качая головой. «Должен я вам сказать.»

Мейер позвал из спальни: «Стив! Иди посмотри на это.»

«Закройте за собой дверь, мальчики», - сказал Карелла и махнул им рукой.

«Это была отличная идея, Джимми», - сказал один из мужчин.

«Просто заткнись, а?», - сказал Джимми и захлопнул за собой дверь. Карелла запер её и надел ночную цепочку.

«И что же мне теперь делать весь день?», - спросила Сара.

«Иди почитай книгу», - сказал Карелла.

«Что?», - сказала она.

«Стив!», - позвал Мейер.

«Вы, ребята, врываетесь сюда», - сказала Сара, следуя за Кареллой по коридору, - «и мы потеряем половину заработка, вот что принесёт нам эта вечеринка.»

«Что у тебя?», - спросил Карелла Мейера.

«Это», - сказал Мейер.

«Расписание поездов Си-Джей», - сказала Сара, - «большое дело. Какой от этого прок? Она мертва, она больше не будет ездить на поездах», - сказала она, энергично покачивая головой и грудями из стороны в сторону.

«Может, ты пойдёшь и наденешь что-нибудь?», - сказал Мейер. «У меня от тебя кружится голова.»

«Многие люди так говорят», - сказала Сара, глядя на свою грудь. «Интересно, почему.»

«Иди надень лифчик, ладно?»

«У меня нет бюстгалтеров», - сказала Сара и сложила руки на груди.

«Ты когда-нибудь видела, чтобы она с этим сверялась?», - сказал Карелла.

«Только раз в неделю», - сказала Сара.

«Когда?»

«Каждую среду.»

«Посмотри, что она отметила», - сказал Мейер.

На одной стороне расписания были указаны все поезда, следующие из Айзола в Таркингтон, который был последней остановкой на линии косы Сэндс. На другой стороне расписания были перечислены все поезда, прибывающие в город с противоположного направления. Си Джей обвела кружком название одного города на обратной стороне расписания: Фокс-Хилл.

«Послушайте», - сказала Сара, - «не хотите ли вы, ребята, выпить чего-нибудь? Я имею в виду, что не хочу тратить впустую этот чёртов день, правда.»

«Следующий поезд в три одиннадцать», - сказал Карелла и посмотрел на часы.

«Я имею в виду», - обратилась Сара к Мейеру, - «что ты, кажется, любишь выпить, что скажешь?»

«Что это?», - сказал Карелла.

«Где?», - сказал Мейер.

«Прямо здесь», - сказала Сара. «Моя спальня в конце коридора.»

«Здесь, в самом низу расписания», - сказал Карелла.

«Что скажешь, Лысый?»

«В другой раз», - сказал Мейер.

«Когда?», - сказала Сара.

Внизу расписания были нацарапаны цифры 346-8711. Если оба детектива не сильно ошиблись, перед ними был телефонный номер.

Патрульного, который доставил их на остров в полицейском катере округа Эльсинор, звали Сонни Гарднер. То, что час назад, когда они покидали город, было непрерывным ливнем, здесь, на косе, превратилось в слабую морось, которая была чем-то большим, чем туман, но меньшим, чем настоящий дождь, - туманная холодная сырость, которая дула с воды и проникала в кожу, словно через осмос (*самопроизвольный перенос, или диффузия, растворителя через полупроницаемую мембрану – примечание переводчика*).

«Вы выбрали чертовски неудачный день для поездки в Хоукхерст», - сказал Сонни. «Я могу придумать дни и получше.»

«Так называется остров?», - спросил Карелла. «Хоукхерст?»

«Нет, это дом. Остров - это Кент. Но названия связаны, если вы понимаете, о чём я? Парень, который построил этот дом, проводил лето в Кенте. Это в Англии, это графство в Англии. Когда англичане были здесь, на косе, командир форта на одном из островов был родом из Кента. Он назвал эти два острова Большой Кент - тот, на котором был форт, - и Малый Кент, на который мы и направляемся. Так или иначе, парень, который впоследствии купил Малый Кент, был знаком с Англией, и когда он построил там дом, то назвал его Хоукхерст - это город в Кенте.»

«Мужчина по фамилии Паркер, верно?», - сказал Карелла.

«Нет, сэр, насколько мне известно, нет.»

«В телефонной компании сказали, что телефон числится за Л. Паркером.»

«Это дочь.»

«Как её зовут?»

«Лили. Старик построил для неё дом, когда она вышла замуж.»

«Как его зовут?»

«Фрэнк Петерсон. Петерсон Ламбер, вам он известен?»

«Нет.»

«Очень известный здесь, на косе. Начал бизнес в бухте Джексон, где-то после Первой мировой войны, и превратил его в многомиллионное предприятие. Купил остров для своей дочери, когда ей было шестнадцать. Единственный ребёнок. Подарок на день рождения, понимаете? Как бы вам понравился такой отец?», - спросил Сонни.

«Да», - сказал Мейер, подумав, что единственное, что дал ему отец, - это двойное прозвище.

«Хотя кто знает?», - сказал Санни. «Люди говорят, что ребёнок спятил, так что кто знает, как это бывает, а?»

«Ребёнок?», - сказал Мейер.

«Да, дочь. Ну, она уже не ребёнок, ей, наверное, уже около сорока.»

«Я так понимаю, она замужем», - сказал Карелла.

«Была замужем», - сказал Сонни. «Муж бросил её чуть ли не в день свадьбы. Тогда-то она и сошла с ума.»

«Насколько она была плоха?», - спросил Карелла.

«Ну, она не могла быть такой уж плохой», - сказал Сонни, - «потому что её не посадили в тюрьму или что-то в этом роде. Заботились о ней там, на острове. Я часто видел, как старик на железнодорожной станции забирал медсестёр - когда они менялись сменами, знаете ли.»

«Но люди всё равно говорят, что она чокнутая, да?», - сказал Мейер.

«Ну, эксцентричная», - сказал Сонни. «Выражайтесь так. Эксцентричная.»

«Ну, эксцентричная», - сказал Сонни. «Скажем так. Эксцентричная.»

«Где сейчас старик?»

«Умер», - сказал Сонни. «Должно быть, уже шесть или семь лет. Да, точно, в июле этого года исполнилось семь лет. Тогда он и умер. Оставил дочь одну на всём белом свете.»

Лодка подходила к небольшой песчаной бухте на южной оконечности острова. Там в бухту вдавался окутанный туманом причал, его сваи стояли в тумане как призрачные часовые. За ним, на океанской стороне острова, прибой бился о длинный пляж с белым песком.

«Здесь только один дом, знаете ли», - сказал Сонни. «Хоукхерст. Это частный остров. Этот и Большой Кент. Оба частных острова.» Он подогнал катер к причалу, Карелла прыгнул на берег и поймал швартовочный канат, который ему бросил Мейер. Он закрепил канат на одной из свай, протянул руку, чтобы помочь Мейеру сойти на берег, а затем сказал: «Вы можете подождать нас?»

«Как еще вы сможете вернуться?», - сказал Сонни. «Здесь нет паромного сообщения, это частная территория, как я вам и говорил.»

«Мы можем задержаться», - сказал Карелла.

«Не торопитесь», - сказал Сонни.

Дом возвышался на фоне ещё более серого неба. Мейер и Карелла подошли к парадной двери по выложенной сланцем дорожке. Звонка и таблички не было, но на двери висел потускневший латунный стук, и Карелла поднял его и несколько раз стукнул им по обветренному дереву. Детективы ждали. Со стороны океана дул холодный влажный ветер. Карелла поднял воротник пальто и снова постучал по двери стуком.

Дверь приоткрылась лишь только на щель, резко остановившись на ночной цепочке. За дверью, за щелью, была тьма. В темноте они смутно различали бледный овал, который казался женским лицом, парящим в пространстве за дверью.

«Миссис Паркер?», - сказал Карелла.

«Да?»

«Полиция Айзолы», - сказал он и показал свой значок.

«Да?»

«Мы можем войти?»

«Зачем?»

«Мы расследуем несколько убийств в городе», - начал Мейер, - «и мы бы...»

«Убийства? Что я могу знать об...»

«Откройте, пожалуйста, миссис Паркер», - сказал Карелла. «Здесь холодно и сыро, и я думаю, что мы сможем лучше поговорить...»

«Нет», - сказала она, - «я занята», - и стала закрывать дверь. Карелла тут же сунул ногу в сужающийся клин дверного проёма.

«Уберите ногу», - сказала она.

«Нет, мэм», - сказал он. «Моя нога останется на месте. Либо вы позволите нам...»

«Нет, я вас не пущу.»

«Хорошо, тогда мы поговорим прямо здесь. Но вы не закроете перед нами эту дверь, мэм.»

«Мне нечего вам сказать.»

«Мы здесь потому, что нашли ваш номер телефона в расписании поездов, принадлежащем одной из жертв убийства», - сказал Карелла. «346-8711 - это ваш номер телефона?»

Точечный свет в темноте за щелью двери, её глаза вспыхивают. Тишина. Затем: «Да, это мой номер.»

«Вы знаете кого-нибудь по имени Си Джей Хокинс?»

«Нет.»

Длинные светлые волосы - теперь он мог различить их в темноте. Глаза снова мелькнули на узком бледном лице за узким клином двери и косяка.

«Как насчёт Джорджа Чеддертона?»

«Нет.»

«Амброуз Хардинг?»

«Нет.»

«Миссис Паркер, мы знаем, что Си Джей Хокинс каждую среду приезжала на косу Сэндс, и на станции Фокс-Хилл её встречал человек на автомобиле.» Карелла сделал паузу. «Это был кто-то из вас?», - спросил он.

«Нет.»

«Мэм, если бы вы просто открыли дверь, мы могли бы...»

«Нет, не открою. Уберите ногу. Шевелитесь, чёрт вас побери!»

«Нет, мэм», - сказал Карелла. «Вы знаете кого-нибудь по имени Санто Чеддертон?»

Снова глаза мелькнули в темноте за дверью. Короткое колебание. Затем: «Вы спрашивали о нём раньше, не так ли?»

«То был Джордж Чеддертон. Это его брат, Санто.»

«Я не знаю ни одного из них.»

«У вас есть пистолет?»

«Нет.»

«Вы покидали этот остров в последние дни?»

«Нет.»

«Вы были здесь в ночь на пятнадцатое сентября около одиннадцати часов?»

«Да.»

«Как насчет трёх тридцати утра той же ночью?»

«Я была здесь.»

«Кто-нибудь был с вами?»

«Нет.»

«Миссис Паркер», - сказал Карелла, - «я был бы признателен, если бы вы сняли эту цепочку...»

«Нет.»

«Вы не поможете себе...»

«Уходите.»

«Вы только вынуждаете нас вернуться с ордером на обыск.»

«Оставьте меня в покое.»

«Хорошо, тогда так и придётся поступить», - сказал Карелла и отдёргнул ногу от двери. Она тут же захлопнулась. Его чёртова нога болела.

«Гнилая сука», - сказал он и начал спускаться по тропинке к ожидающему его катеру.

Рядом с ним Мейер сказал: «Мы действительно собираемся получить ордер?»

«В округе Эльсинор?», - сказал Карелла. «Это займёт у нас месяц.»

«Ты думаешь о том же, о чём и я?»

«Я думаю, мы все равно зайдём.»

«Хорошо», - сказал Мейер.

Сонни Гарднер ждал их на причале.

«Мы останемся ненадолго», - сказала ему Карелла. «Я бы хотел, чтобы вы отправились на материк без нас. Пошумите, заведите мотор, посигнальте, убедитесь, что она знает, что вы уходите. Поняли?»

«Я понял», - сказал Сонни. «Когда вы хотите, чтобы за вами заехали?»

Карелла посмотрел на Мейера. Мейер пожал плечами.

«Пусть это будет через час», - сказал Карелла.

«Что, чёрт возьми, в этом доме?», - спросил Сонни.

«Может быть, привидения», - сказал Карелла.

«Похоже на то», - сказал Сонни и закатил глаза. Он заводил двигатель, когда они услышали первый крик. Это был крик ужаса и боли, он пронизывал туман и заставлял волосы на затылках подниматься дыбом. Карелла и Мейер потянулись за пистолетами. В тот же момент Сонни заглушил двигатель и достал своё оружие - но не двинулся с места. Двое детективов подбежали к входной двери по выложенной дорожке. Карелла выбил её ногой, и оба они веером влетели в подъезд, освещённый лампой Тиффани (*тип лампы, в которой абажур собран в витраж* – **примечание переводчика**), висевшей над угловым столиком, на котором были навалены журналы, газеты и почта. Пригнувшись, они прошупывали пустую прихожую пистолетами и услышали второй крик, донёсшийся откуда-то снизу и справа.

«Подвал», - сказал Карелла и побежал к двери в дальнем конце коридора, ведущего на кухню. Он распахнул дверь и снова услышал крик, на этот раз продолжительный, не ослабевающий, а потом один пронзительный, ровный, с паузами, достаточными для того, чтобы тот, кто кричал, перевёл дыхание, а затем снова продолжил. Он спустился по ступенькам в подвал, Мейер следовал за ним. Вместе они пробежали через отделанную комнату с бильярдным столом в центре, затем мимо закрытой печи и остановились перед массивной дубовой дверью с рояльными петлями, которая была открыта в коридор. Из комнаты за этой дверью доносились крики: пауза, снова задыхание, а затем крик, непрерывный, полный ужаса, агонии. За первой дверью была вторая, тоже открытая, и эта дверь была направлена в комнату. Карелла шагнул в комнату и чуть не споткнулся о тушу немецкой овчарки, лежавшую прямо в дверном проёме. Затылок собаки был разнесён, на полу образовалась лужа засыхающей крови. Карелла двигался вокруг крови, вокруг собаки и вокруг второй двери, когда она подошла к нему.

Сонни Гарднер говорил им, что женщине, которая живёт здесь, всего сорок лет, но женщина, которая подходила к Карелле сейчас, была, конечно, старше этого возраста. Да, она была высокой и стройной, и да, её тело в длинном чёрном платье казалось молодым, а светлые волосы

слегка седили то тут, то там. Но её лицо было лицом шестидесятилетней старухи, исхудавшее и измождённое, его покрывала жуткая бледность, глаза запали, губы плотно сжаты. Он сразу понял, что смотрит на обезумевшее лицо сумасшедшей женщины, и почувствовал внезапный холод, не имеющий ничего общего с непрекращающимися криками, доносившимися из другого конца комнаты.

В руке Лили Паркер был нож, с ножа капала кровь, длинное чёрное платье было залито кровью, длинные светлые волосы растрепались, на руках и на лице были брызги крови. Когда она подошла к нему - он еще не видел, кто лежит на кровати, - он подумал, не из-за крови ли она не открыла дверь, не была ли она залита кровью, стоя там, в коридоре, за ночной цепочкой? Её глаза расширились и уставились на него - он ещё не видел человека на кровати - нож был вытянут и болтался в воздухе. В первый раз он выстрелил в упор, по её ногам в черном чехле залитого кровью платья, и промахнулся, но она всё равно пошла на него, и тогда он поднял пистолет и сделал два выстрела подряд, оба попали ей в левое плечо, крутанули ее и повалили на ковровое покрытие пола.

Он ещё не видел ужаса на кровати.

На ковре вокруг кровати была кровь. Кровь пропитала постельное бельё. На кровати, на спине, лежал мужчина, привязанный за руки и ноги к четырём столбам. Мужчина всё ещё кричал, хотя Лили Паркер лежала раненая на полу, где она уже не могла причинить ему вреда. Кожа была только на лице. Остальная кожа была содрана с его тела, так что он лежал обнажённым, пульсирующим кровоточащим месивом из непокрытых мышц и нервов.

Карелла сразу же отвернулся, едва не столкнувшись с Мейером, который стоял прямо за ним. «Нам... нам нужно...» - сказал он и не смог договорить. Он поискал телефон, но в комнате его не оказалось, и он быстро спустился в подвал и поднялся на кухню, где нашёл телефон на стене. Набрав номер местной полиции, он назвал себя, рассказал, что у него здесь произошло, и попросил немедленно прислать скорую помощь.

«Это очень плохо», - сказал он. «Я никогда в жизни не видел ничего подобного.»

Дождь прекратился только утром в воскресенье, 24 сентября. Дождь прекратился сразу; тучи не рассеивались в течение нескольких часов, но сейчас, по крайней мере, дождя не было. Первые неуверенные лучи солнца пробились сквозь пасмурную погоду в 2:00, а к 2:15 мокрые тротуары заблестели от солнечного света. В 3:30 того же дня Санто Чеддертон умер в отделении интенсивной терапии больницы Фокс-Хилл. В тот же день в психиатрическом отделении на шестом этаже больницы Буэна Виста в Айзоле группа психиатров проводила допрос Лили Паркер, чтобы определить, достаточно ли она вменяема, чтобы предстать перед судом. Позже на стол Кареллы попала расшифровка интервью. Когда он читал её, то не мог вспомнить ничего, кроме распластанного тела Санто Чеддертона в той подвальной комнате в Хоукхерсте.

Вопрос: Миссис Паркер, вы можете рассказать нам, почему вы убили Джорджа Чеддертона?

Ответ: Потому что он знал.

Вопрос: Что он знал?

Ответ: Что Роберт был со мной на острове.

Вопрос: Роберт?

Ответ: Мой муж.

Вопрос: Вы были вместе на острове?

Ответ: В подвальной комнате, где меня обычно запирали.

Вопрос: Кто вас запирал?

Ответ: Роберт и мой отец.

Вопрос: Миссис Паркер, ваш муж ушёл от вас почти двадцать лет назад, не так ли?

Ответ: Ну, да, но он вернулся.

Вопрос: Если он оставил вас так давно...

Ответ: Да, но он вернулся, я вам только что сказала.

Вопрос: Тогда бы он не смог запирасть вас в той подвальной комнате.

Ответ: Да, но не мой отец.

Вопрос: Это ваш отец запер вас в той комнате, не так ли?

Ответ: Медсестра сидит за дверью. Постоянно делает мне уколы.

Вопрос: Ваш отец так поступил с вами?

Ответ: И Роберт. Это всё из-за Роберта, разве вы не видите?

Вопрос: Потому что Роберт бросил вас?

Ответ: Да. Тогда я заболела. Когда Роберт уехал. Тогда отец поставил двери и запер меня.

Вопрос: Миссис Паркер, когда умер ваш отец?

Ответ: Семь лет назад.

Вопрос: В каком месяце, не могли бы вы вспомнить?

Ответ: В июле.

Вопрос: А когда вы познакомились с Санто Чеддертоном?

Ответ: Я не знаю, кто это.

Вопрос: Миссис Паркер, у нас есть список гостей благотворительного бала «Блонди», который состоялся одиннадцатого сентября, семь лет назад.

Ответ: Да?

Вопрос: Ваше имя в списке - мы предполагаем, что это ваше имя - Л. Паркер. Это вы?

Ответ: Да, Лили Паркер.

Вопрос: Санто Чеддертон был одним из музыкантов на балу в тот вечер.

Ответ: Я не знаю никого по имени Санто Чеддертон.

Вопрос: Разве Санто Чеддертон не тот человек, с которым вы жили на острове?

Ответ: Нет, нет.

Вопрос: Кем был этот человек?

Ответ: Робертом. Моим мужем. Он вернулся. После смерти папы Роберт вернулся ко мне.

Вопрос: Где вы встретили его снова, миссис Паркер?

Ответ: На балу в сентябре, принцесса-фея, вся в белом, маска на лице, он даже не сразу понял, что это я. Глупый Роберт занимался музыкой в группе.

Вопрос: Когда вы отвезли его на остров?

Ответ: Утром. Мы провели ночь в отеле, он очень извинялся, мы так красиво занимались любовью.

Вопрос: А утром вы отправились на остров?

Ответ: Да.

Вопрос: И с тех пор он оставался там с вами?

Ответ: О, да, с чего бы ему уезжать? Я очень хорошо о нем заботилась. Он знал это. Наконец-то он понял, как сильно меня любит.

Вопрос: Миссис Паркер, почему вы убили Клару Джин Хокинс?

Ответ: Потому что она рассказала.

Вопрос: Что рассказала?

Ответ: О нас на острове. Однажды ночью я привезла её домой к Роберту, потому что подумала, что она может его стимулировать, ну, вы понимаете, третья сторона. Это было нечестно, он никогда не хотел уезжать с острова, и я решила привнести ему немного внешней стимуляции, понимаете? Однажды я заметила её на улице в центре города, возле железнодорожного терминала, она показалась мне молодой и энергичной, и я спросила, не хочет ли она поехать со мной в Хоукхерст. И, конечно, она согласилась, она видела, что я красивая женщина с хорошим воспитанием, он всегда говорил мне, какая я

красивая, мой отец подарил мне остров на шестнадцатилетие, и Си Джей тоже признала мою красоту, лизала мою вагину, смаковала мою вагину, жаль, что мне пришлось её убить.

Вопрос: Когда вы говорите, что она рассказала...

Ответ: Она рассказала его брату, разве вы не видите?

Вопрос: Брату Санто?

Ответ: Я узнала об этом в прошлый четверг, когда отвозила её на станцию. Она сказала мне, что собирается записать с ним совместный альбом с песнями! Они собирались писать песни обо всех её переживаниях, представляете? Песни о нас! Песни о том, что мы делали вместе на острове.

Вопрос: Она так сказала? Что песни будут о вас?

Ответ: А какими же ещё они могут быть?

Вопрос: Значит, вы её убили.

Ответ: Конечно. Чтобы спасти Роберта.

Вопрос: Чтобы спасти его?

Ответ: Да, чтобы спасти его, чтобы сохранить его.

Вопрос: Тогда... Миссис Паркер... почему вы убили его?

Ответ: Я не делала этого.

Вопрос: Он мёртв, миссис Паркер. Мы узнали о его смерти совсем недавно.

Ответ: Нет, нет. Он вернётся, вот увидите. Я тоже долгое время думала, что он умер, но он вернулся, не так ли? Только в этот раз я не буду такой наивной, точно вам говорю. Я забрала у него всю одежду. Раздела его догола. Это было сделано для того, чтобы он снова не сбежал. Но когда он вернётся в этот раз, я буду с ним немного суровее. Однажды я вставила ему в член иглки, чтобы он был твёрдым. Это было до того, как Си Джей начала приходить к нам. Я также отрезала ему один из пальцев. Но это было потому, что его член не был твёрдым. У мужчины должен быть твёрдый член. Если у него нет жёсткого члена, что в нём

хорошего? Я постоянно твердила ему об этом. В этот раз... когда он вернется в этот раз... ну, он увидит, это я вам обещаю.

Вопрос: Что вы сделаете на этот раз, миссис Паркер?

Ответ: О, он увидит. Он увидит.

Был почти октябрь, когда отчёт попал на стол Кареллы. К тому времени Лили Паркер уже поместили в исправительное учреждение Риверхеда для душевнобольных преступников. К тому времени небо над городом было ясным и голубым, а в воздухе витал чистый и свежий аромат. В комнате для сотрудников полиции стучали пишущие машинки, звонили телефоны. Карелла встал из-за стола, подошёл к шкафам для документов, нашёл папку Чеддертона под соответствующей литерой и положил отчёт в начало папки. Дело было закрыто, всё аккуратно упаковано и завязано аккуратным маленьким бантиком. Все части на месте, как в полном фальши детективном романе.

Но телефон на его столе снова зазвонил.